3 1761 08821876 3

LR
Y1566st
Yakubovich, Petr Filippovich

(П. Я.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Stikhotvoreniya

Томъ I.

(1878 — 1897).

5 izd.

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

469044
8.12.47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. № 3—1.
1902.

Дарю Вам, друг мой, одно из лучших русских поэтических произведений и желаю, чтобы он послужило "Вратами" вашей литературной дѣятельности и чтобы ваши произведенія сдѣлали так извѣстны, как стихотворенія П. Я.

Два посвященія.

Жизнь и поэзія—одно!
В. А. Жуковскій.

I.

Эти пѣсни гирляндою розъ
Мнѣ чела не украсятъ, конечно,
Но онѣ создавались изъ слезъ
И изъ крови сердечной...
Добрый другъ! если хочешь, возьми
Эту кровь, эти слезы мои.

II.

Я пою для тѣхъ, чьи души юны,
Кто болѣлъ, какъ за себя, за брата.

. . . . . .

Вамъ заботы объ искусствѣ строгомъ,
Вамъ, пѣвцы любви и ликованья!
Я пою великія страданья
Поколѣнья, про́клятаго Богомъ.

1884.

1878—1879.

Падающая звѣзда.

Звѣздное небо, нѣмое, чудесное...
Вотъ, словно яркій опалъ,
Катится звѣздочка: въ царство небесное
Душу Господь отозвалъ!

Бѣдная! Долго ей ночь неразсвѣтная
Жизни — темницей была;
Вихрь уносилъ ея грёзы завѣтныя
Въ море неправды и зла.

Сжалился Богъ: колесницу прекрасную
Съ ангеломъ кроткимъ за ней Онъ послалъ.
Людямъ же звѣздочкой чудною, ясною
Божій посланникъ предсталъ.

* * *

Вотъ и кончился день, отъ котораго я
Ожидалъ такъ безумно отрады...
Не пройдетъ ли такъ блѣдно и жизнь вся моя,
Какъ въ подвалѣ глухомъ безъ лампады?

И болитъ, и томится тревогой душа...
Я стою, озаренный весь луннымъ сіяньемъ,
Точно въ храмѣ обширномъ... Какъ ночь хороша!
Какъ она незнакома съ страданьемъ!

Сердце жъ проситъ любви, жаждетъ ласки родной,—
Громкій вопль на устахъ замираетъ напрасно...
Ахъ, зачѣмъ нельзя жить для идеи одной?
Для чего эта грудь такъ волнуется страстно?

Весенняя сказка.

Въ брилліантовой коронѣ,
Въ пышномъ гротѣ ледяномъ
Царь-Морозъ сидитъ на тронѣ,
Крытомъ чистымъ серебромъ.
Борода его сѣдая
Вся алмазами горитъ;
Синій плащъ, какъ жаръ, сіяя,
Съ богатырскихъ плечъ виситъ.
Но старикъ одинъ. Угрюмо
Предался своимъ мечтамъ,
И упалъ, скользнувъ безъ шума,
Скипетръ къ царственнымъ ногамъ.

Что за чудо! Вѣкъ не снилось—
Снится вотъ ужъ третій день:
Будто съ трескомъ откатилась
Трона верхняя ступень,
Будто перстень драгоцѣнный
У него съ руки пропалъ,
Будто витязь дерзновенный
Дочь-красу его укралъ...

Встать онъ хочетъ; въ нетерпѣньи
Хочетъ кликнуть вѣрныхъ слугъ...
Вдругъ онъ вздрогнулъ: въ изумленьи

Непонятный слышитъ звукъ.
Точно въ бурный часъ прибоя
Валъ морской пророкоталъ,
Точно въ жаркой схваткѣ боя
Стукъ оружья прозвучалъ!
Вотъ опять... И задрожали
Стѣнъ хрустальные столпы:
Налетѣли, застонали
Сѣдовласыхъ вьюгъ толпы!
Съ искаженными чертами,
Съ воплемъ ужаса въ груди:
«Царь, спасайся! Врагъ за нами
Съ царь-Дѣвицей впереди...
Сосчитать нѣтъ силы-мочи
Свѣтлыхъ витязей Весны—
Шлемы, копья... Наши очи
Блескомъ ихъ ослѣплены...
И не робкій бы отпрянулъ,
Только-бъ издали взглянулъ...»

То не громъ ли съ неба грянулъ,
Не перунъ ли проблеснулъ?
Всталъ старикъ, могучій, смѣлый,
Снова юнъ, отваги полнъ;
Взоръ горитъ и сыплетъ стрѣлы,
Ходитъ грудь, какъ въ бурю челнъ.
Топнулъ съ окрикомъ ногою!
Въ гнѣвѣ машетъ бородой
И надъ робкою толпою
Тяжкой движетъ булавой.
Вихрь поднялся съ шумомъ, свистомъ,
Въ страхѣ весь чертогъ дрожитъ...

И далече въ полѣ чистомъ
Богатырь уже летитъ.
Гдѣ тряхнетъ онъ бородою—
Темный боръ посеребритъ,
Гдѣ взмахнетъ лишь булавою—
Воды рѣкъ окостенитъ.
Дунетъ — небо одѣваетъ
Въ бѣлый саванъ облаковъ,
Снѣгъ и иней вытряхаетъ
Изъ косматыхъ рукавовъ.
А узоры ткетъ — царевнамъ
Не шивать такихъ!— Но вдругъ
Онъ застылъ въ движеньи гнѣвномъ,
Смотритъ пристально вокругъ.

Тишину полей безбрежныхъ
Звукъ невѣдомый прервалъ:
Точно крыльевъ плавныхъ, нѣжныхъ
Шелестъ мягкій пробѣжалъ...
И вдали, во тьмѣ неясной,
Промелькнулъ и скрылся вмигъ
Чей-то царственно-прекрасный,
Улыбающійся ликъ.

И кругомъ все просвѣтлѣло,
Порвались оковы сна:
Дрогнулъ лѣсъ оцѣпенѣлый,
Всколыхнулася волна...
Первый жаворонокъ грянулъ
Пѣсню первую любви,
И подснѣжникъ первый глянулъ,
И запѣли ручейки,—

Зазвенѣли, покатились
Огнеструйнымъ серебромъ;
Муравьи закопошились
Въ сонномъ городѣ своемъ;
И изъ келейки подпольной
Прерывая долгій сонъ,
На просторъ степной раздольный
Пчелка вылетѣла вонъ.
Все покорно властнымъ чарамъ!
Кто жъ онъ, тайный лиходѣй?..

И стоитъ въ безсильи яромъ
Изумленный чародѣй.
— «Гей вы, слуги»!—Гдѣ же слуги?
Вотъ ихъ вѣрность какова!
А въ глазахъ пестрѣютъ круги,
Тяжелѣетъ голова.
Гнутся гордыя колѣни...
Полонъ вѣщихъ сновъ и грёзъ
И томящей сладкой лѣни,
Таетъ, таетъ царь-Морозъ!
Солнце красное неслышно
Льетъ тепла живой потокъ,
И Весна-царица пышно
Входитъ въ свѣтлый свой чертогъ.

Ловля бѣлки.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній.)

— Бѣлка! бѣлка!—крикъ раздался:
Эй, сюда, Арапъ, Заграй *)!—

И стрѣлою я помчался
На призывный шумъ и лай.
У густой зеленой ели,
По срединѣ полосы,
Злились, лаяли, ревѣли
Разъярившіеся псы.
А одинъ, герой примѣрный,
Прыгалъ, дерево глодалъ...
Ѳедя, мой товарищъ вѣрный,
Имъ ни въ чемъ не уступалъ.
Прибѣжалъ и я въ волненьи...
— Что такое?!
Безъ рѣчей
Сыплемъ камни въ углубленье
Двухъ сомкнувшихся вѣтвей.
Наша бѣлочка-голубка,
Тамъ прижавшись, ждетъ врага:
Красно-пепельная шубка,

*) Клички собакъ.

Хвостъ изогнутъ, какъ дуга.
То раскроетъ глазки шире,
То ушами поведетъ...
На одну идутъ четыре —
Все забористый народъ!
Ѳедя живо изловчился:
Подсадилъ Ѳедюшу я —
Онъ за вѣтку ухватился,
Изогнулся, какъ змѣя.
— Ну, голубчикъ, примудрись-ка,
Подцѣпи ее живой! —
Прытокъ Ѳедя: вотъ ужъ близко,
Хвать — и взвылъ охотникъ мой!
Укусила!.. Неказистый,
Да отчаянный звѣрёкъ.
Развернулся хвостъ пушистый,
Словно парусъ, и — прыжокъ!
Крикъ, содомъ на всю полянку...
Я кричу: «Ату! Ату!»
Псы визжатъ, и вотъ бѣглянку
Подхватили на лету.
Я затѣялъ съ ними драку,
Ѳедя съ ели кувыркомъ,
И едва-едва собаку
Укротили мы вдвоемъ.
Бѣлку отняли...
Бѣдняжка!
Кратокъ былъ конецъ её:
Раза два вздохнула тяжко,
Лапкой дрогнула — и все...
Тѣло быстро остывало,
Кровь сочилась вдоль спины...

О, какъ мало ты дышала
Свѣжимъ воздухомъ весны!
Заструились только рѣки,
Только ожили лѣса —
И сомкнула ты навѣки
Эти кроткіе глаза.
По кудрямъ березъ веселыхъ
Ужъ не будешь ты скакать,
Съ елей темныхъ и тяжелыхъ
Шишки красныя ронять.
Все погибло: край родимый,
Птички вольное житье...

Тутъ вопросъ неотразимый
Всталъ: куда же намъ ее?..
Долго въ горѣ мы стояли...
Наконецъ, прогнавъ собакъ,
Бѣлку въ ямку закопали
Тамъ, у рощи, гдѣ оврагъ,—
Гдѣ, рѣзвясь, ручей студеный
Воды звонкія несетъ,
Соловей въ листвѣ зеленой
Рокотать не устаетъ.

Подъ снѣгомъ.

Равнина мертвая подъ снѣжной пеленой...
Кругомъ тоска, зловѣшая тоска!
И, вѣя холодомъ, стояли надо мной
Недвижныя, сѣдыя облака.
А вѣтеръ вылъ все яростнѣй и злѣй,
Напѣвъ отчаянья равнину оглашалъ,
И стая вороновъ, кружившая надъ ней,
Злорадно каркала... Въ раздумьи я стоялъ.

— Родимая! тебя ли вижу я,
Поникшую прекрасной головой?
Возможно-ль? Гордая, цвѣтущая земля
Покорена безжизненной зимой!
Проходятъ дни — все снѣгъ да снѣгъ одинъ
И мертвый сонъ... И завтра, что вчера...
О, матушка! зоветъ тебя твой сынъ:
Вставай, проснись! Ужели не пора?
Негодованія грозою растопи,
Разбей, стряхни покровъ свой ледяной,
Слезами радости долины окропи,
Развѣй тоску души моей больной!
Молю, надѣнь вѣнчальный свой нарядъ,
Густыя облака отъ солнца отгони —

Его лучи, какъ перлы, заблестятъ,
И потекутъ безоблачные дни
И вдругъ послышалось: «Не въ пору ты пришелъ—
Еще весна сіяетъ далеко.
Могильный саванъ мой и душенъ, и тяжелъ,
И мнѣ его отдернуть нелегко».

Напрасно я взывалъ, напрасно я молилъ
И за вопросомъ задавалъ вопросъ:
Глубокій сонъ глаза ея смежилъ,
Уста сковалъ безжалостный морозъ.
И стая вороновъ, кружившая надъ ней,
Злорадно каркала... Въ раздумьи я стоялъ;
А вѣтеръ вылъ все яростнѣй и злѣй...
О чемъ онъ пѣлъ? Кого онъ проклиналъ?

Тревога.

Ночь сошла, лазурно-ясная,
Въ даль ушелъ огнистый путь...
Выходи, моя прекрасная!
Глазъ усталыхъ не сомкнуть.

Съ поля, только что уснувшаго,
Льется мягкій ароматъ;
Съ неба, въ блескѣ утонувшаго,
Звѣзды кроткія глядятъ.

Все уснуло — злоба жгучая,
Голодъ, зависти змѣя...
Но дрожитъ слеза горючая
На рѣсницѣ у меня!

Душу, полную смятенія
И тревоги, позабылъ
Кроткій ангелъ примиренія —
Тихимъ сномъ не исцѣлилъ!

Давятъ грудь рыданья страстныя,
Встала думъ мятежныхъ рать...
Приходи, моя прекрасная,
Вмѣстѣ мыслить и страдать!

Рѣчью гордою, свободною
Мое сердце вдохнови,
Дай мнѣ силу благородную
Для вражды и для любви!

Вся лазурная, безшумная,
Ночь на крыльяхъ новъ плыветъ;
Но не спитъ душа безумная,
Все болитъ, тревогу бьетъ!..

Корабль.

Лазурны, ласковы и знойны
И океанъ, и небеса;
Корабль нашъ, гавани краса,
Стоитъ, торжественный и стройный.
— Проснись, душа моя! Воспрянь!
Пора изъ омута мірского
Направить путь, пора на брань,
Долой мертвящія оковы!
Исполненъ гнѣва и любви,
Я поплыву легко и смѣло...
Впередъ, друзья мои! За дѣло,
Матросы вѣрные мои:
Сознанье молодости, силы,
Ключомъ бунтующая кровь,
Рѣшимость биться до могилы,
Къ порабощенному любовь!
Снимайтесь съ якоря проворно!
Мы нашу лѣность побѣдимъ
И цѣпью крѣпкой и позорной
Къ кормѣ высокой привинтимъ.
Одно, еще одно усилье —
И якорь вытащенъ... Ура!

Корабль, почуявъ будто крылья
Зашевелился, какъ гора.
Надулся парусъ бѣлоснѣжный...
Невозмутимы небеса,
И вѣтеръ ласковый и нѣжный
Несетъ насъ въ океанъ безбрежный...
Корабль нашъ — гавани краса!

---

* * *

О, если-бъ я владѣлъ стихомъ
Такимъ могучимъ и разящимъ,
Чтобъ онъ звучалъ, какъ Божій громъ,
Надъ человѣчествомъ скорбящимъ!
Чтобы проклятія мои
Сердца, грубѣй и тверже стали,
Дрожать и плакать заставляли;
Призывы правды и любви —
Надежду въ слабыхъ поднимали!
Какъ свѣтлый духъ, не зналъ бы я
Запретной грани и дороги, —
И пѣсня вольная моя
Входила-бъ въ нищія жилья
И въ золоченые чертоги,
Повсюду славя новый міръ,
Гдѣ смолкнутъ злобныя проклятья,
Гдѣ люди, любящіе братья,
Начнутъ великій счастья пиръ!
И въ тотъ эдемъ благословенный
Моей пророческой мечты
Сзывалъ бы я съ концовъ вселенной
Семью печальной нищеты.
Она на праздникъ обновленья
Въ одеждахъ праздничныхъ вошла-бъ,
И сбросилъ бы усталый рабъ
Оковы гнета и презрѣнья!

Изъ Сюлли Прюдома.

I.

ДАНАИДЫ.

Не вѣдая покоя, ежечасно
Онѣ бѣгутъ съ кувшинами толпой
То къ бочкѣ, то къ колодцу, но — напрасно!
Имъ не наполнить бочки роковой.

Увы! дрожатъ слабѣющія руки,
И, онѣмѣвъ, не движется плечо...
— Пучина страшная! Конецъ ли нашей мукѣ?
Неумолимая, чего тебѣ еще?

И падаютъ онѣ, идти уже не въ силахъ...
Но младшая изъ всѣхъ въ сестеръ своихъ унылыхъ
Умѣетъ прежнюю увѣренность вдохнуть.

Такъ грёзы и мечты блѣднѣютъ, разлетаясь,
А юная Надежда, улыбаясь,
— О сестры, говоритъ, пойдемте снова въ путь!

II.

НА БАШНѢ.

На башнѣ, въ поздній часъ, ученый наблюдалъ,
Какъ звѣздный хоръ торжественно и смѣло
Свой вѣчный путь въ пространство направлялъ;
А утро въ безконечности бѣлѣло.

Онъ вычислялъ... Средь золотыхъ міровъ
Комета встрѣтилась внимательному взору,
И грозному онъ молвилъ метеору:
«Ты вновь придешь чрезъ столько-то вѣковъ!»

Звѣзда придетъ, велѣнье исполняя,
И обмануть не сможетъ никогда
Науки вѣчной, въ вѣчности блуждая!

Пусть человѣчество исчезнетъ безъ слѣда:
На башнѣ бодрствовать упорно и тогда
Ты будешь, Истина святая!

III.

ЗАТЕРЯВШИСЯ КРИКЪ.

Игрой мечты ушелъ я въ глубь вѣковъ —
И вижу юношу: болѣзненный, печальный,
Возводитъ онъ съ толпой другихъ рабовъ
Хеóпсу мавзолей пирамидальный.

Вотъ онъ несетъ на согнутой спинѣ
Чудовищный гранитъ. Дрожащая походка...
Глаза глядятъ страдальчески и кротко...
И страшный крикъ раздался въ тишинѣ!

Тотъ крикъ потрясъ весь воздухъ, строй эфира,
Дошелъ до звѣздъ—и тамъ, за гранью міра,
Все вверхъ идетъ въ пространствѣ вѣковомъ.

Онъ ищетъ Божества и правды безконечной...
И цѣлые вѣка гигантъ остроконечный
Надъ деспотомъ стоитъ, въ величіи нѣмомъ!

IV.

РАНЫ.

Со стономъ падаетъ въ сраженіи солдатъ.
Его возьмутъ, обрызганнаго кровью,
Въ больницу отвезутъ и рану заживятъ.
И въ ясный день поддѣльному здоровью

Онъ вѣритъ, какъ дитя... Но съ запада сырой
Подуетъ вѣтеръ вдругъ, и въ облакахъ тумана
Потонетъ солнца блескъ,—и вновь заныла рана!
И вѣры нѣтъ въ душѣ его больной!

Такъ прихоть времени всесильна; такъ, порою,
На мѣстѣ, гдѣ душа поражена судьбою,
Я плачу, воскресивъ забытую печаль.

Слеза, печальный звукъ, одно пустое слово,

Иль тучка въ небесахъ,—какъ лучъ, освѣтятъ снова
Погибшихъ лѣтъ затерянную даль!

V.

РАЗБИТАЯ ВАЗА.

Та ваза съ гибнущей вербеной
Задѣта вѣеромъ была.
Ударъ безшумный и мгновенный
Чуть тронулъ зеркало стекла.
Но рана, легкая сначала,
Что день, таинственно росла:
Хрусталь точила, разъѣдала
И мѣрнымъ кругомъ обошла.
Бѣда не во-время открыта:
Цвѣтокъ безмолвно умиралъ,
По каплѣ кровью истекалъ...
— Не тронь ея: она разбита!

Такъ часто милая рука
Намъ сердце любящее ранитъ, —
И рана тонко-глубока,
И, какъ цвѣтокъ тотъ, сердце вянетъ.
Но долго гибельный огонь
Отъ равнодушныхъ взоровъ прячетъ,—
Болитъ и тихо-тихо плачетъ...
Оно разбито вѣдь — не тронь!

VI.

ВЪ ПРЕДСМЕРТНЫЙ ЧАСЪ.

Въ часъ кончины моей меньше вздоховъ и слезъ,—
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубоко!
Вы гармоніей сладкой ласкайте мой слухъ,
И умру я легко.
Такъ усталъ видѣть ложь я подъ маской любви,
Слышать слово холодное «братъ»...
Пусть баюкаютъ боль мою струны однѣ,
И пусть люди молчатъ!
Няню, бѣдную няню пришлите ко мнѣ —
Она стадо въ долинѣ пасетъ
Извѣстите ее, что, готовясь навѣкъ
Сдѣлать съ жизнью разсчетъ,
Увидать я хочу ея ласковый взоръ,
Услыхать ея пѣсню... И пусть
Будетъ грустью дышать монотонный напѣвъ —
Я люблю эту грусть!
Вы найдете ее: люди хижинъ живутъ
Дольше насъ... Мы, явившись на свѣтъ,
Прозябаемъ, какъ пальма въ холодной странѣ,
И живемъ... двадцать лѣтъ!
Ахъ, оставьте вдвоемъ насъ! Она мнѣ споетъ,
Пальцы рукъ на горячій мой лобъ положивъ...
Звукъ за звукомъ съ любовью ловить стану я,
Все на свѣтѣ забывъ!
И, навѣрно, одна только грудь и вздохнетъ
Обо мнѣ въ этотъ часъ глубоко...
Я мечтой улечу къ свѣтлымъ дѣтства годамъ,
Далеко, далеко!

И, чтобъ я не слыхалъ, какъ покинетъ душа
Мой больной, охладѣлый скелетъ,
Чтобы такъ человѣкъ незамѣтно ушелъ,
Какъ явился на свѣтъ,—
Нѣтъ, не нужно ни вздоховъ печальныхъ, ни слезъ,
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубокó...
Тихой музыкой мой убаюкайте слухъ —
И умру я легко!

1880.

Къ свѣту.

«Куда же мчимся мы съ такою быстротою?»
Я, въ ужасѣ, мечту мою спросилъ
И передъ бездною, зіявшей подо мною,
Невѣрный шагъ остановилъ.
«Смотри, смотри—какой утесъ ужасный
Тамъ, впереди... Какой тамъ мракъ нѣмой!..»
Но ты не слушала... Съ осанкой гордой, властной,
Съ мечемъ въ рукѣ, съ свѣтильникомъ въ другой,
Меня, дрожащаго, въ пространство увлекала
И, какъ ребенку робкому, шептала:
— Впередъ, не бойся, я съ тобой!

«Стой! жалость странная мнѣ душу охватила...
Я бросилъ для тебя спокойствіе, друзей,
Все, все, что молодость мнѣ свѣтлая сулила,
Не смѣйся жъ надъ тоской моей!
«Остановись! Хоть на одно мгновенье
Остановись! О, дай еще хоть разъ
Взглянуть назадъ: я знаю, въ этотъ часъ
Тамъ плачутъ обо мнѣ»...

Напрасное моленье!
Вдругъ пышная заря во мракѣ занялась.
И ты, презрѣвъ ребяческій мой ропотъ,
Навстрѣчу шла сіяющему дню...
И уловилъ я ласковый твой шепотъ:
— Не плачь! Все, все я замѣню!..

Битва жизни.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя!..
Увлекаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною.
И мучительный сонъ на яву и во снѣ
Не даетъ мнѣ покоя желаннаго:
Вижу въ полѣ широкомъ уснувшихъ бойцовъ
Послѣ дѣла великаго браннаго.
Ночь беззвучно плыветъ надъ печальной землей,
Уходя въ вышину безпредѣльную;
Мѣсяцъ смотритъ изъ тучъ — дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную...
Съ головами разбитыми, къ небу лицомъ,
Посинѣвшіе, кровью облитые,
Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза, неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь, словно призракъ нѣмой,
Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не зная зачѣмъ, мертвецовъ
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія!—

Всѣ отважно погибли, какъ слѣдуетъ пасть
Тѣмъ, въ комъ жили не помыслы низкіе,

А одна неподкупная, свѣтлая страсть
И одно лишь желанье великое,
Чтобы солнцу любви и свободы святой
Уступило насиліе дикое!
Точно призракъ ночной, точно блѣдная тѣнь,
Я иду чрезъ поляны унылыя...
— О, рыдай, моя пѣсня! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и милыя!

Обезумѣвъ отъ горя, упасть я хочу
Съ громкимъ воплемъ на землю холодную,—
Ей повѣдать всю лютую злобу мою,
Всю любовь и тоску безысходную.
Наклонившись, хочу я страдальцевъ обнять.
Вдругъ... О, ужасъ! ихъ лица безстрастныя
Стали тёмны, какъ ночь... На недвижныхъ устахъ
Зазмѣилась усмѣшка ужасная...
И, объятому трепетомъ, чудится мнѣ
Шепотъ злобный, упреки суровые:
«Гдѣ ты былъ, когда въ битву мы грозную шли,
Побѣдить иль погибнуть готовые?
«Отчего не лежитъ твой истерзанный трупъ
Рядомъ съ нами, погибшими братьями?
Отчего ты, какъ воръ, лишь во мракѣ ночномъ
Къ намъ приходишь съ своими объятьями?
«Что̀ намъ въ злобѣ твоей, хоть и нѣтъ ей конца,
Что̀ тоска намъ твоя безысходная?
Пѣсни скорбныя громко умѣешь ты пѣть,
Но страшна тебѣ смерть благородная!
«Уходи, уходи! намъ противны, смѣшны
Оправданья твои малодушныя...
«Гдѣ ты былъ, когда въ бой мы безтрепетно шли,

Зову чести и долга послушные?
«О, уйди же, уйди... Мы не знаемъ тебя!»

И помчался я въ даль безпредѣльную...
Мѣсяцъ сумрачный плылъ... Дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную!
Руки горько ломая, я въ небо гладѣлъ,
Будто вѣря, что, зову послушное,
Усыпитъ оно скорбь мою, жгучую скорбь;
Но синѣло оно, равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь,
И на все, что подъ бурею клонится,
И на все, что ликуетъ, царитъ и гнететъ,—
Ни мольбой, ни проклятьемъ не тронется!
Я бѣжалъ, словно гнался невѣдомый врагъ
По пятамъ моимъ мертвой поляною:
Брань и крики его, какъ отточенный ножъ,
Наносили мнѣ рану за раною.
И напрасно пощады вымаливалъ я...

— Такъ безъ жизни проносится жизнь вся моя:
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ — и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною!..

Октябрь.

* * *

Въ часъ веселья и шумной забавы,
Беззаботна, какъ птичка полей,
Ореолъ обольстительной славы
Ты пророчила музѣ моей.
А завѣтныя сердца мечтанья
Мнѣ вѣнецъ обѣщали иной,
И въ груди наболѣвшей рыданья,
Закипая, вставали грозой...

Въ наше время дорогой прямой
Бодрымъ шагомъ идти до могилы
За идеей великой, святой —
Нужно чувствовать гордыя силы
И владѣть закаленной душой!
Быть готовымъ безъ стона, безъ крика
Подъ ударами вражьими пасть
Въ битвѣ грозной, безжалостной, дикой,
Нужно грёзы о счастьи проклясть!

А въ душѣ безпокойной и нѣжной,
Не рожденной для доли борца,

Нѣтъ предѣла тревогѣ мятежной,
Нѣтъ желаньямъ безумнымъ конца!
Не даютъ они — цѣли прекрасной
Безраздѣльно отдаться во власть:
Сердце бьется томительно-страстно,
И душа молодая невластна
Грёзы личнаго счастья проклясть!...

20 ноября.

Успокоеніе.

Яркія звѣзды горятъ надъ землей...
Тамъ, гдѣ владычицей — ночь безконечная,
Движутся стройной, могучей толпой
Хоры ихъ дивные, вѣчные.

Тихо тамъ, тихо, какъ въ храмѣ святомъ
Въ часъ, когда смолкнетъ докучное пѣніе...
Не оттого ли и въ сердцѣ моемъ
Къ небу такое стремленіе?

Черною злобой устала дышать
Эта душа молодая, мятежная,
И обняла ее кротко, какъ мать,
Ночь безконечная, тихая, нѣжная...

Декабрь.

1881.

Въ театрѣ.

Шумъ нетерпѣнья... И струны послушныя
Громомъ аккордовъ откликнулись вдругъ!
Фауста мрачнаго тайный недугъ
И Маргариты любовь простодушная

Ожили въ чудномъ созданьи мечты.
Ужасъ, печаль и восторгъ чередуются,
А очарованнымъ взорамъ рисуются
Храмы, фонтаны, огни и цвѣты...

Что за поэзія дивная, властная,
Близкая скорби завѣтной моей!
И, точно въ царствѣ заоблачномъ фей,
Я твои очи встрѣчаю прекрасныя.

Дѣтскимъ восторгомъ сверкаютъ они...
Мягкихъ кудрей я волну вижу зыбкую,
Вижу уста молодыя съ улыбкою...
— Не омрачайте ихъ, черные дни!

Ахъ! неужель эти грёзы чудесныя —
Грубый обманъ, потѣшающій умъ,
Весь этотъ блескъ, этотъ праздничный шумъ,
Всѣ эти звуки небесные?

Черезъ минуту все скроется, все...
Блѣдная жизнь колеёю обычною
Вновь потечетъ, пустотой безграничною
Сердце пугая мое.

— О, если такъ... Мои думы тяжелыя,
Боль мою ты вѣдь поймешь, милый другъ?
Не преступленье-ль—минута веселая,
Каждая грёза и радостный звукъ?

Видишь, болитъ мое сердце безумное,
Плакать готовъ я надъ думой моей
И умолять тебя—бросимъ скорѣй
Зрѣлище шумное!..

Не обвиняй меня... Вспомни, что тамъ,—
Тамъ, за стѣною театра волшебнаго —
Море холоднаго мрака, враждебнаго
Этимъ нарядным мечтамъ.

Корчится тамъ нищета... Тамъ утрачено
Жизни желанье, тамъ злоба кипитъ...
Слово проклятія робко звучитъ...
Другъ мой! кому то́ проклятье назначено?

О, неужели же намъ, для кого
Горе народное — горе великое,

Намъ, осудившимъ безправіе дикое,
Намъ, для которыхъ любовь—божество?!
. . . . . .

Тотъ же все блескъ; та же музыка шумная
Льется въ мой слухъ гармоничной волной...
Плачетъ душа моя, стонетъ безумная,
Полная скорби святой!

Январь.

Обдѣленные.

Забытый міръ!.. Надъ каждою могилой
Витаетъ грусть... У этой нѣтъ креста,
У той—погнувшійся съ покорностью унылой,
У той—безъ надписи, вся въ трещинахъ, плита.
Сонъ, тишина и сумракъ запустѣнья...
Кругомъ бурьянъ... Тутъ все полно забвенья,
Все говоритъ: «Ихъ нѣтъ!»

Но Правда?... Что жъ она
Съ громами Божьими?.. Забыты имена,
Но ложь — ту ложь съ безстыдными глазами,
Что̀, выпивъ кровь, людей равняла съ псами, —
Какъ позабыть? Нѣтъ, нѣтъ, жива она!
Она жива. Всѣ скорби, всѣ обиды
Летаютъ въ воздухѣ, мнѣ чудится порой,
И грозный ликъ суровой Немезиды
Глядитъ съ безумною враждой...

Спятъ, крѣпко спятъ, не зная мукъ сомнѣній,
Жильцы гробовъ, покорные червямъ.
«Несчастные! горѣ назначенъ вамъ
Міръ лучшій здѣшняго, міръ вѣчныхъ упоеній...
Здѣсь прахъ и тлѣнъ, здѣсь сумракъ безъ лучей,
Мертва и суетна сія юдоль печали!»—

Такъ утѣшалъ ихъ сытый фарисей,
А бѣдняки довѣрчиво внимали,
И каждый съ вѣрою наивной угасалъ.

Что-жъ, если... если ночь угрюмую сознанья,
Въ предсмертный мигъ, лучъ свѣта пронизалъ
И холодомъ наполнилъ содроганья?!
Такъ иногда подстрѣленный куликъ
Лежитъ, не шевелясь, и лишь въ послѣдній мигъ,
Прощаясь съ свѣтомъ вольнымъ и широкимъ,
Вздохнетъ всей грудью, вздохомъ столь глубокимъ,
Взмахнетъ крыломъ такъ горестно, и крикъ
Такой протяжный, жалобный промчится,
Что духъ убійцы скорбью омрачится!..

Быть можетъ, злоба душу обняла,
Рука въ кулакъ спѣшила крѣпко сжаться;
Быть можетъ, Правда горькая пришла
Къ страдальческому ложу, чтобъ сознаться
Въ обманѣ вѣковомъ... Но поздно! вѣчный сонъ
Идетъ смежить измученныя очи,
И прежній мракъ холодной, страшной ночи
Стоитъ кругомъ, и зло—его законъ!

Пройдутъ года, какъ бѣглое мгновенье —
Усну и я такимъ же крѣпкимъ сномъ
И подъ такимъ же согнутымъ крестомъ,
Иль безъ креста найду успокоенье —
Отъ всѣхъ обидъ, отъ всѣхъ земныхъ тревогъ,
Надеждъ, страстей съ ихъ сладостнымъ обманомъ.
Другимъ пловцамъ я ввѣрю свой челнокъ,
Уставъ бороться съ шумнымъ океаномъ.

Они помчатся бодро по волнамъ
Пытать въ борьбѣ нетронутыя силы:
Маякъ любви сіять имъ будетъ тамъ,
Гдѣ для меня нависнетъ тьма могилы...
Во всѣ вѣка страданія земли
Одна лишь смерть надежно исцѣляла.
Вотъ кость покойника валяется въ пыли,
А онъ? Онъ спитъ и не скорбитъ нимало!

Надъ рѣкою.

Все было тихо надъ рѣкою,
Въ рукѣ не двигалось весло,
И лодку сонную волною
Внизъ по теченію несло.

Луна холодный свѣтъ роняла,
Закрывшись сизымъ облачкомъ,
И за звѣздой звѣзда дрожала
Въ пространствѣ темно-голубомъ.

Казалось, чьимъ-то властнымъ словомъ
Огромный міръ завороженъ,
И лишь къ моимъ мечтамъ суровымъ
Забылъ придти цѣлебный сонъ!

И, точно тѣнь передъ грозою,
Ложилась дума на чело...
А лодку сонную волною
Внизъ по теченію несло.

И думы гордыя вставали,
И леденилъ ихъ тайный страхъ...
Въ груди рыданья трепетали
И замирали на устахъ.

Желаній судорожныхъ полный,
Съ огнемъ въ клокочущей крови,
Какъ огласить хотѣлъ я волны
Мольбами жизни и любви!

* * *

— Здравствуйте, бодрые мыслью и духомъ!—
Всѣ вы, въ комъ барства надменнаго нѣтъ,
Къ братскимъ страданіямъ чуткіе слухомъ,
Всѣ мой примите привѣтъ!
Братья! Есть воля у насъ непреклонная,
Есть у насъ вѣра... Нашъ лозунгъ: «Впередъ—
Всѣ, кому жизнь эта блѣдная, сонная
Жизни живой не даетъ!»
Ночи, темнѣвшей столѣтія цѣлыя,
Призраки скрылись... Заря занялась...
Выйдемъ на встрѣчу ей, бодрые, смѣлые,—
Время и правда за насъ!
Съ первыми краснаго солнца лучами
Въ высь улетитъ непроглядный туманъ;
День нескончаемый вспыхнетъ надъ нами,
Веселъ и пышно румянъ!

1882.

* * *

Я твой, земля! Твои страданья,
Твои восторги близки мнѣ,—
Былинки мирное шуршанье
И ропотъ грома въ вышинѣ.

Я—твой!.. И волновать до гроба
Земная будетъ жизнь меня,
Ея тоска, любовь и злоба,
Заботы вѣчности и дня.

На крыльяхъ грёзъ въ лазури вольной
Люблю, какъ птица, я нырять,
Но страшно мнѣ отчизнѣ дольной
Прости послѣднее сказать!

Что́ мнѣ небесъ обѣтованья?..
О, мать-земля, я твой, я твой!
Приму я крестъ, приму страданья,
Но жизнью жить хочу земной!

И если тамъ, въ странѣ безвѣстной,
Иная жизнь и счастье есть,
Хотѣлъ бы я—и рай небесный
Сюда, на землю, перенесть!

Февраль.

---

* * *

Ни въ чемъ очарованья нѣтъ!
Безкровны, будто привидѣнья,
Безъ радостей, безъ тяжкихъ бѣдъ
Влачатся скучныя мгновенья.
И тѣ, кто размышлять привыкъ,
Не покорятся вновь обману:
Имъ каждый звукъ веселья—дикъ,
Имъ каждый день наноситъ рану...

— «Спѣшимъ, о братья! Жизнь—одна...
Пускай же призракомъ мгновеннымъ,
Крылатымъ сномъ мелькнетъ она,
Но—сномъ прекраснымъ, незабвеннымъ!
Не бойтесь смерти... Смерти ночь
Страшнѣе-ль жизни бездыханной?
Кошмаръ безсилья сбросимъ прочь
И въ путь—къ землѣ обѣтованной!
Впередъ! дороги нѣтъ назадъ.»

Но кличъ: «впередъ!» злорадным смѣхомъ
Слѣпцы встрѣчаютъ—и вопятъ,

Отдавшись суетнымъ потѣхамъ:
«Безумцы! гибель, гибель вамъ!»
И бьютъ безумцевъ безпощадно...

А солнце жизни свѣтитъ чадно
Самимъ угрюмымъ палачамъ.

* * *

Одолѣли думы мрачныя:
Гибнуть—страшно, жить—страшнѣй!..

Отъ своей болящей совѣсти,
Отъ насмѣшливыхъ друзей
Убѣжать бы невидимкою
Въ лѣсъ дремучій и глухой,
Гдѣ людей отъ вѣка не было
Съ ихъ немолчною враждой;
Убѣжать бы въ горы,—съ облакомъ
Поровняться бы сѣдымъ,
Безъ стыда все горе выплакать
Великанамъ вѣковымъ.
— Братья гордые, свободные,
Научите—какъ стоять
Подъ грозою, въ ночи темныя,
Не робѣть и не дрожать!

* * *

Надъ рощей пальмъ луна въ раздумьи встала...
Дремало море въ нѣгѣ сладкихъ грёзъ,
И, какъ дитя, волна чуть лепетала,
Плескаясь мѣрно объ утесъ.
Въ тотъ тихій часъ они вдвоемъ сидѣли
На берегу, безмолвно глядя въ даль.
Его глаза, печальные, горѣли
Огнемъ любви, ея... едва-ль.
Въ немъ билось сердце судорожно-страстно,
Онъ былъ рожденъ для подвиговъ, для грозъ;
Какъ майскій день, она была прекрасна
И... холодна, какъ тотъ утесъ!
Онъ ей сказать сбирался много, много,—
Сказать о томъ, какъ изстрадался онъ,
Усталъ любить съ сомнѣньемъ и тревогой,
Съ надеждой робкою, какъ сонъ;
Повѣдать все: какъ онъ безумно рвался
На бой со зломъ, чтобы, любя, страдать,
Какъ съ юныхъ лѣтъ быть воиномъ поклялся...
Онъ многое хотѣлъ бы ей сказать
И—слово вымолвить боялся!

---

*
* *

Я твой смѣхъ безпечный, рѣзвый
Позабыть еще не могъ:
Онъ звенѣлъ, не умолкая,
Какъ весенній ручеекъ!

Онъ звенѣлъ... Въ моемъ же сердцѣ
Каждый свѣтлый счастья звукъ
Отдавался тихимъ стономъ
Никому незримыхъ мукъ!

Какъ ребенокъ, ты смѣялась
Надо всѣмъ—и надъ смѣшнымъ,
И надъ тѣмъ, что мнѣ казалось
Заповѣднымъ и святымъ.

И порой, съ тобою вмѣстѣ
Надъ моей смѣясь тоской,
Я хотѣлъ бы лучше плакать,
Горько плакать надъ тобой!

Рѣшеніе.

Въ эти дни больного озлобленья,
Въ эти дни унынья и тоски
Гдѣ найти улыбку ободренья
И поддержку дружеской руки?
Что толпа!—она, завидѣвъ раны
Въ глубинѣ сердечной у тебя,
Предпочтетъ красивые обманы,
Убѣжитъ, спокойствіе любя.
Лучшій другъ поникнетъ головою,
И въ молчаньи грустномъ ты прочтешь:
«Гордымъ будь! Молчи съ своей тоскою,
Мирно спящихъ стономъ не тревожь!»

Милый другъ, въ твоихъ глазахъ глубокихъ
Той же пытки отблескъ вижу я,
Тѣхъ же думъ суровыхъ и жестокихъ,
Но молчишь ты, горе затая.
Ты стоишь въ своемъ вѣнкѣ терновомъ,
До конца готовая страдать,
Никому и ни единымъ словомъ
Не давая мукъ своихъ понять!
А когда отъ боли нестерпимой
Стонемъ мы, пугливые друзья,

О враждѣ кричимъ непримиримой
И взываемъ: «Скоро ли заря?»—
Ты глядишь, какъ-будто удивляясь,
Съ страннымъ блескомъ вдумчивыхъ очей,
И безъ словъ, печально улыбаясь,
Покидаешь шумный кругъ друзей...

О, мой другъ! Я понялъ смыслъ недуга,
День и ночь гнетущихъ душу сновъ,—
И зачѣмъ въ толпѣ людской другъ друга
Избѣгать мы стали, какъ враговъ,
И зачѣмъ, какъ будто, перестало
Биться сердце, течь по жиламъ кровь,
Отчего, какъ никогда бывало,
Жизнь блѣдна, нерадостна любовь.
Понялъ все!.. Товарищъ по страданью,
Тайныхъ сновъ и думъ моихъ сестра!
Есть предѣлъ тупому ожиданью,
Есть конецъ безмолвію... Пора!
Замеръ умъ въ тоскѣ; отъ боли дикой
Грудь изныла, утомилась клясть:
Время намъ—на трудъ идти великій!..
. . . . . .

---

* * *

— О, сердце! Пора привыкать
Страдать безъ чужого участья,
Оставить ребяческій бредъ —
Погоню за призракомъ счастья.
Не слабымъ и робкимъ идти
Подъ стягомъ могучимъ разсвѣта—
Суровымъ и грубымъ бойцамъ,
Не ждущимъ ни ласкъ, ни привѣта!

— О, сердце! Не бейся въ груди
Порой такъ мучительно-страстно,
Не плачь неутѣшно о томъ,
Чего воротить ты не властно.
Усни! Какъ больное дитя,
Печаль тишиной убаюкай
И личную боль заглуши
Людскою великою мукой!

Іюль.

Надъ могилой друга.

Не плачу я; но сколько слезъ нѣмыхъ
Невольно къ горлу подступаетъ,
Слезъ жгучихъ, огненныхъ, слезъ чистыхъ и святыхъ—
Никто изъ смертныхъ не узнаетъ!
Нѣтъ и проклятій на устахъ...
И небо, небо лишь могло бы
Прочесть въ сердечныхъ тайникахъ
Страницы пламенныя злобы!

— Несчастный другъ! Мой незабвенный братъ!
Враждѣ суровой посвятилъ я
Отнынѣ духъ и плоть... И за спиной дрожатъ,
Я слышу, дерзостныя крылья...
Мнѣ шепчетъ голосъ твой: «Я рано палъ во прахъ.
Борись же ты и будь счастливѣй!
Пусть знамя свѣтлое стоитъ въ твоихъ рукахъ
Еще прямѣй и горделивѣй!»

15 сент.

* * *

Разсѣянъ мракъ — завѣса поднята!
И въ первый разъ я сознаю безъ страха,
Что умерла о счастіи мечта,
И не подняться ей изъ праха.
Роптанье праздное смѣшно,
И лишь дитя такъ долго стонетъ
О томъ, что разъ погребено:
Пусть мертвыхъ мертвые хоронятъ!
Что намъ до мертвыхъ? Разбудить,
Воззвать ихъ къ жизни мы не въ силахъ.
Пока есть капля крови въ жилахъ,
Не будемъ плакать на могилахъ —
Идемъ бороться, мыслить, жить!
Тамъ, гдѣ тревоги и ненастья,
Тамъ счастье любящимъ сердцамъ,
Удѣлъ же призрачнаго счастья
Оставимъ трусамъ и глупцамъ.

Юношѣ.

Если, чувствуя вѣры священное пламя,
Знаешь ты, что не въ силахъ его погасить
Ни друзья, ни враги, что великое знамя
Въ битвѣ правой нести для тебя значитъ — жить,

Что любить, не страдая душой, невозможно
Для того, кому чуткое сердце дано,
А спокойное счастье преступно и ложно,
Разъ повсюду кругомъ безотрадно-темно;

Если такъ, о мой братъ, — не сдавайся трусливо!
Жизнь — борьба, а не рабство... Коль есть
Капля крови — борись! Сбереги горделиво
До конца свою вѣрность святынѣ и честь!

Пловцы.

«Не пора ли отдохнуть, о братья?
Мракъ глубокъ, не видно маяка.
Шевелятся на душѣ проклятья,
Замерла усталая рука.
Нѣтъ ни силъ, ни бодрости, ни воли...
Бросимъ весла! Руль — игрушка волнъ!
Тщетны крики нестерпимой боли,
Гибни, гибни, беззащитный челнъ!»

Такъ, на бой подвигнуты любовью,
Сколько разъ стонали мы... И вновь
Въ пылкомъ сердцѣ, истекавшемъ кровью,
Воскресали силы и любовь!
Сколько разъ мы опускали руки,
Сколько разъ бросали буйный споръ —
И опять съ отвагой шли на муки,
На борьбу за свѣтъ и за просторъ!
Поднимали снова правды знамя, —
И на немъ свѣтились тѣ слова,
Отъ которыхъ ярче жизни пламя,
Даль свѣтлѣй и выше голова!..

Изъ былого.

Какъ страстный горячечный бредъ,
Какъ лепетъ ребяческій, снова
Дни споровъ кипучихъ, дни гордыхъ надеждъ
Выходятъ изъ мрака былого.
Тѣ дни, когда страннымъ казалось для насъ
Встрѣчать межъ друзей иновѣрца,
И міръ былъ такъ жарко, такъ чудно согрѣтъ
Огнемъ неостывшаго сердца;
Когда въ обольстительно-яркихъ чертахъ
Фантазія намъ рисовала
Страданья, гоненья и самую смерть
Во славу и честь идеала!..

Шумна и вольна, какъ весенній потокъ,
Бесѣда росла и кипѣла:
У каждаго кровь клокотала въ груди,
Лицо вдохновенно горѣло.
Угрозы и клики носились кругомъ
Въ потокахъ табачнаго чада,—
И сами, случалось, не видѣли мы
Въ рѣчахъ нашихъ смысла и склада.

Изъ лишняго слова рождалась гора,
Враги межъ друзей находились
И съ пѣной у рта́ — не на жизнь, а на смерть —
Словами, какъ шпагами, бились!

Обидныя клички бросались въ лицо
Съ какимъ-то злораднымъ стараньемъ ..
И часто кончался безумный раздоръ
Внезапнымъ и страшнымъ рыданьемъ!
То плакало чувство любви молодой,
Поруганной чистой печали;
Завѣтныя, лучшія струны души,
Задѣтыя, гнѣвно рыдали...

И кротости ангелъ тотчасъ пролеталъ,
Казалось, въ каморкѣ убогой:
Раздоръ укрощался и вмигъ тишиной
Смѣнялся стыдливой и строгой...
Мы долго сидѣли смущенной толпой
Вокругъ огорченнаго друга,
И не было рѣчи въ ту ночь о враждѣ
Среди примиреннаго круга.
И всѣ сознавали, что чувствомъ однимъ
Въ груди у насъ сердце согрѣто,
Молились и вѣрили всѣ одному
Великому богу разсвѣта!

Ужъ лампа, мигая, свѣтила тусклѣй,
Подъ говоръ усталый бесѣды,
Когда разойтись мы спѣшили, плотнѣй
Въ дырявые кутаясь плэды.

Свѣтало... Румянецъ морозной зари
Чуть брезжилъ изъ облачной дали...
И спали дворцы, и дремала Нева,
И ѳивскіе сфинксы дремали...

Декабрь.

1883.

* * *

Эфемернымъ блистая нарядомъ,
Много звѣздъ загоралось вокругъ,
И подъ ихъ обольщающимъ взглядомъ
Я не видѣлъ тебя, милый другъ!

Но лишь утро востокъ озарило —
Поблѣднѣла звѣзда за звѣздой;
Ты, какъ солнце, межъ тѣмъ восходила
Надъ душою моею больной.

Не мишурной красой ты блистала,
Не искусственно-пышнымъ вѣнкомъ,
Но родная мнѣ дума лежала
И печаль на челѣ молодомъ.

И не та насъ любовь обручила,
Отъ которой такъ сладко въ крови,
А душѣ такъ мучительно-мило
Солнце жизни, безумье любви;

Но — любовь, что̀ чужое страданье
Выше жизни своей признаетъ
И на крестъ, на позоръ, на закланье
Властнымъ голосомъ правды зоветъ!

Январь.

Мечъ и лира.

СКАЗКА.

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.
Н. Некрасовъ.

I.

Въ полдень іюльскій горячій, когда задыхались
Лѣсъ и поляны отъ ласкъ зажигающихъ солнца,
Листъ не шуршалъ, и не пѣли безсонныя птицы,—
Отрокъ безпечный игралъ у опушки зеленаго бора.
Смѣло, какъ векша, свободы дитя, на косматыя ели
Бойко взбирался, смѣясь и ликуя, одинъ, безъ призора.
Такъ, утомившись, заснулъ онъ подъ елью тѣнистой
Въ мягкой, душистой травѣ...
Волшебница лѣса подкралась
Тихо, какъ сонъ легкокрылый; взяла осторожно
Въ руки сонливца и въ сказочный замокъ свой дальній
Птицы быстрѣе умчала!
Лѣниво рѣсницы
Онъ разомкнулъ—и глазамъ своимъ долго не вѣрилъ:
Крикъ изумленья въ груди очарованной замеръ!
Онъ увидалъ себя въ чудномъ, залитомъ сіяньемъ,
Райскомъ саду. Величавыя купы деревьевъ

Странныхъ, невиданныхъ формъ, съ золотыми плодами,
Къ свѣтлымъ потокамъ душистыя вѣтви склоняли;
Яркой, цвѣтной чешуей прихотливо мелькая,
Рыбокъ стада веселились въ серебряной влагѣ;
Чашечки чудныхъ цвѣтовъ, что̀ не снятся и въ грёзахъ,
Полныя меда, стыдливо повсюду качались
На стебелькахъ горделивыхъ; надъ ними жъ, какъ пчелки,
Роемъ проворнымъ колибри вились золотые...
Все было тихо, какъ въ храмѣ, и дивно, какъ въ сказкѣ!
Въ сердцѣ какія-то сладкія струны дрожали,
Полныя грусти неясной; знакомое что-то,
Невозвратимо-былое изъ мрака всплывало...

II.

И вспомнилъ домъ онъ, старый барскій домъ.
Подъ окнами печально воетъ вьюга,
Взметая снѣгъ, и въ темной чащѣ лѣса,
Ей плачъ волковъ голодныхъ отвѣчаетъ...
Но въ спаленкѣ уютно и тепло.
Чуть свѣтится лампадка предъ иконой,
Колебля тѣни робкія кругомъ,
И женскій взоръ, мечтательный и грустный,
Къ нимъ устремленъ. Припавъ къ груди родной,
Онъ слышитъ трепетъ сердца дорогого;
И слышитъ онъ, какъ серебристый голосъ,
Любимый голосъ, въ сумеркахъ пугливыхъ,
Въ тиши ему нашептываетъ сказки
Про фей добра, золотокудрыхъ фей,
Про дивные чертоги ихъ и битвы
Съ могучими и злыми колдунами...

Потомъ... Потомъ какой-то сонъ ужасный:
Звучитъ въ дыму торжественное пѣнье,
Протяжное, унылое; проходятъ
Въ печальныхъ ризахъ черные попы
И бѣлый гробъ съ малиновымъ покровомъ,
Въ волнахъ цвѣтовъ, куда-то вдаль несутъ...

И снова дни, и вечера и ночи,
Но, ахъ! безъ сказокъ и безъ милыхъ ласкъ!
Лишь за стѣной сердито плачетъ вьюга,
Да чей-то коготь у дверей скребетъ...

Онъ тишину томительную помнитъ,
Гнетущій мракъ, надъ всѣми въ этомъ домѣ
Кошмаромъ злымъ висѣвшій безъ конца.
Пугливой мышкой черезъ залъ пустынный
Онъ пробирался въ темный уголокъ,
Гдѣ старый шкафъ стоялъ уединенно,
И груды книгъ въ тяжелыхъ переплетахъ
Валялись, позабытые, въ пыли.

Да, въ томъ шкафу таинственномъ, навѣрно,
Жилъ мрачный духъ: какихъ разсказовъ грустныхъ,
Тревожныхъ сновъ онъ нашепталъ ребенку!..
Увы, не зналъ угрюмый, бѣдный демонъ
Тѣхъ сказокъ чудныхъ, сказокъ золотыхъ
Про добрыхъ фей, волшебницъ синеокихъ!
Онъ говорилъ, что въ мірѣ нѣтъ чудесъ,
Что есть лишь зло да ненависть тупая,
Что страшно жить, любя добро и свѣтъ!

III.

Нѣтъ, онѣ есть, милосердныя, добрыя феи,—
Ихъ это свѣтлый чертогъ, ихъ лазурное царство:
Мигъ—и исполнится все, что пророчили сказки!

Яркою молніей мысль проблеснуть не успѣла —
Трепетъ неясный промчался по темнымъ аллеямъ:
Гордыя кроны склонили покорно деревья,
Чашечки розъ, какъ подъ вихремъ незримымъ, погнулись...
Быстро зажмурясь, какъ зайчикъ трусливый, прижался
Къ ложу изъ пышныхъ цвѣтовъ перепуганный мальчикъ.
Но не гроза пронеслась, не чудовище злое
Смертью грозило ему: кто-то любящій, добрый
Тонкой рукою кудрей его нѣжныхъ коснулся...
Сердце его размягчилось мгновенно; онъ поднялъ
Взоръ, отуманенный влагой,—и дрогнулъ въ восторгѣ!
Вся—доброта и любовь, вся—красота и величье,
Женщина съ видомъ царицы, въ алмазной коронѣ,
Въ бѣлой и легкой, какъ дымъ, драгоцѣнной одеждѣ,
Тихо склонилась, какъ мать, надъ его изголовьемъ.
Жалость свѣтилась во взорѣ лазурномъ, лучистомъ,
Длинныя косы разсыпались золотомъ пышнымъ,
Грудь бѣлоснѣжную вздохъ безпокойный приподнялъ...
Съ крикомъ восторга, смѣясь и рыдая отъ счастья,
Руки впередъ онъ простеръ къ дорогому видѣнью:
«Ты-ль это, ты-ль, ненаглядная, милая мама?
О, наконецъ, я съ тобой навсегда, неразлучно!»

Нѣжно-тоскующимъ взоромъ взглянула прекрасная фея,
Чуть улыбнулась—и, ласки и кротости полный,

Сладкій, какъ звонъ серебра, грустный, какъ шепотъ
дубравы,
— «Да, это я!»—отвѣчалъ ему голосъ знакомый.

IV.

— «Я мать твоя... Но знай: ничто моя любовь
Предъ волею судьбы; мы вновь должны разстаться.
Ты—сынъ земли, и къ ней вернешься вновь —
Въ бою за правду подвизаться!
«Придетъ пора—и ты, дитя, поймешь
Возможность жертвъ, возможность битвы вѣчной
И самъ на жертвенникъ великій принесешь
И сердца кровь, и пылъ сердечный.
«Но по душѣ пройдетъ немало грозъ
До той поры: кипучей жаждой счастья
Зажжется сердце, жаждой сладкихъ слезъ,
Горячей ласки и участья.
«Любовью къ женщинѣ, какъ сказочнымъ огнемъ,
Ты вспыхнешь весь... Отдашься мукамъ страстнымъ...
И будешь ты глупцомъ, и будешь ты рабомъ,
Блаженнымъ будешь и несчастнымъ!
«Потомъ... Да, лишь потомъ, когда остынетъ кровь,
И бурной юности смирятся заблужденья,
Когда почувствуешь, что разумъ можетъ вновь
Свои предписывать велѣнья,—
«Тогда познаешь ты иного бога власть,
Иной тоски огонь неугасимый,
Святой любви къ странѣ своей родимой
Неумирающую страсть.
«Въ ночной тиши, и въ шумѣ дня, и вѣчно
Передъ тобой являться станетъ онъ,

Печальный образъ,—милый безконечно,
Неосязаемый, какъ сонъ.
«Съ улыбкой горькою застывшаго терпѣнья,
Съ мольбой въ очахъ, въ лохмотьяхъ нищеты...
И будутъ кротостью любви и всепрощенья
Свѣтиться всѣ его черты.
«Прощенье въ голосѣ, прощенье въ каждомъ словѣ...
Но ты... Языкъ иной въ тебѣ заговоритъ,—
И эта женщина безъ плоти и безъ крови
Тебя на битву вдохновитъ!
«Охваченъ ярости могучею волною,
Наивенъ, какъ дитя, и, какъ герой, великъ,
Въ священномъ трепетѣ, какъ левъ, готовый къ бою,
Издашь ты мщенья грозный кликъ!
«То будетъ кликъ годами зрѣвшей муки,
Отрада—жертвѣ, ужасъ—палачу...
И скажешь ты, ломая гнѣвно руки:
— О, мать моя, я отомщу!
«—О, гдѣ враги твои? Скорѣе мнѣ, скорѣе
Ихъ имена... Я ихъ низрину въ прахъ!
Безъ искры жалости, самой судьбы вѣрнѣе,
Настигну всюду,—въ городахъ,
«—Въ поляхъ, за пиршествомъ, во снѣ и за работой...—
Но только кличъ твой бранный прозвучитъ,
И въ глубинѣ души навѣкъ порвется что-то,—
Врагъ, точно коршунъ, налетитъ!
«Онъ налетитъ, какъ вихрь въ пустынѣ сонной,
Съ богохуленьями, съ угрозой на устахъ,
Съ глухими воплями... Нахлынетъ, непреклонный,
И уведетъ тебя въ цѣпяхъ!
«Онъ окружитъ тебя холодными, какъ гады,
Стѣнами погреба, гдѣ ночи безъ зари,

И скажетъ голосомъ, въ которомъ нѣтъ пощады:
— Умри!!»

V.

Фея умолкла... Ребенокъ, дрожащій отъ страха,
Голову скрылъ на груди ея въ складкахъ воздушнаго платья.
Вдругъ, что-то влажное, теплое,—нѣжно, какъ капля
Перваго въ маѣ дождя—лба его тихо коснулось...
Снова, еще и еще...
— Плачешь ты, плачешь? О чемъ же?
Иль не сама ты учила—какъ сладостна жертва,
Рабство позорно, борьба за свободу прекрасна?
— «Да,—отвѣчала поспѣшно волшебница,—знаю...
Но если бъ знать и тебѣ, что̀ скрываю на сердцѣ!
Сколько — ахъ! сколько ихъ, пылкихъ, отважныхъ душою,
Я проводила въ ту даль, изъ которой обратно
Не возвращаетъ судьба... На кровавую сѣчу
Шли они всѣ, какъ на свадебный пиръ, улыбаясь!
Я же—о, что я могла? Лишь молиться украдкой,
Муку и гибель предвидѣть, да сѣтовать праздно...
Гдѣ они, дѣти мои?!»
И она зарыдала, и страстно
Сына опять обняла...
— «Знаю, роптать безполезно:
Слезы мои и мольбы ты сейчасъ же забудешь,
Выростешь—въ битву пойдешь, удержать я безсильна.
Все, что могу я,—оружіе выбрать любое
Я предоставлю тебѣ; но спѣшить ты не долженъ.

VI.

«Вотъ грубый мечъ... Вотъ—скорбный путь борца!
Тутъ вѣчный зной, тутъ лишь волчецъ безплодный,
Да острый тернъ торчатъ на почвѣ голой,
И что ни шагъ—опасность или жертва.
Съ мечемъ въ рукѣ, со знаменемъ въ другой,
Со взоромъ, устремленнымъ къ свѣтлой цѣли,
Ты грудь одѣнешь, какъ бронёй, безстрастьемъ,
Покинешь кровъ родной, очагъ любимый
И на алтарь свободы понесешь
И жаръ души, еще не утоленный,
И крѣпость мышцъ, и силу воли гордой,
И правый гнѣвъ и правую любовь!
Но вамъ, борцамъ, скитальцамъ безъ пріюта,
Не видѣть нивъ цвѣтущихъ Ханаана:
Роскошный плодъ работы многотрудной
Дано вкусить лишь дальнему потомку.
Безъ жалости и безъ слѣда поглотитъ
Пучина жизни ваши имена...
Но вѣрь, мой сынъ: когда не призракъ—счастье,
Не сонъ пустой и на землѣ возможно,
Оно лишь здѣсь доступно человѣку.

«А это—лира, мирный путь пѣвца.
Нѣтъ крови здѣсь, нѣтъ шума ярыхъ браней!
Я дамъ тебѣ цвѣты, и перлы для вѣнца
И сладкій гулъ рукоплесканій.
Въ созвучья словъ живыхъ волью волшебный ядъ,
Гармонію небесъ и страсти всѣ земныя...

Они, какъ звукъ трубы, надъ міромъ прозвучатъ,
Какъ мечъ, пронзятъ сердца людскія!
Но стукъ меча умретъ и звонъ трубы умретъ,
Какъ бури краткій шумъ, какъ всплескъ минутный
моря,
Твоей же лиры стонъ пройдетъ изъ рода въ родъ,
Пока лишь слышны стоны горя!
Ты будешь маякомъ въ беззвѣздной вышинѣ...»

— Такъ лиру жъ мнѣ! Родная, лиру мнѣ!—
«Постой, дитя, не все я досказала!
Какой цѣной получишь ты ее?»
— Цѣной всего! Свободы, жизни мало—
Возьми и сердце, счастье, все!..

VII.

Фея ни слова въ отвѣтъ... Только блѣдныя губы
Дрогнули тихо, да сдвинулись тонкія брови...
Образъ прекрасный вдругъ началъ тускнѣть и мѣшаться
И, какъ въ вечернемъ туманѣ, все разомъ исчезло.
Мальчикъ отъ сна пробудился... Какъ прежде, лежалъ
онъ
Въ мягкой, душистой травѣ, подъ косматою елью,
Въ полдень іюльскій горячій, когда задыхались
Лѣсъ и поляны отъ ласкъ зажигающихъ солнца,
Листъ не шуршалъ, и не пѣли безсонныя птицы.
Бойко вскочилъ онъ и началъ рѣзвиться и прыгать.
И ничего онъ не помнилъ—ни феи прекрасной,
Ни ея чудныхъ владѣній, ни грозныхъ пророчествъ!

VIII.

Прошли года, какъ пестрый, смутный сонъ,
И все сбылось, что̀ предсказала фея.
Въ погонѣ юности за призраками счастья
Любилъ онъ женщинъ; былъ блаженнымъ и несчастнымъ,
Безумцемъ и рабомъ... Но сердце въ тишинѣ
Не уставало плакать и томиться,
Къ чему-то рваться и чего-то ждать.
Въ чаду страстей и жаркихъ наслажденій
Онъ позабыться жаждалъ хоть на мигъ —
И не умѣлъ; какъ будто вспомнить что-то
Порой хотѣлъ... Какой-то милый образъ
Уже мелькалъ предъ нимъ въ чертахъ неясныхъ —
И ускользалъ тотчасъ же, горькимъ стономъ
Въ больной душѣ тихонько прозвучавъ...
Когда же кровь въ немъ бурная остыла,
И холодъ мысли страсти пылъ смѣнилъ, —
Тотъ призракъ грустный, сердцу дорогой,
Сталъ навѣщать его печаль все чаще,
Яснѣе все рисуясь и яснѣе, —
И рѣдкій гость сталъ другомъ неотлучнымъ.
То образъ родины, страдалицы святой,
Его очамъ испуганнымъ явился...
Онъ зарыдалъ, увидѣвъ кроткій ликъ,
Истерзанный нуждою и кручиной,
Увидѣвъ кровь ея глубокихъ ранъ!
Онъ закричалъ о мщеніи!..
И что же?

Вдругъ ощутилъ, что мстителемъ суровымъ
Ему не быть, что для волненій битвы
Онъ робокъ и безсиленъ, какъ дитя...
Онъ услыхалъ—тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ
Своей души—борьбу и тайный ропотъ,
Немолчный споръ двухъ страстныхъ голосовъ.
Тамъ что-то плакать и стонать хотѣло,
Тамъ что-то муками такими надрывалось,
Какія прочимъ смертнымъ незнакомы!
Онъ словъ искалъ, чтобъ хоть повѣдать дружбѣ
Страдальческую повѣсть, но—увы!
Никто не могъ понять загадки странной,
Съ нимъ раздѣлить его печаль святую:
Кто звалъ его актеромъ, кто—безумцемъ...

И жажда пѣсенъ душу обняла!

IX.

Свѣтлыми шли передъ нимъ вереницами
Братья и сестры, друзья,—
Съ ясной улыбкой, съ веселыми лицами
Шли, свои муки глубоко тая.
Передъ толпою враждебною, дикою
Смѣло свой крестъ на Голгофу несли
Въ гордомъ сознаньи, что битву великую
Долго и честно вели...
И, какъ архангелъ отверженный,
Блѣдный, въ толпѣ онъ стоялъ.
Вопль, черезъ силу удержанный,
Душу томилъ и терзалъ,

Жегъ, какъ у друга украденный
Жизни завѣтнѣйшій кладъ;
Ползъ къ его сердцу холодною гадиной
Самопрезрѣнія ядъ!..

X.

Но не долго въ мукахъ знойныхъ
Онъ томился въ тишинѣ:
Горькій плачъ напѣвовъ стройныхъ
Пролетѣлъ по всей странѣ!
Звуки мести и упрека
Онъ въ сердца, какъ ножъ, вонзалъ,
Въ тьму неправды и порока
Искры свѣта заронялъ;
Часто съ силой чародѣя
Грубой властвовалъ толпой,
Щеки лютаго злодѣя
Орошалъ живой слезой...
Но порой смолкали звуки —
Онъ въ пустыню убѣгалъ.
Тамъ съ отчаяніемъ руки
Безполезныя ломалъ,
Рвался къ жертвѣ многотрудной
И рыдалъ, рыдалъ въ тиши,
Проклиная даръ свой чудный,
Міръ отнявшій у души!

Январь.

Къ портрету.

Въ эти свѣтлые дни, на зарѣ
Нашей жизни, сулящей ненастье и вьюгу,
Свой портретъ я вамъ шлю, какъ сестрѣ
И любимому другу.

Будетъ ночь—можетъ быть, безъ зари впереди,—
И разстанемся мы, и не будетъ возврата...
О, тогда, хоть порой, съ сожалѣньемъ въ груди
Вспоминайте далекаго брата!

Возмущеніе любви.

Ночи сновъ мучительныхъ
И безсонницъ черныхъ,
Дни безумной горести,
Взрывовъ непокорныхъ!
Только, обезсиленный,
Падалъ я, рыдая,—
Снова поднимался я,
Духомъ воскресая.
Только воспаленныя
Закрывались вѣжды—
Снова тихо плакали
Пѣсни безъ надежды.
То тебя на судъ онѣ
Гнѣвно призывали,
Проклинали яростно,
То—благословляли...
Ты ихъ кротко выслушай—
О, молю тебя!
Не осмѣй безъ жалости,
Но прости, любя!

I.

Сбылйсь мои страшные сны!
То мертвою видѣлъ тебя я:
Ты жилы открыла, забвенья желая,
И щеки такъ были прозрачно-блѣдны.

То видѣлъ тебя я въ тюрьмѣ, за рѣшеткой,
При слабомъ мерцаніи тусклаго дня,

И голосъ твой слабый и кроткій
Едва долеталъ до меня...

Напрасно хотѣлъ уловить я хоть слово,
Напрасно и зрѣнье свое напрягалъ:
Я видѣлъ тебя, но лица дорогого,
Его выраженія я не видалъ!

То бездна глубокая насъ раздѣляла,
И руки къ тебѣ простиралъ я, грустя;
То въ высь отъ меня ты, какъ тѣнь, ускользала,
А я, отставая, рыдалъ, какъ дитя!

2.

Эфирной толпою тѣ свѣтлые дни пролетали,
Волшебный окутывалъ ихъ серебристый туманъ;
Безмолвно и робко мы сладкій питали обманъ,
Стыдливо прекрасную тайну скрывали.

Безъ словъ о любви, но до поздней вечерней поры
Въ каморкѣ твоей разговоръ мы вели безконечный;
Какъ братъ неизмѣнному сердцу сестры,
Тебѣ открывалъ я весь міръ мой сердечный.

Какъ даль намъ тогда рисовалась свѣтла, широка!
О, сколько, въ сознаніи силъ необъятныхъ,
И подвиговъ свѣтлыхъ, и дѣлъ благодатныхъ,
Казалось, свершила бы наша рука!

3.

Страсть налетѣла, какъ бурный порывъ
Неодолимаго шквала,

Скалы сомнѣній и грозные льды —
Все на пути разметала!

Шумно къ твоимъ прикатилась стопамъ
Съ жаждой отзывнаго слова:
Ты ее бредомъ больнымъ назвала
И оттолкнула сурово...

Дико и грозно завыла она,
Жаркой заплакала кровью,
Въ сердцѣ твоемъ отдаваясь тоской
И безконечной любовью!..

4.

Долго борьба наша длилась... Вдали
Слышался рокотъ столичнаго шума,
Въ сумракѣ ночи. Глубокая дума
Насъ обнимала всецѣло... Мы шли,
Будто не чувствуя оба, какъ встрѣчный
Вѣтеръ пронизывалъ холодомъ насъ,
Какъ выступали порою изъ глазъ
Слезы обиды и боли сердечной...

Ты говорила, надежду губя:
— «Другъ мой! одними нейти намъ путями,
Но не хотѣла бъ твоими цѣпями
Я на мгновенье увидѣть себя.
Долгъ нашъ—на страсть ополчиться сурово,
Время разстаться, другъ друга забыть».

Долгъ... О, жестокое, страшное слово!
Смысла его я не могъ уловить

Въ эту минуту безумную... Горе,
Вдругъ налетѣвъ, какъ слѣпой ураганъ,
Душу въ кровавый укутавъ туманъ,
Было безбрежно и бурно, какъ море.
Шелъ я, шатаясь, какъ пьяный; съ трудомъ
Сдерживалъ хлынуть готовыя слезы...

Ты же, казалось, сердечныя грозы
Раньше смирила, во мракѣ ночномъ
Къ жаркой подушкѣ припавъ головою,
Дòсыта выплакавъ горе свое,
Муки желаній безумныхъ, все, все...
И неприступной стояла скалою.
Только смертельная блѣдность лица,
Только звучавшій рыданьями голосъ
Все выдавалъ: ты не меньше боролась
Съ сердцемъ, просившимъ любви безъ конца!

Вѣрить страшась и не въ силахъ не вѣрить,
Дико глядѣлъ на лицо я твое...
Радость, мечта моя, солнце мое,
Передъ тобою ли мнѣ лицемѣрить?
Я для любви огорченной забылъ
Гордость мятежную, юности бога:
Голосомъ плачущимъ долго и много,
Страстно и нѣжно тебя я молилъ!
Просьбой, софизмомъ, угрозой безумной,
Не убѣждая, я все убѣждалъ...
Дѣтски-наивный, онъ трогалъ, пугалъ,
Бредъ этотъ дикій, безсвязный и шумный!—
Душу твою онъ безплодно терзалъ.

Такъ, не сдаваясь, къ рѣкѣ горделивой
Мы подвигались... Порывъ ледяной
Вѣтра ночного, играя волной,
Сонъ прерывалъ ея чутко-пугливый...
Шли мы, разбитые долгой борьбой.

Въ горькомъ раздумьи шаги замедляя,
Глядя волнамъ убѣгавшимъ во слѣдъ,
Долго молчали мы, словно отвѣтъ,
Чей-то отвѣтъ роковой поджидая...

Блѣдный разсвѣтъ заалѣлъ надъ Невой...
. . . . . .

5.

Руки горестно сжавъ, съ сердцемъ, полнымъ тоской
И готовымъ отъ мукъ разорваться,
Обезумѣвъ при мысли, что часъ роковой
Наступилъ—намъ навѣки разстаться,
Горькій, горькій сорвать поцѣлуй я хотѣлъ
Съ милыхъ устъ, чтобъ и трепетъ, и муку,
И огонь мой въ тебя перелить онъ съумѣлъ...
И его-то прощальному звуку
Положить ты спѣшила предѣлъ!

6.

Борьба окончена — побѣда за тобой!..
. . . . . .
Но хоть теперь, исполнивъ повелѣнье
Слѣпой судьбы, проклявшей на Руси

За чей-то грѣхъ все наше поколѣнье, —
О, хоть теперь мой разумъ воскреси!
Скажи: за что, не зная сожалѣнья,
Убила ты всѣ свѣтлыя мечты
И нашу молодость, скупую на цвѣты,
Одѣла облакомъ тоски и озлобленья?

7.

Отъ рожденья, видно, тѣнь проклятья
Надъ тобой и надо мной витала!
И когда, въ безумный часъ, въ объятья
Ты ко мнѣ съ рыданьями упала,
Опьянѣвъ на краткое мгновенье, —
Ты ужъ знала тайну роковую:
Отравить спѣшила наслажденье,
Оторвать уста отъ поцѣлуя!..
Разогнавъ туманъ горячій страсти,
«Нѣтъ!» и «нѣтъ!» безжалостно твердила;
Разрывая сердце мнѣ на части,
Ты свое безъ ропота разбила.
Я жъ, глупецъ, тебя съ твоей любовью,
Съ этимъ сердцемъ нѣжнымъ и глубокимъ,
Дни за днями истекавшимъ кровью,
Палачемъ я звалъ тебя жестокимъ!

8.

Но... если все это сонъ? Страшный кошмаръ, что порою
Грудь молодую гнететъ непонятно?
Сонъ, только сонъ — о, конечно!
Хочется жить и любить безконечно...

Небо такъ ясно... Глубокой его синевою
Тѣшится взоръ... Жизни даль необъятна!

— О, приходи же, сестра моя милая, гдѣ ты?
Нашихъ сердецъ неугасшее пламя
Вмѣстѣ сольемъ и, любовью согрѣты,
Гордо поднимемъ великое знамя!
Да, приходи — наши пѣсни не спѣты.

Если въ прошедшемъ однѣ лишь безумныя грёзы,
Много страданій напрасныхъ и мало добра,
Если въ прошедшемъ не пышныя розы
Головы наши вѣнчали, сестра,—
Вспомни: едва прикоснулись мы къ жизненной чашѣ...
Вѣрь мнѣ: грядущее — наше!

9.

Тревогу ударило сердце больное —
Я голову поднялъ пылавшую.
Серебрянымъ блескомъ луны залитое,
Окно озаряло каморку дремавшую,
И слышенъ былъ мухи безсонной полетъ.
Чу, скрипнула дверь... Не *она* ли войдетъ?

Какъ легкая тѣнь,—величавая, блѣдная,—
Вошла ты, прекрасна, свѣтла...

— Сестра моя, другъ мой! Ты снова пришла—
Сказать, что разсѣяна грозная мгла,
Что пытка любовь умертвить не могла,
И пѣсни чтобъ пѣлъ я побѣдныя?

О, ты-ль это, ты-ль, моя добрая, бѣдная?
. . . . . .
Разсѣялась грёза; поникъ головой
На ложе я жесткое, знойное,
И хлынули слезы горячей волной...
Усни ты, о сердце мое безпокойное,
Усни, если можешь!..

10.

Мнѣ снилось, что ты умерла...
Стоялъ я, безмолвный и блѣдный,
Предъ пышнымъ покровомъ стола
Съ моею голубкою бѣдной.

Ужъ тайны невѣдомой страхъ
Коснулся чела молодого;
Казалось, на блѣдныхъ устахъ
Застыло завѣтное слово.

При блескѣ полдневныхъ лучей
Загадочно свѣчи свѣтили;
Толпы равнодушныхъ людей
Входили и вонъ выходили.

Враждебно взглянувъ на меня,
Къ усопшей съ лобзаньемъ спѣшили,--
Они, что̀ до этого дня
И гнали тебя, и бранили!

Жалѣли страданья твои,
На видъ мой безстрастный дивились,

Въ сокровищахъ нашей любви
Руками нечистыми рылись;

Какъ судьи, шептались кругомъ,
Косясь, головами качали,
Меня обвиняли во всемъ,
Твоимъ палачемъ называли...

И съ плачемъ проснулся я вдругъ! —
Проснулся — и понялъ съ тоскою:
Во снѣ этомъ, бѣдный мой другъ,
Не все было грёзой ночною...

II.

Я воленъ и гордъ... Свѣтъ и пламя въ груди,
И жизни такъ много еще впереди!

Но страшное, темное чувство тревожитъ
Мнѣ душу... Поникла и муза, скорбя...
Я скрыть, милый другъ, не могу отъ тебя,—
Скажи мнѣ: что, если, быть можетъ,
Какъ вихрь, налетитъ прежде времени врагъ
И, крылья спаливъ, осмѣявъ и мечту золотую,
На силу и волю мою молодую
Наложитъ оковы и мракъ?..
. . . . . .

Скажи же, родная: за душной стѣной
Меня навѣстишь ты?.. Съ былою любовью,
Убитой такъ злобно людьми и тобой,
Истекшей живыми слезами и кровью
Подъ гнетомъ печалей великихъ и мукъ,

Забытой, какъ повѣсть терзаній и страха,
И снова, какъ фениксъ, возставшей изъ праха,—
Ко мнѣ ты придешь ли, мой другъ?..

12.

— Такъ знай же: въ тюрьмѣ я!.. Свѣтла и просторна
Тюрьма моя; нѣтъ въ ней рѣшетокъ желѣзныхъ,
Ни шумныхъ затворовъ, ни пытки позорной,
Ни стражей нѣмыхъ, ни цѣпей безполезныхъ.
Весь міръ меня давитъ, какъ злая темница:
Мнѣ душно и тяжко! Я — дикая, вольная птица!
Я про́клялъ прошедшаго мракъ безпредѣльный,
Разбилъ, осмѣялъ вѣковыя святыни
И ветхому міру сказалъ я: отнынѣ
Я врагъ твой смертельный!..
Но гдѣ жъ оно, воинство правды и свѣта?
О, гдѣ вы, друзья? Откликайтесь, коль живы!
На бранныхъ полянахъ костьми полегли вы,
И сумракомъ свѣтлая память одѣта.
Иныхъ распиналъ по дорогамъ въ ущельяхъ,
На страшныхъ крестахъ, побѣдитель надменный,
Иныхъ заточалъ въ гробовыхъ подземельяхъ,
Разсѣялъ другихъ по вселенной!
Зловѣщая тьма, какъ во львиной пещерѣ...
Прочны безъ желѣза тюрьмы моей двери!
Не коршуны лютые, злые тираны —
Мнѣ сердце грызетъ что-то болѣе злое:
Окутало душу безсилье нѣмое,
И псы говорящіе лижутъ мнѣ раны.
Кровавый напитокъ по вкусу находятъ...

И стоны мои до тебя не доходятъ?!

13.

Съ трескомъ сводъ небесный
Пополамъ раздался!
И надъ міромъ скорби
Красный день занялся...

И трубилъ Архангелъ
Надъ землей безгласной:
«Пробудитесь, дѣти!
Конченъ мракъ ненастный.

«Грозныя навѣки
Отошли видѣнья, —
Всѣмъ отнынѣ счастье
И за все прощенье!»

Точно волны въ морѣ
Ночью непогодной,
Колыхался бурно
Океанъ народный;

Въ солнечномъ сіяньи
Лица улыбались,
И вѣнки пестрѣли,
И уста сливались ..

И въ толпѣ счастливой,
Плывшей за толпою,
Я увидѣлъ, другъ мой,
Будто насъ съ тобою, —

Юношу съ подругой,
Намъ во всемъ подобныхъ,
Но блаженно-ясныхъ
И душой незлобныхъ.

Чуждые сомнѣній,
Бодрою стопою
Шли они, ликуя
И рука съ рукою.

Мартъ—сентябрь.

* * *

По лазури, чуть бѣлѣя,
Вьются стаи облаковъ;
Рѣчка мшистая, синѣя,
Тонетъ въ зелени луговъ.
Незабудокъ мирныхъ глазки
Съ береговъ ея глядятъ,
И кругомъ, какъ въ царствѣ сказки,
Тишина и ароматъ.
Съ умиленною душою,
Съ окрыленною мечтой
Я стою, открытый зною,
Надъ уснувшею волной.
Сильныхъ плечъ ярмо безсилья
Малодушно не гнететъ;
Юность гордая, какъ крылья,
Смѣло мчитъ меня впередъ!
Въ дикій сумракъ лѣтъ далекихъ
Дерзко хочетъ заглянуть,—
И яснѣе водъ широкихъ
Передъ нею жизни путь!

* * *

Проснись, дитя мое, проснись,
От сладкихъ сновъ и грёзъ!
Ужъ пиръ готовъ—тебѣ сплетенъ
Вѣнокъ колючихъ розъ.

Спѣши-жъ въ тотъ городъ роковой,
Гдѣ, какъ безумный бредъ,
Проходятъ дни, бѣгутъ года;
Безъ боли—счастья нѣтъ!

Спѣши бороться и страдать,
И пламенно любить,
И жертвой жертвы не считать
И лишь для жертвы жить!

Но свѣтелъ будетъ твой вѣнецъ
Изъ перловъ тайныхъ слезъ...
Проснись, дитя мое, проснись
Отъ сладкихъ сновъ и грезъ!

Сказочный Городъ.

Ты знавалъ этотъ городъ тумановъ,
Городъ холода, мглы и тоски,
Съ пышнымъ сонмомъ дворцовъ-великановъ
Надъ могучимъ просторомъ рѣки,
Заключенной въ оковы гранита,
Съ лабиринтомъ гремящихъ сердито
Стройныхъ улицъ, громадъ-площадей,—
Ты знавалъ на зарѣ своихъ дней?..

Ахъ! любовью болѣзненно-страстной
Я люблю этотъ городъ несчастный!

Блѣдный сѣверъ, мой сѣверъ родной,
Съ красотою его монотонной,
Тихой грусти лучемъ просвѣтленной,—
Весь онъ тутъ, какъ въ картинѣ живой.
Безъ цвѣтовъ и безъ пѣсенъ весна;
Въ бѣлый саванъ наряжены ночи...
Жаждутъ отдыха скорбныя очи,
Но сомкнуться не могутъ для сна,
Съ тайнымъ ужасомъ въ даль устремляясь,
Гдѣ, загадочно, странно сплетаясь,
Тѣни блѣдныя движутся... Стонъ
Чей-то чудится... Бредъ или сонъ?
Или темныя зимнія ночи
Надъ закованной въ цѣпи рѣкой,
Когда яркія звѣздныя очи

Смотрятъ въ душу съ тоскою нѣмой,
И, облитый огнями земными,
Словно хочетъ соперничать съ ними
Возносящійся къ небу чертогъ,—
Я забыть эти ночи не могъ!
Или день, ослѣпляющій блескомъ,
Когда съ глухо рокочущимъ плескомъ,
Пестроты и движенья полна,
Въ даль уходитъ людская волна?..

Даже грозно—нѣмую твердыню,
. . . . . .
О, друзья! я люблю, какъ святыню...
. . . . . Здѣсь и онъ,
Лучшій другъ моей юности бѣдной,
Былъ во цвѣтѣ надеждъ погребенъ.
Часто, слабый, безпомощный, блѣдный,
Онъ мерещился мнѣ въ тьмѣ ночей,
Когда сонъ убѣгалъ отъ очей,
И, безсильною злобой сгорая,
Въ лютой горести руки ломая,
Я на битву врага вызывалъ,
Какъ о счастьи, о жертвѣ мечталъ!..
. . . . . .
Я люблю этотъ омутъ, гдѣ дышешь
Опьяняющимъ запахомъ ранъ
И клокочущій грозно вулканъ
Подъ ногами усталыми слышишь,
Гдѣ такъ жадно на гибель спѣшишь,
Напрягаешь безумно усилья
И, какъ будто могучія крылья
За спиной ощущая, летишь

Прямо къ безднѣ, съ отвагою дикой...
Какъ колодникъ оковы свои,
Я люблю этотъ городъ великій,
Въ неповинной омытый крови!

Часто, въ вихрѣ борьбы безконечной
Обезсилѣвши, съ болью сердечной,
Со стыдомъ, безъ оглядки бѣжишь
Въ ту родимую ясную тишь,
Гдѣ волшебною сдѣлаться сказкой
Могутъ лютыя муки твои,
Гдѣ живитъ благодатною лаской
Мать-природа, царица любви,
Гдѣ забыть, хоть на время, возможно,
Какъ порою борьба безнадёжна...
Что жъ? Едва въ глубинѣ твоихъ ранъ
Стихнетъ боль, и горячій, кровавый
На мгновенье растаетъ туманъ,—
Онъ ужъ вновь предъ тобой—великанъ
Роковой, въ красотѣ величавой.
Грустный, скорбный, зоветъ онъ къ себѣ
Днемъ и ночью... Въ великой борьбѣ
Истекая слезами и кровью,
Жить враждою зоветъ и любовью!
Въ этомъ зовѣ—моленье и власть,
И угроза и ласка участья,
Обѣщаніе муки и счастья...
Онъ зоветъ—побѣдить, или пасть!

Августъ.

* * *

Съ тоскующей улыбкой, долгимъ взоромъ
Ты на меня смотрѣла, и въ отвѣтъ
На рѣчь любви мнѣ прозвучалъ укоромъ
Вопросъ твой ласковый: «А если это... бредъ?
Бредъ увлеченья, сердца молодого
Недолгій жаръ, мечта, волшебный сонъ?
Миражъ разсѣялся—и путникъ видитъ снова
Песокъ степей да знойный небосклонъ.
Что, если такъ?..»
Въ чаду любви безумной,
Протестовалъ я страстно! Голосъ мой
Звучалъ увѣренно...
Походкою безшумной
Ты шла впередъ, рука съ моей рукой.
Въ ночной тиши, мерцаньемъ звѣздъ далекихъ,
Мерцаньемъ трепетнымъ едва озарена,
Отдавшись вся теченью думъ глубокихъ,
Ты шла впередъ, печальна и блѣдна.

И разрывалась грудь моя на части,
И душу жегъ стыда и гнѣва крикъ,

Что въ грозный часъ борьбы за жизнь и счастье
Такъ жалокъ онъ, любви моей языкъ!
Что онъ не могъ печальное сомнѣнье
Твоей души въ зародышѣ убить
И тусклыхъ дней моихъ безцѣльное томленье,
Какъ солнцемъ, жизнью озарить!

* * *

Я такъ люблю тебя, что если солнца лучъ
Съ горячей ласкою твой милый ликъ освѣтитъ,
Когда, бродя по гребнямъ сизыхъ тучъ,
Волшебный свѣтъ очей твоихъ замѣтитъ,—
Твою любовь, завѣтный сердца кладъ,
Я даже съ солнцемъ раздѣлить не радъ!

Когда-жъ порой касается небрежно
Любимыхъ рукъ—нечистая рука,
А ты глядишь довѣрчиво и нѣжно,
Ко всѣмъ добра и всякому близка,—
О, если бъ знала ты, какое въ то мгновенье
Кипитъ въ душѣ моей безумье и смятенье!

Другъ милый мой! Не золотой чертогъ
Построю я тебѣ, моей царицѣ-феѣ:
Я съ музою моей сплету тебѣ вѣнокъ,
Цвѣтовъ весны наряднѣй и свѣжѣе,
И въ томъ вѣнкѣ—рука съ моей рукой—
Иди со мной, умри со мной!

Октябрь.

Затерянныя стихотворенія

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

(Изъ Фридриха Бодэнштэдта) *).

I.

Какъ твои глазки смѣются, дитя,
Сколько они теплоты сохранили!—
Такъ улыбался когда-то и я:
Люди мой пылъ охладили...

Цѣпью сковали порывы мои,
Гордыя крылья мечты сокрушили...
Небо меня поучало любви,
Люди же злобѣ меня научили!

---

*) Проживая въ Россіи въ началѣ 40-хъ годовъ, нѣмецкій поэтъ Бодэнштэдтъ черезъ общихъ знакомыхъ доставалъ стихи Лермонтова еще задолго до ихъ напечатанія. Вотъ почему въ его сборникъ переводовъ изъ Лермонтова попало нѣсколько пьесокъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ русской публикѣ въ оригиналѣ: очевидно, онѣ не могли въ свое время быть напечатаны, въ рукописномъ же видѣ не сохранились.

II.

Нѣтъ, не измѣнникъ я отчизнѣ дорогой,
Я сынъ отцовъ моихъ! Но васъ, холоповъ темныхъ,
Чуждаюсь—это такъ. Я — съ гордою душой
И не ползу на костыляхъ заемныхъ.

—

Я могъ еще краснѣть за ваши преступленья,
Не слышать музыки въ бряцаніи оковъ,
Не видѣть красоты въ сверканіи штыковъ—
Меня предателемъ вы звали безъ смущенья!

—

Какъ вы, не пячусь я, но все иду впередъ,
Покрой отсталый вашъ, закалъ вашъ презираю:
Рѣшили вы, что я не понимаю
Страны родной, что я не патріотъ!

III.

Не хотѣли меня вы понять... У меня
Все вы отняли, въ утро весенняго дня...
Не убита лишь гордость моя и отвага!
Поколѣнья идутъ, какъ волна за волной, —
За приливомъ отливъ, за отливомъ прибой,—
И безсмертная смѣна ихъ—благо.

Вы пройдете... Другіе придутъ вмѣсто васъ
Съ кровью свѣжей и чистой, въ которой не разъ
Благородная вспыхнетъ отвага.
И они-то, коль пѣсни мои не умрутъ,

Хоть они мои думы и муки поймутъ,—
И работа ихъ будетъ на благо!

IV.

Едва я началъ размышлять—
Они вскочили въ изумленьи;
Я мысль мою посмѣлъ назвать—
Они схватились за каменья.
Когда же пѣсню я пропѣлъ,
Сознаньемъ правды гордъ и свѣтелъ,
Никто мнѣ въ страхѣ не отвѣтилъ,
Хоть каждый яростью кипѣлъ!

V.

Вы, кого ногами я
Попиралъ въ пылу презрѣнья
И въ глаза ослами звалъ;
Вы, которые прощенья
У меня же шли просить,
Въ дни моей салонной славы
Улыбаясь рабски мнѣ,—
Какъ теперь вы величавы!
Не узнать: вся грудь блеститъ
Орденами, орденами,
И, не глядя на меня,
Вы проходите царями...

VI.

Проходите! Намъ не по пути!
Знать, таковъ порядокъ въ этой жизни:

У того, кто плачетъ объ отчизнѣ,
Крестъ въ груди, у васъ же—на груди...

VII.

О судьбѣ не жалѣйте моей,
Ни о томъ, что отъ дружбы своей
Оттолкнули меня лицемѣры.
Не жалѣйте! Въ тюрьмѣ вы, какъ я!
Все различіе въ томъ лишь, друзья,
Что у вашей побольше размѣры...

VIII.

Нѣтъ, не кляните вы судьбу мою
И объ моемъ не плачьте заточеньи:
Вамъ ваши радости дарю,
Вамъ возвращаю сожалѣнье!

IX.

«Одно лишь слово покаянья—
И снова жизнь твоя въ цвѣтахъ.»

Но лучше я умру въ цѣпяхъ,
Въ тюрьмѣ, или въ странѣ изгнанья
Найду могилу безъ креста,
Чѣмъ ложью оскверню уста,
Чтобы спастись отъ поруганья!

X.

Безъ вины настрадался я вволю
И хотѣлъ бы на волю, на волю!

Но готовъ безъ конца я страдать
Мукой большею, если возможно,
Лишь бы въ уровень съ вами не стать,
Съ вашей грязью и святостью ложной!..

XI.

(Заключительная строфа «Сказки для дѣтей».)

Умолкнулъ демонъ, и—читатель мой!
Я тоже смолкну, хоть и съ грустью тайной...
Мою поэму отческой рукой
Отъ лишнихъ словъ, отъ рѣзвости случайной
Спасаетъ цензоръ, мой судья глухой.
Такъ, часто крылья я хочу расправить,
А мнѣ велятъ тотчасъ же точку ставить...
И гибнетъ все: плѣнительная даль
Широкихъ замысловъ и самая мораль!
Но я хочу быть образцомъ смиренья—
Вотъ почему нѣтъ въ сказкѣ заключенья.

XII.

Дождь хлещетъ, рокочутъ
Удары сердитые грома,
И люди пугливо укрылись
Подъ теплою кровлею дома.
Туда все живое стремится
Съ дороги, съ открытаго поля,
А я... Мнѣ не теплая кровля—
Нужна мнѣ раздольная воля!

На волю! на дикую волю!

И лучше погибнуть хочу я
Въ объятіяхъ огненныхъ бури,
Въ безумьи ея поцѣлуя,—
О, лучше на ужасы грома
Смѣнилъ бы я узника долю:
Туда бы, за душныя стѣны,
На волю, на волю, на волю!...

1884.

Фантазія.

I.

Не морская-ль то краса-царевна
Вышла въ полночь изъ глубинъ лазурныхъ
Любоваться зыбью моря гнѣвной,
Тѣшить взоръ блистаньемъ молній бурныхъ?
Въ бѣломъ вся... Ей, будто, незнакомо
Чувство страха—на устахъ улыбка.
Въ грозный часъ она средь волнъ, какъ дома.
Какъ тростникъ, то вся пригнется гибко,
Покорится робко урагану;
То воспрянетъ, взорами блистая,—
Простираетъ руки къ океану,
Къ новымъ битвамъ волны призывая!
Шепчутъ губы страстныя моленья,
Малодушныхъ укоряютъ властно,
Честно павшимъ шлютъ благословенья,
Часъ побѣды призываютъ страстно!
Разметались, точно крылья ночи,
Косы-змѣи, на земь ниспадаютъ,
И, какъ звѣзды, огневыя очи

То блестятъ, то тихо угасаютъ...
Все слѣдятъ съ мольбой и ободреньемъ,
Какъ волна вслѣдъ за волною мчится
Съ бурнымъ плескомъ, съ пламеннымъ рѣшеньемъ—
Побѣдить, или самой разбиться!
Вотъ одна ударилась—разбилась,
Разлетѣлась въ брызги огневыя...
Тихимъ стономъ море огласилось:
«Я разбилась, сестры дорогія!»
Но выходитъ слѣдомъ рать за ратью,
Пламенѣя новой жаждой мщенья:
Кличъ призывный... стонъ глухой... проклятье...
Снова смерть—и снова гулъ сраженья!

Въ тьму временъ идутъ за годомъ годы,
Въ тьму временъ за вѣкомъ вѣкъ идетъ.
За мечту простора и свободы
Длится бой, вражда не устаетъ.
Не дрожитъ утеса грудь нѣмая!
Твердъ и прямъ, властительно-суровъ,
Онъ стоитъ, угрозамъ не внимая,
Все стоитъ въ зеленой шапкѣ мховъ.
Но не спитъ... Въ груди за раной рана
Тайно зрѣетъ... Грозный часъ пробьетъ:
Рухнетъ онъ въ пучину океана,
Рухнетъ съ трескомъ, воздухъ потрясетъ!
И тогда изъ душныхъ стѣнъ неволи,
Съ гордымъ плескомъ, бѣшеной толпой
Хлынутъ волны—хлынутъ, гимномъ воли
Оглашая славный подвигъ свой!

II.

Но, по-одаль, что за тѣнь другая?
Кто онъ, блѣдный юноша? Лежитъ
Онъ у ногъ красавицы, роняя
Жемчугъ слезъ на сумрачный гранитъ.
Онъ излилъ предъ ней всю бурю страсти,
Весь огонь тоскующей души,
Заклиналъ ее мечтой о счастьи,
Свѣтломъ счастьи въ мирѣ и въ тиши;
Звалъ ее—бѣжать отъ урагана,
Гнѣва молній, шума ярыхъ волнъ,
Въ царство грёзъ и сладкаго обмана,
Въ царство сновъ направить легкій челнъ!
— «День придетъ—гигантъ-утесъ поваленъ,
Тяжкій стонъ раздастся въ сердцѣ горъ...
О, слѣпцы! За грудами развалинъ
Новыхъ скалъ вершины встрѣтитъ взоръ!
Вопль тоски, проклятій возгласъ дикій
Облетитъ безбрежный океанъ:
— Это все?.. Вѣка борьбы великой,
Адскихъ мукъ—все было ложь, обманъ?
Это все?!..»
И въ мукахъ изступленья,
Истощивъ огонь молитвъ и слезъ,
Онъ лежалъ безъ признаковъ движенья,
Павъ лицомъ горячимъ на утесъ.

III.

Но не ей, рожденной съ духомъ смѣлымъ,
Знать борьбу и ядъ сомнѣній злыхъ:
Все стоитъ, плащемъ закрывшись бѣлымъ,
Взоръ склонивъ къ пучинѣ водъ сѣдыхъ.
Словно вождь, отважно кличетъ къ бою
За волной волну, за ратью рать,
Словно вождь, даетъ имъ знакъ рукою,
Страшный знакъ—идти и умирать!
Не глядитъ на спутника,—тревожитъ
Миръ его улыбкой безъ рѣчей
И понять, строптивая, не можетъ
Мукъ его и слезъ его объ ней!

Январь.

* * *

Сколько разъ надо мной пролеталъ
Ураганъ, безпощадно суровъ,
Сколько разъ покрывался мой садъ
Лепестками погибшихъ цвѣтовъ,—
И всегда возвращался назадъ
Май въ вѣнкѣ распустившихся розъ,
Съ безмятежной лазурью небесъ
И довѣрчивымъ лепетомъ грёзъ!

Не дивись же, мой любящій другъ,
Что живу я, какъ будто шутя,
Что во мракѣ нависшей грозы
Я тебѣ улыбаюсь, дитя:
Если много въ душѣ твоей силъ,
Молодыхъ, непокорныхъ судьбѣ,
Если кровь безпокойнымъ ключомъ
И кипитъ, и клокочетъ въ тебѣ;
Если вихремъ не все сметено,
Если жизни хоть искра цѣла,—
Вѣрь: опять возвратится весна,
И тепла, и красна, и свѣтла!..

Мартъ.

Буря.

Примчалась буря съ шумомъ, съ блескомъ!
Взбирались волны съ гнѣвнымъ плескомъ
На берегъ, чтобъ меня увлечь;
Грозились молніи сѣдыя
Остановить меня и сжечь;
Струились рѣки дождевыя;
Не умолкая, божій громъ
Гремѣлъ, мнѣ чудилось, кругомъ...

И не нашелъ нигдѣ я крова!
Гдѣ ложь бездушная жила,
Тамъ дверь захлопнулась сурово...
Друзья?— ихъ буря унесла.
Враги?—мольбы не вышло слово
Изъ устъ моихъ... И кровь текла
Изъ ранъ горячею струею,
И умъ былъ удрученъ тоскою...

Тогда къ тебѣ, къ тебѣ одной,
Мой другъ, мой ангелъ-утѣшитель,
Въ твою лишь постучать обитель
Дерзнулъ я робкою рукой.
Не пищи я искалъ, не крова:
Мнѣ нуженъ былъ любви привѣтъ,

Одно твое, одно лишь слово,
Твоихъ очей волшебный свѣтъ.
Но тщетно сердце разрывалось
Отъ скорби—мракъ стоялъ кругомъ...
Я звалъ—мнѣ буря откликалась,
Молилъ—ты спала сладкимъ сномъ!

Сент.

---

* * *

Не счастье я тебѣ принесъ—
О, нѣтъ! я это знаю, знаю:
Я каждый день твой отравляю
Отравою незримыхъ слезъ...
Ты плакать, гордая, не стала-бъ,
Хотя бы къ мѣсту казни шла;
Никто твоихъ не слышалъ жалобъ,
Не видѣлъ хмураго чела!

Цѣпями насъ судьба сковала:
Ни въ даль меня умчавшій валъ,
Освирѣпѣвъ, ихъ не порвалъ,
Ни ты сама ихъ не порвала!
Не разъ, любовь мою проклявъ,
Рвалась на волю ты со злобой
И вновь, къ груди моей припавъ,
Клялась любить меня до гроба!

22 окт.

* * *

Въ минуты радости и горя
Къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ одной
Иду я, съ гордостью не споря:
Ты вдохновитель-ангелъ мой!
Иду съ душой всегда открытой,
То вновь воскресшей, то убитой...
Какъ братъ, припавъ къ твоей груди,
И плачу, и смѣюсь порою,—
И мнѣ прощенье впереди
За всякій грѣхъ передъ тобою!
Въ словахъ ли душу изолью,
Меня ты слушать не устанешь
И жизнь мятежную мою
Съ толпой осмѣивать не станешь.
Какъ въ книгѣ, ты читаешь въ ней
Безъ колебанья, безъ сомнѣнья;
А для меня въ душѣ твоей
Все, все—загадка безъ рѣшенья...

Порой, лишь эта мысль блеснетъ,
Иль въ мукахъ ревности тоскуя,
Молю я тщетно поцѣлуя
И вижу—вся ты мракъ и ледъ,—
О, какъ томлюсь я, негодуя!

Мнѣ страсть волнуетъ бурно кровь,
А ты даришь не страсть больную,
Но ласки полную, святую,
Лишь материнскую любовь.
Въ твоей улыбкѣ я ужъ вижу
Такой ироніи печать...
И такъ тебя я ненавижу,
Такъ начинаю проклинать!

Но вотъ минулъ порывъ мятежный,
И вижу я въ твоихъ очахъ
Опять прощенья отблескъ нѣжный,
И муки слѣдъ, и тайный страхъ,
И вижу—какъ, ломая руки,
Винить готова ты себя
За неспособность жить, любя,
За неумѣнье жить безъ муки...
О, другъ мой! вновь къ твоей груди
Я припадаю головою...
И новый грѣхъ передъ тобою
Ты мнѣ, любимая, прости!

Письмо.

Оно дрожитъ въ рукахъ моихъ,
Письмо любви, столь дорогое,
Гдѣ каждый знакъ и каждый штрихъ,
Все говоритъ мнѣ про былое,—
Про дни, когда жилось теплѣй,
Свѣтлѣй въ грядущее глядѣлось,
Любилось искреннѣй, полнѣй
И жить такъ пламенно хотѣлось!
Безъ слезъ глядѣть я не могу
На этотъ почеркъ торопливый...
И это все теперь я жгу,
Сейчасъ сожгу рукой пугливой?
Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь легче было-бъ мнѣ
Сжечь руку въ этомъ же огнѣ!

Но... если чей неблагородный
Взоръ осквернитъ мой уголокъ,
Рукой безстыдной и холодной
Коснется кто завѣтныхъ строкъ?
Завѣтныхъ сердца струнъ коснется,
Надъ всѣмъ нахально насмѣется,
Растопчетъ каждый нѣжный цвѣтъ

Ногою грубою... О, нѣтъ,
Гори скорѣй, гори безслѣдно,
Свидѣтель чистыхъ юныхъ дней!
Въ гробницѣ памяти моей
Усни навѣкъ, о призракъ бѣдный,
Гори скорѣй, гори скорѣй!

Въ морѣ.

Не за каждымъ всплескомъ моря
Кормчій съ трепетомъ слѣдитъ:
Все рѣшитъ послѣдній грозный,
Все девятый валъ рѣшитъ!

Но, чтобъ валъ пришелъ девятый,
Валъ послѣдній, роковой,
Нужны первыя усилья,
Нуженъ первый валъ, второй...

Пусть они едва замѣтны,
Пусть они отражены:
Ждите, братья, ждите съ вѣрой
Побѣждающей волны!

Ноябрь.

1885—1886.

Тайны поэта.

Ты дивилась, я помню, мой другъ,
Звучныхъ метровъ волшебному строю:
Вотъ зачѣмъ, въ шаловливый досугъ,
Всѣ ихъ тайны тебѣ я открою.

Ямбъ... Сверкая, какъ острый булатъ,
Онъ змѣей изворотливой вьется!
Съ каждымъ чувствомъ и другъ онъ, и братъ,
Легче всѣхъ онъ поэту дается.

Дактиль... Съ плавностью мощной рѣки
Онъ течетъ въ тѣснотѣ и просторѣ,
Знаетъ сердца онъ всѣ тайники,
Вѣетъ миромъ на самое горе.

Но хорей говорливъ, какъ весной
Ручеекъ серебристый и зыбкій:
Какъ дитя, омрачится тоской
И опять озарится улыбкой...

Амфибрахій... Наряда нѣжнѣй
Нѣтъ для мукъ затаенно-мятежныхъ
(Но, мой другъ! что̀ тѣхъ жалобъ больнѣй,
Что срываются съ устъ твоихъ нѣжныхъ?).

Анапестъ же... Онъ въ души бойцовъ
Западетъ глубоко́ и надолго.
Въ самой нѣжности властно-суровъ,
Весь онъ дышетъ сознаніемъ долга.

Поэтъ.

Нѣжно-ль лепечетъ дитя,
Въ колыбели играя,
Дѣдъ ли вздыхаетъ, грустя,
О быломъ вспоминая;

Кроткая-ль свѣтитъ слеза
Въ часъ вечерней молитвы,
Въ сердцѣ-ль бушуетъ гроза
Съ жаждой мести и битвы,—

Все онъ умѣетъ постичь:
Передастъ его лира
Лепетъ, и думу и кличъ...
Повелитель онъ міра!

* * *

Товарищи, братья, друзья!
Не падайте гордой душою,
Ходите, веселость храня
И съ поднятой вверхъ головою.

Не разъ налетитъ ураганъ,
Вашъ камень съ горы низвергая,
Но вы, какъ могучій титанъ,
Работайте, рукъ не слагая!

Услышатъ пророковъ иныхъ
Въ годину тоски и сомнѣній,
Но вы не покиньте для нихъ
Святого труда поколѣній!

Знамёна свободы прямѣй
Въ рукахъ неподкупныхъ держите
И ихъ чистотою сильнѣй
Свободы своей дорожите!

Поставьте ихъ выше всего,
Что знаете въ мірѣ святого,—
И блага отца своего,
И сердца горячаго зова!..

* * *

(Г. А. Л—ну).

Въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ кипучихъ,
Въ трудной жизненной борьбѣ
Ты вѣнца изъ терній жгучихъ
Жаждешь, юноша, себѣ.
Ты смѣешься свѣжимъ ранамъ,
Быль не хочешь поминать:
Юный дубъ подъ ураганомъ
Любитъ крѣпнуть и мужать!

Но тому, кто съ думой гнѣвной
Вѣкъ бродилъ въ краю чужомъ
За красой своей—царевной,
Унесенной колдуномъ;
Кто въ тревогахъ жизни бранной
Волосъ свой посеребрилъ,
Въ вихрѣ бурь, въ ночи туманной
Силы юныя сгубилъ;
И, казалось, рокъ враждебный
Умолилъ на склонѣ дней —
Отыскалъ дворецъ волшебный
Съ ненаглядною своей;
И ужъ къ ней, какъ окрыленный,

Руки жадно простиралъ,
Но... лишь воздухъ обнялъ сонный,
Призракъ мертвый и—упалъ,—
Ахъ! тому душой строптивой
Ужъ не рваться снова въ даль,
Подъ улыбкой горделивой
Затаивъ свою печаль!..

* * *

За все, за все,—за гордый пылъ,
За свѣтъ и ласку ободренья
Во дни унынья и смущенья,
Когда надъ бездной я скользилъ,
За все, чѣмъ я такъ счастливъ былъ,—
Самъ точно прòклятый судьбою,—
Я жизнь твою передъ зарею
И тьмой, и ужасомъ облилъ!..

Когда изъ устъ жестокихъ свѣта
Насмѣшекъ ринется потокъ,
И изъ терновыхъ иглъ вѣнокъ
Надѣнутъ на чело поэта,
Я, презирая всѣ хулы,
Спрошу лишь съ болью и тоскою:
О, нѣтъ ли въ томъ вѣнкѣ иглы,
Вплетенной милою рукою?..

Проводы.

Въ этомъ городѣ страшномъ, въ краю роковомъ,
Лишь отдавшійся тинѣ житейской во власть
Можетъ вольно дышать торжествующимъ зломъ
И судьбы не проклясть!

* * *

Изъ терновника вьетъ здѣсь и слава вѣнокъ—
Не изъ ландышей рощъ и фіалокъ полей...
Ты, голубка моя, ты, мой нѣжный цвѣтокъ,
Дальше, дальше скорѣй!

* * *

Будутъ страшные дни: душу всю истомишь,
Слезы выплачешь всѣ въ одиночествѣ,—вѣрь!
О, уйди же скорѣй въ безмятежную тишь —
Отдохнуть отъ потерь.

* * *

Хоть на мигъ, хоть на зло безпощадной судьбѣ,
Обмани свое сердце больное мечтой,
Что страдалъ здѣсь другой, кто-то чуждый тебѣ,
Закаленный борьбой;

Что разсѣется тьма — и увидимъ мы въявь
Наши свѣтлые сны... Тамъ, въ родимомъ краю,
Отдохни, милый другъ мой! Меня же оставь
Выпить чашу мою!

19 апрѣля.

* * *

Въ дни радости свѣтлой, какъ ландышъ стыдливый,
Отъ взоровъ людскихъ, и согрѣтыхъ участьемъ,
Любви твоей солнце таилось пугливо
И мнѣ лишь свѣтило привѣтомъ и счастьемъ;
Но, другъ мой! въ тѣ чудные, ясные дни
Тебя истерзали сомнѣнья мои...

Теперь же, когда въ безотрадной разлукѣ
Такъ мало отъ жизни мечты мои просятъ,
И только чужія холодныя руки
Твою мнѣ далекую ласку приносятъ;
Теперь, когда нашей завѣтной святыни
Съ глумленьемъ коснулась и самая злоба,
И гнѣвъ нашъ безсиленъ, и въ сумракъ пустыни
Изъ свѣтлаго рая мы изгнаны оба,—
О, если бъ ты знала, какъ ночью и днемъ
Грущу я и плачу о счастьи быломъ!

Орлица.

Орлица дѣтище свое
Въ разсѣлинѣ скалы укрыла.
Окрѣпъ птенецъ—и, быстрокрылый,
Умчался, позабывъ ее.
Ей не догнать его! Въ движеньи
Мятежныхъ браней и удачъ
Ему-ль доступно сожалѣнье?

— Не плачь, о мать моя! Не плачь!
Настанутъ дни: худой и блѣдный,
Во прахъ низвергнется боецъ,
И съ головы его побѣдной
Сорвется праздничный вѣнецъ.
Тогда-то, въ дни ночей темнѣе,
Забытъ, осмѣянъ, заклейменъ,
Средь милыхъ тѣней и именъ
Всего теплѣй, всего нѣжнѣе
Тогда тебя я вспомяну,
Тебя, кто жизнь мнѣ далъ въ мученьяхъ,
И въ лебединыхъ пѣснопѣньяхъ
Свою безпечность прокляну!..

Въ черный день.

Въ день черный юности кичливой
Мнѣ дѣтства дней лазурныхъ жаль!

Не голосъ матери пугливой
Мою баюкаетъ печаль.
Она растетъ, темна, какъ море
Подъ налетѣвшею грозой,
И часто въ непосильномъ спорѣ
Я никну буйной головой.
Лежу, какъ трупъ—нѣмой, безсильный...
И сонъ очей не освѣжитъ—
Какой-то демонъ замогильный
Меня, убитаго, казнитъ:
Глазамъ закрытымъ раскрываетъ
Страницы, полныя стыда,
Съ усмѣшкой злобной обнажаетъ
За годомъ годы безъ слѣда.
Я—какъ преступникъ безотвѣтный,
Онъ—какъ бичующій пророкъ...
Но есть одинъ въ душѣ завѣтный,
Святой и чистый уголокъ!
И часто въ мигъ, когда облитый
Нездѣшнимъ холодомъ и тьмой,
Съ душой приниженной, убитой,

Стоишь надъ бездной роковой,
И нѣтъ о жизни сожалѣнья,
И слезъ въ очахъ недостаетъ,—
Вдругъ благодатный лучъ спасенья
Изъ мрака дальнихъ лѣтъ блеснетъ...
И снова я—дитя!.. Безбрежна
Кругомъ полей родимыхъ даль,
И голосъ матери такъ нѣжно
Мою баюкаетъ печаль.

Голосъ.

Въ тѣ дни восторженности юной,
Когда, бывало, озаренъ
Сіяньемъ кроткимъ ночи лунной,
Отъ глазъ усталыхъ гонишь сонъ
И шепчешь пламенныя клятвы,
Въ слезахъ глотая звуки словъ:
«Во всѣ часы великой жатвы
Стоять въ рядахъ ея жнецовъ!» —
Тогда одинъ ужасный голосъ
Меня, я помню, волновалъ.
На головѣ вздымая волосъ,
Онъ холодъ въ душу проливалъ;
Онъ смѣхомъ горькимъ, противъ воли,
Не разъ живые стоны боли
Срывалъ съ моихъ сердечныхъ струнъ.

Онъ говорилъ: «Дружокъ, ты юнъ!
Когда-бъ тебѣ я, пылъ твой мѣря,
Тебя-жъ въ грядущемъ показалъ,
Ты горько-бъ, горько зарыдалъ,
Иль отвернулся, мнѣ не вѣря.
Но вѣрь: какъ въ уголъ бросилъ ты
Когда-то дѣтскую лошадку,

Такъ кинешь и свои мечты!
И, жизни разгадавъ загадку,
Протянешь руку тѣмъ врагамъ,
Которыхъ звалъ на бой жестокій,
И свѣтъ увидишь даже тамъ,
Гдѣ видѣлъ мракъ одинъ глубокій...

— Ты лгалъ, о голосъ злой; ты лгалъ!

. . . . . .

Что я скажу?..

(Памяти Н. А. Кар—вой).

Лежу, какъ трупъ безжизненный!
Все, будто, вижу взглядъ
Глубокій, укоризненный...
Онѣ уже молчатъ,
Уста оледенѣлыя,
Что̀ расцвѣли въ глуши
И, молодыя, смѣлыя,
Смѣялись отъ души!
Былое вновь не сбудется...
Но въ тихій часъ ночной
Все кто-то плачетъ, чудится,
И шепчетъ надо мной:

«Не ты-ль мнѣ кистью пламенной
Даль жизни рисовалъ
И въ городъ душный каменный
Отъ нивъ родимыхъ звалъ?
Чудовище—онъ голодомъ
Привѣтствовалъ меня,

Туманами и холодомъ,
А не сіяньемъ дня...
Уснули грёзы чудныя!
Въ могилѣ я лежу,
Нѣмая, непробудная...»

— А я... что̀ я скажу?

Забытый другъ.

Когда, ледяное молчанье храня,
Угрюмыя стѣны меня обступили,
Отъ жизни, и счастья и свѣтлаго дня,
Какъ трупъ, навсегда отдѣлили;

И трупомъ лежалъ я, и твердой руки
Подать не пришелъ сострадательный геній,
И умъ былъ исполненъ безумной тоски,
Холодныхъ и горькихъ сомнѣній,—

Однажды, я помню, въ полу̀ночный часъ
Услышалъ я голосъ желанный: «Воскресни!
Не все еще взято судьбою у насъ,
Не всѣ еще спѣли мы пѣсни.»

И поднялъ усталую голову я
На зовъ благодатный надежды и свѣта:
То Муза, то бѣдная Муза моя—
Она не забыла поэта!

Сквозь крѣпкія стѣны, затворы дверей,
Какъ голубь залетный, какъ вѣсть утѣшенья,
Впорхнула, чтобъ ласковой пѣсней своей
Смягчить его скорбь и мученья.

Она, чьей любви матерински-святой
Платилъ я скупымъ и холоднымъ вниманьемъ,
Кого лишь украдкой, измученъ борьбой,
Дарилъ торопливымъ лобзаньемъ,

Она, что̀ была такъ грустна и блѣдна,
Пугливо глядѣла рабою забитой,
Теперь, какъ царица, явилась она,
Прекрасна, какъ сонъ позабытый...

Друзьями старинными встрѣтились мы
Безъ горечи въ сердцѣ, съ тепломъ всепрощенья.
О, помню ту ночь я подъ пологомъ тьмы,
Блаженную ночь воскресенья!

И страхъ, и сомнѣнья прогнали мы прочь,
И, словно какъ дѣти, мы стали сердцами:
То громко смѣяться хотѣли всю ночь,
То горькими плакать слезами...

Я все ей повѣдалъ, я все ей открылъ —
Мою изболѣвшую ранами совѣсть,
И какъ я боролся, и какъ я любилъ,
И всю мою скорбную повѣсть.

Съ тѣхъ поръ я ужъ не былъ покинутъ и сиръ.
И часто мы громы съ небесъ призывали!
Но чаще любовь призывали и миръ,
И чаще врагамъ мы прощали...

— О, другъ мой! меня не могила страшитъ,
Не ужасъ забвенья, вражды съ клеветою,

Не край чужедальній, гдѣ вьюга шумитъ,
Но только разлука съ тобою!

Дочь свѣта, меня не покинь ты, молю,
И въ часъ, какъ смежить мнѣ потухшія вѣжды,
Пропой мнѣ послѣднюю пѣсню свою,
Прощальную пѣсню надежды!..

* * *

Другъ мой, добрый мой другъ! Не проси у меня
Больше пѣсенъ: на нихъ, будто, клятва лежитъ!
Скучны будутъ ихъ звуки въ сіяніи дня,
А теперь, въ эту ночь, буря ихъ заглушитъ.
Ахъ! не въ ясное утро, румяной зарей,
Вышелъ съ музой моей я на жизненный путь:
Громъ сердитый гремѣлъ, и во тьмѣ гробовой
Было жутко глядѣть, было трудно вздохнуть!
Рано душу зажегъ безпокойный недугъ,
Рано въ бурный потокъ волны насъ увлекли,
И лишь раненыхъ стонъ да оружія стукъ
Вдохновлять насъ могли...

Но хотѣлось бы мнѣ, чтобы стихъ мой упалъ
Въ души чуткія, струны живыя задѣвъ;
И когда бы гнетущій кошмаръ миновалъ,
И надъ Русью побѣдный раздался напѣвъ,
И невзгоды бы всѣ этой мрачной грозы
Захотѣли грядущимъ вѣкамъ разсказать,—
Чтобы въ книгу печалей и нашей слезы
Не забыли вписать!..

Молитва.

Еванг. Матѳ. XXVI, 31;
Марка, XIII, 19—20.

Дни настали слезъ и гнѣва,
Скорби лютой, страха дни...
Звукъ веселаго напѣва
Смолкъ, погашены огни.
Въ эти дни, когда такъ много
Соблазнившихся о ней,
Правдѣ вѣчной, правдѣ Бога,—
Я одинъ въ тиши ночей
Съ кроткимъ сердцемъ, съ тихимъ плачемъ
Повергаюсь передъ Нимъ.

Къ тѣмъ мольбамъ моимъ горячимъ,
Къ тѣмъ мольбамъ моимъ святымъ,
Сильный гнѣвомъ, чуткій слухомъ,
Боже! слухъ твой преклони:
Чтобы, ради слабыхъ духомъ,
Сократились эти дни!

* * *

Вы говорите: «Не нужна
Намъ слава, не страшны потомки,
Укроютъ наши имена
Забвенья мирные потёмки».

Забвенья ждете вы? — О, нѣтъ!
Вамъ мало было бы забвенья...
Оставите вы прочный слѣдъ,
Вѣкамъ далекимъ въ поученье!
Когда изъ душной тьмы ночной,
Ликуя, красный день проглянетъ,
Отъ васъ, быть можетъ, внукъ родной
Съ тоской и ужасомъ отпрянетъ.
И въ книгѣ памяти святой
О нашихъ жертвахъ и печаляхъ
Вы мрачной ляжете чертой
На окровавленныхъ скрижаляхъ.
И ужъ сѣдая старина
Обвѣетъ насъ давно молчаньемъ,
А ваши будутъ имена
Все повторяться съ содроганьемъ!..

Сила жизни.

Въ темномъ морѣ, въ часъ ночной,
Бурный, непогодный,
Шумной брошенъ я волной
На утесъ безплодный.

Пронеслась гроза... Стоитъ
Тишь на океанѣ,
И родимый край блеститъ
Въ голубомъ туманѣ.

Тамъ опять, шумна, пестра,
Жизнь ключемъ забила,
Объ утраченномъ вчера
Вспоминать забыла!

Гдѣ живая кровь текла,
И струились слезы,—
Молодая жизнь взошла,
Распустились розы.

Безмятежнѣй глубь небесъ,
День яснѣй лазурный,
И пышнѣй зеленый лѣсъ
Послѣ ночи бурной.

Освѣженныя поля,
Какъ на-пиръ, рядятся...
И ужъ милая моя
Стала улыбаться!

Ты усни, любовь-вражда,
И замри, угроза:
Ни оттуда, ни туда
Нѣту перевоза!..

* * *

Не поминай, что ты меня сгубила,
Не поминай, что я сгубилъ тебя,
И все, что насъ, какъ злой кошмаръ, томило,
Забудь навѣкъ, забудь любя!

Но въ вихрѣ бурь и новыхъ треволненій,
Для слезъ иныхъ, для радости иной
Ты не забудь блаженныхъ сновидѣній,
Такъ рано прерванныхъ судьбой!

Не все въ нихъ сномъ—о, нѣтъ! не все вѣдь было?
Ихъ слѣдъ живой—не праздный сердца стонъ,
Не сладкій бредъ, что ты меня любила,
И ты сама—не лживый сонъ?

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Кровавыми слезами
Платили мы за каждый счастья часъ...
Что-жъ гнѣвъ людской? Не въ силахъ боги сами
Отнять прошедшее у насъ!..

* * *

Все, все простить бы вамъ
Безъ злобы я готовъ!—
Что осквернили храмъ
Моихъ вы думъ и сновъ,
Ворвались въ часъ ночной
Въ святой тайникъ его,
Нечистою рукой
Касаясь до всего.
Онъ грозенъ, правды Богъ:
Я вамъ въ глаза въ тотъ часъ
Смотрѣть безстрастно могъ,
Не опуская глазъ!

Но не прощу я вамъ,—
Вамъ, палачи мои!—
Что вы ворвались въ храмъ
И тишь моей любви.
Свѣжѣе розъ весны
И ландыша скромнѣй,
Она была волны
Полуденной нѣжнѣй...

Купальская ночь.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

До утрà, въ томленьи страсти изнывая,
Не уснетъ сегодня мать-Земля сырая!

Душный воздухъ полонъ ароматовъ жаркихъ,
Вспыхнули зарницы чьихъ-то взоровъ яркихъ...
Чу! уста слилися въ поцѣлуѣ жгучемъ...
И по степи ровной, по лѣсамъ дремучимъ,
По дремавшимъ чутко камышамъ въ озерахъ,
Какъ отвѣтъ, промчался сладострастный шорохъ!
Пробилъ часъ блаженный: бурею признаній
Хлынули восторги пламенныхъ желаній!
И моленій стоны, и лобзаній звуки...

Мать-Земля тоскуетъ—близокъ день разлуки.
«Ахъ! въ моихъ объятьяхъ ты все больше стынешь,—
Скоро, скоро, милый, ты меня покинешь!
Я опять останусь сиротой печальной...
Вихрь сорветъ осенній мой уборъ вѣнчальный
И одѣнетъ, буйный, пеленою бѣлой
Трупъ мой бездыханный и оледенѣлый...»
Такъ, горюя, плачетъ мать-Земля сырая.

Но, любя безъ мѣры и за все прощая,
Милому сегодня пиръ она великій,
Пиръ любви готовитъ, праздникъ нѣги дикой!..
Великій и чудны этой ночи тайны:
Надъ землей струится свѣтъ необычайный;
Божьи очи-звѣзды кругомъ тѣснымъ стали
И любовно смотрятъ изъ лазурной дали...
Каждый цвѣтикъ малый въ изобильи щедромъ
Льетъ благоуханье; къ сокровеннымъ нѣдрамъ
Кладовъ заповѣдныхъ старины глубокой
Путь открылся вольный и для всѣхъ широкій...
Видимо для глаза и для уха слышно,
Выростаютъ травы; расцвѣтаетъ пышно
Папоротникъ вѣщій и съ разрывъ-травою
Шепчется, кивая яркой головою...

—Сынъ земли любимый!
Ко груди родимой
Въ эту ночь любви и нѣгъ
Ты, о гордый человѣкъ,
Припади съ мольбою,
Съ чуткою душою,
И тебѣ все можетъ дать
Торжествующая мать!

Тихъ курганъ высокій! Спитъ... Иль, можетъ, думу
Тайную лелѣетъ? Къ праздничному шуму
Глухъ и безучастенъ. Надъ его косматой
Шапкою зеленой чередой крылатой
Пролетѣли годы и вѣка промчались,—
И, бывало, такъ ли здѣсь пиры справлялись?
Тутъ не разъ былъ справленъ сабель пиръ кровавый,

Пиръ отваги буйной и казацкой славы!
Тутъ не разъ до-пьяна упивались гости—
Спать навѣки клали удалыя кости!
А той брагой щедрой, брагой хмѣльной, жаркой
Степь еще алѣла,—подъ луною яркой
Ужъ кружилась пляска въ сладострастьи дикомъ
Съ топаньемъ безумнымъ и съ разгульнымъ гикомъ!.

Стихло все, уснуло,
Замерло вокругъ;
Ворогъ не воспрянетъ
И не встанетъ другъ!

Журавли.

(Фантазія.)

Въ осенній грустный день, подернутый туманомъ,
Надъ Вѣчнымъ Городомъ, державнымъ великаномъ,
Тонувшимъ въ зелени причудливой садовъ,—
Надъ лентой пестрою блистающихъ дворцовъ,
Гдѣ по́томъ былъ людскимъ омоченъ камень каждый,
Надъ грязью нищеты приниженной,—однажды
Станица журавлей на дальній югъ неслась.

Въ завѣтный, чудный край съ рѣшимостью стремясь,
Они, спокойные, необозримой цѣпью
Красиво выстроясь, съ вождями впереди,
Медлительно плыли раздольной, вольной степью...
Въ завѣтный, чудный край! Отважны ихъ вожди,
Безтрепетны сердца, могучи, быстры крылья!

Но трудный ждетъ ихъ путь, великія усилья
И жертвы безъ конца... Жестокою рукой

Ихъ будетъ человѣкъ губить безъ сожалѣнья,
Разсѣетъ ураганъ не разъ во тьмѣ ночной,
И много смѣльчаковъ, въ часы изнеможенья,
Поглотитъ океанъ въ пучинѣ роковой!
И, точно клятвою предъ небомъ и землей—
Со славой пасть, не измѣнивъ рѣшенья,
Вдругъ крикомъ радостнымъ отвѣтилъ брату братъ.
И этотъ гордый кличъ свободы непродажной,
Могучій зовъ борьбы великой и отважной
Надъ оргіей людской раздался, какъ набатъ!

Проникъ онъ, словно царь не вѣдая запрета,
И въ нищенскій подвалъ, и въ душный казематъ,
Къ фабричному станку, кровати лазарета
И въ залъ сверкающій апостольскихъ палатъ.
Смущенъ веселый пиръ... Замолкли мандолины...
Блѣднѣетъ рой гостей: то—буйной черни крикъ!..
И подлѣ колеса безжалостной машины
Звукъ тотъ же услыхалъ измученный старикъ.
Онъ поднялъ голову, усталый и сердитый,
Но мигъ—и просвѣтлѣлъ, любуется въ окно...
И что-то вспыхнуло въ груди его разбитой,
Давно забытое, умершее давно!

Одинъ, въ глухой тюрьмѣ и на соломѣ голой
Въ то время узникъ угасалъ.
Изъ дикой прихоти людского произвола,
Онъ дружеской руки съ отрадой не сжималъ.
И, чу! онъ слышитъ кличъ, куда-то кличъ призывный...
И ледъ отчаянья растаялъ, точно воскъ:
Онъ весь затрепеталъ; какой-то мыслью дивной
Вдругъ загорѣлся вновь похолодѣвшій мозгъ!..

И смерть уже крыломъ чела его касалась,
А скованный языкъ: «Впередъ, друзья!» шепталъ,
И полумертвою рукой, еще казалось,
Кого-то онъ благословлялъ.

Веселый лучъ.

Веселому лучу денницы золотой
Однажды удалось въ окнѣ тюрьмы глухой
Минутнымъ гостемъ появиться.
И узнику ея шепнулъ онъ съ вышины,
Что всюду по землѣ промчался богъ весны,
Что все должно перемѣниться.

«Ужъ цѣпи я сорвалъ съ гремучаго ручья,
Ужъ пухомъ зелени луга украсилъ я;
Уже проснулся и глядится
Въ лазури вешнихъ водъ еще прозрачный лѣсъ,
И жаворонка пѣснь звенитъ среди небесъ,
И все должно перемѣниться!»

И, чу! вотъ подъ окномъ, безпеченъ и шумливъ,
Промчался птичекъ рой, крича наперерывъ
О томъ, какъ весело рѣзвиться,
О теплом солнышкѣ, о травкахъ полевыхъ...
Всѣ пѣли радостно, что въ вольномъ царствѣ ихъ
Все, все должно перемѣниться!

И вдругъ, навстрѣчу имъ, и тамъ, въ душѣ больной,
Давно замученной, какъ трупъ давно нѣмой,
Въ своихъ цѣпяхъ уставшей биться,
Пѣвецъ таинственный—откуда, кто, Богъ вѣсть—
Пропѣлъ желанную пророческую вѣсть:
«Все, все должно перемѣниться!»

*
* *

Ярко небо странъ далекихъ,
Но затмить оно не въ силахъ
Красоту небесъ родимыхъ,
Полинялыхъ и унылыхъ!

И отдастъ больное сердце
Всѣ созвучья въ поднебесной
За шуршаніе осóки
Въ рѣчкѣ мшистой и безвѣстной!

Красотой, довольствомъ, счастьемъ
Сторона цвѣтетъ чужая,
Но милѣй въ своихъ лохмотьяхъ
И слезахъ страна родная!

Сократъ.

Въ кругу друзей, учениковъ
Сидѣлъ Сократъ приговоренный
И кубокъ смерти беззаконной
Спокойно выпить былъ готовъ.
Тогда, не вытерпѣвъ, рыдая,
Предъ нимъ склонился Критіасъ...
Колѣни старца обнимая,
Онъ говорилъ:—«Живи для насъ!
Еще не поздно... кони близко...
Бѣжимъ! я стражу подкупилъ.»
Но сынъ великій Софрониска
Ему съ упрекомъ возразилъ:
«Иль я не воинъ, мечъ носившій
И побѣдившій въ оны дни?
На снѣгъ, мой волосъ убѣлившій,
На сѣть морщинъ моихъ взгляни.
«Когда бы, жалости послушный,
Врагу теперь я уступилъ,
Скажи—не всякій ли-бъ рѣшилъ:
Онъ былъ обманщикъ малодушный!
«Такъ вотъ любили вы кого,
Закономъ вамъ чье было мнѣнье!
Такъ вотъ хваленый умъ его
И къ смерти гордое презрѣнье!..

«Когда-жъ не дрогну сердцемъ я,—
Знай: честный пылъ моихъ ученій,
Моя вражда, любовь моя
Достигнутъ дальнихъ поколѣній.
Глупецъ! и это-ль я отдамъ
За лишнихъ двѣ иль три минуты?..»

Сказалъ—и страшный ядъ цикуты
Поднесъ къ безтрепетнымъ устамъ.

Наканунѣ.

Подъ вой волковъ лѣсной пустыни
Стонала снѣжная мятель
Въ ту ночь, когда рука рабыни
Мою качала колыбель.
Еще не пробилъ часъ завѣтный:
Ночь, только ночь—и свѣтъ блеснетъ
Во тьмѣ юдоли неразсвѣтной,
И нѣтъ обиды безотвѣтной,
И нѣтъ рабовъ, и нѣтъ господъ!
Но наканунѣ избавленья
Свирѣпый бичъ еще хлесталъ,
И не напѣвъ благословленья
Мой слухъ младенческій ласкалъ.
Отцовскій грѣхъ, въ правдивой злобѣ,
Народъ на сына перенесъ:
«Тебя, зачатаго въ утробѣ
Изъ нашихъ мукъ, изъ нашихъ слезъ,
Пусть мѣсяцъ съ солнышкомъ не грѣютъ,
Ни мать-земля не бережетъ,
Пусть вихри буйные обвѣютъ,
Пусть воронъ черный заклюетъ!»

Ужъ рабство гнусное истлѣло,
Но клятва та крѣпка была:

Увы! ни солнце не пригрѣло,
Ни мать-земля не сберегла...
И все мнѣ снится: глушь пустыни...
Бушуетъ снѣжная мятель...
А въ часъ ночной рука рабыни
Мою качаетъ колыбель!

19 февр. 1886.

* * *

Страдай одинъ!.. Въ себѣ носи
Свои правдивыя мученья
И, точно нищій, не проси
У встрѣчныхъ взора сожалѣнья.
Слѣды унынья глубже спрячь
И въ день тоски, закрывши двери,
Въ тиши ночной одинъ оплачь
Свои обиды и потери!

Страдай одинъ!.. Въ твоей груди—
Не у людей твое спасенье:
Въ ея сокровищахъ найди
И свѣтъ, и гордое терпѣнье.
А если часъ ударилъ твой
И всѣ надежды пережиты,—
Ну, что-же? Сгибни, какъ герой,
Разбей свой кубокъ недопитый!

Другу юности.

Съ тѣхъ поръ, какъ помнимъ жизнь, товарищъ, не
носили
Мы праздничныхъ вѣнковъ на молодыхъ кудряхъ!
Не съ крикомъ торжества, не съ чашами въ рукахъ
На шумный пиръ мы жизни выходили.
И тамъ, гдѣ на цвѣтахъ безпечная толпа
Плясала бѣшено, одной не смяли розы...
Чрезъ иглы терніевъ, всю неприглядность прозы,
Сквозь бурный вихрь и мракъ иная шла тропа:
Друзья возвышенныхъ и чистыхъ наслажденій,
Корыстныхъ помысловъ и радостей враги,
Направили по ней мы пылкіе шаги...
И тамъ простились мы. —
Меня враждебный геній
Повлекъ стремительно! Изранилъ, истерзалъ
О камни острые, о выступы дороги...
Духъ изнемогъ и подкосились ноги—
И къ ложу жесткому я головой припалъ!
Но въ мукахъ ярости, въ часы недужной грёзы,
Но въ ночь отчаянья и въ просвѣтлѣнья мигъ
Не сожалѣнія изъ сердца рвется крикъ
О шумныхъ пиршествахъ, гдѣ пѣсни, свѣтъ и розы.
Нѣтъ, крикъ иной: «Гдѣ ты, о милый братъ,
Гдѣ ты, другъ юности, ея святыхъ видѣній,

Товарищъ первыхъ клятвъ и первыхъ пораженій?
Ужели,—о, ужель и ты ушелъ назадъ?
О нѣтъ, вѣдь нѣтъ? Онѣ другихъ вѣнчали,
Тѣ розы пышныя,—ты взялъ, какъ я, шипы,
Блаженство сновъ, невнятныхъ для толпы,
Высокихъ думъ и ихъ святой печали?»

Сестрѣ.

Въ дни, когда была ночь молчаливая
Въ истомившемся сердцѣ моемъ,
Когда юность безумно-строптивая
Опаленнымъ поникла крыломъ;
Когда вѣра въ друзей надломилася,
И темна была даль и страшна,
Когда муза моя отступилася,—
Ты одна мнѣ осталась вѣрна!
Ты была моей музой-подругою,
Ты щитомъ мнѣ и свѣтомъ была;
Каждый стихъ мой подъ жизненной вьюгою,
Какъ родное дитя, берегла...

Я же могъ лишь обиды жестокія,
Все, чѣмъ мучилъ тебя, вспоминать
И въ безсонныя ночи глубокія
Головой со стыдомъ поникать!

Изъ Чезаре Никколини.

(Итальянскія тюремныя мелодіи 1830 — 1840 г. г.).

I.

ГОЛУБИ.

Тюрьма, какъ нѣкій храмъ, я помню, въ дѣтства годы
Плѣняла юный умъ суровой красотой.
Увы! не царь-орелъ, не воронъ, сынъ свободы,
Къ окошку моему теперь летятъ порой,
Но стая голубей, смиренниковъ голодныхъ,
Воркуя жалобно, своей подачки ждетъ,—
Народъ, не знающій преданій благородныхъ,
Въ позорномъ нищенствѣ погрязнувшій народъ!
Эмблема кротости, любимый житель неба,
О, голубь, бѣдный рабъ, тебя-ль не презирать?
Для тощаго зерна, для жалкой крошки хлѣба
Ты не колеблешься свободой рисковать.
Нѣтъ! въ душу узника ты лишь подбавишь мрака,
Проклятье лишнее въ ней шевельнешь на днѣ...
— Воришка, трусъ и жадный забіяка,
Какъ жалокъ ты, и какъ смѣшонъ ты мнѣ!

II.

Обрядъ окончился позорный...
Вотъ, глухо загремѣла дверь
И распахнулась пастью черной...
И я одинъ, одинъ теперь!
И дни пройдутъ, быть можетъ, годы...

— О, здравствуй, гробъ и вмѣстѣ храмъ
И колыбель родной свободы,
Живой укоръ ея врагамъ!
Молчанье тайны, тишь могилы...
Съ тройной рѣшеткою окно
Кидаетъ полусвѣтъ унылый...
Но нѣтъ! не все погребено!
О, сколькихъ блѣдныхъ, скорбныхъ тѣней
Я тихій шелестъ узнаю,—
Борцовъ минувшихъ поколѣній,
Здѣсь чашу выпившихъ свою!
Чу! словно стонъ, иль крикъ угрозы
Еще не смолкъ и по-сейчасъ...
Сырыя стѣны, будто, слезы
Роняютъ изъ закрытыхъ глазъ.

III.

СНЫ УЗНИКА.

I.

Все золотые сны о волѣ...
Но сколько муки, сколько боли
Въ тѣхъ сновидѣньяхъ золотыхъ!

Вотъ, шорохъ дальняго движенья:
Не съ неба-ль ангелъ утѣшенья?
Не другъ ли, вѣстникъ избавленья?
Увы! то смѣна часовыхъ.
И, какъ въ гробу, все тихо снова...

Но, чу! шаги... звучнѣй, звучнѣй...
Запоры прочные дверей
Гремятъ... И выразитъ ли слово
Неудержимый сердца крикъ?
— О, радость! О, блаженства мигъ!—
Она... Какъ мученика слава,
Вошла—прекрасна, величава...

Но что съ тобою? Ты блѣдна,
Ты молчалива, ты грустна?
Съ какой безстрастностью нѣмою
Твоя рука лежитъ въ моей,
Какъ страненъ блескъ твоихъ очей...
О, другъ мой, другъ мой! что съ тобою?
. . . . . .

2.

Мнѣ снилось—ты навѣкъ уснула,
Но друга не забыла ты
И въ часъ ночной къ нему впорхнула,
Безшумнѣй тѣни иль мечты.
Не загремѣлъ затворъ тяжелый,
Не распахнулась дверь тюрьмы,
Но, какъ въ былые дни веселый,
Мнѣ голосъ прозвучалъ изъ тьмы:
«Я порвала земныя цѣпи!
Передо мной весь Божій міръ—
Небесъ лазоревыя степи,
Свобода вѣчная и миръ.
— Иди за мной!..»

IV.

ПѢСНЯ.

Не уснуть!..
Пышетъ грудь,
Словно пламенная,
И растутъ,
И гнетутъ
Стѣны каменныя.

Вотъ, волной
Грозовой

Подступающая,
Рвется вонъ,
Будто стонъ,
Пѣснь рыдающая!

О, зачѣмъ?
Гробъ твой нѣмъ.
Пѣснь отравленную
Схорони,
Не кляни
Жизнь раздавленную!

Ни за что,
Ни про что
Жизнь загубленную:
Не за кровь—
За любовь
Не подкупленную!

Нѣтъ! не спитъ,
Все болитъ
Грудь пылающая;
И поетъ,
И растетъ
Пѣснь рыдающая...

1887.

* * *

Оттого моя арфа безмолвна виситъ,
Что плита гробовая на сердцѣ лежитъ,
Что израненъ я весь,—и безсиленъ мой гнѣвъ,
И звучалъ бы, какъ плачъ похоронъ, мой напѣвъ!

Но придетъ онъ, я жду, вдохновенный пророкъ:
На челѣ его будетъ терновый вѣнокъ,
На рукахъ и ногахъ неповинная кровь,
А на вѣщихъ устахъ пѣснь про жизнь и любовь!

Передъ отъѣздомъ.

Не плачь, сестра моя, что нѣтъ
Надеждъ для твоего поэта,
Что неба вольнаго и свѣта
Ему не видѣть столько лѣтъ!
Самой судьбой для русской Музы
Даны скитанья, скорби, узы,
И безъ терноваго вѣнца
Что̀ слава русскаго пѣвца?..

Но, какъ изъ двухъ дубовъ могучихъ
Тотъ въ буряхъ крѣпокъ, какъ утесъ,
Который не въ лѣсахъ дремучихъ,
А въ полѣ, подъ грозою, росъ;
Какъ въ царствѣ тлѣнья, на кладбищѣ,
Пышнѣе розъ душистыхъ кустъ,
Такъ пѣснь полнѣй, свѣтлѣй и чище
Выходитъ изъ страдавшихъ устъ.

* * *

Прощай, мой другъ! Я бодръ—воскресни!
Но душу ты мою,
Мой каждый стихъ, звукъ каждой пѣсни
О, сбереги, молю.

День вспыхнетъ надъ ночнымъ туманомъ—
И, на позоръ врагамъ,
Я нашимъ мукамъ, нашимъ ранамъ
Изъ нихъ воздвигну храмъ!

Портретъ.

Странная дѣвушка... Вѣчно веселая,
Какъ ты свой вѣкъ прожила?
Голосъ серебряный, косы тяжелыя,
Смертная блѣдность чела...
Изъ-подъ бровей, округленныхъ рѣшительно,
Звѣзды сіяютъ очей;
Смѣхъ неустанный звучитъ заразительно,
Какъ у безпечныхъ дѣтей.
Что означаетъ онъ? Какъ эту ясную
Душу въ себѣ ты спасла?
Мимо-ль тебя съ непогодой ужасною
Темная туча прошла?
Часто казалось мнѣ—думой унылою
Вдругъ омрачалось чело:
Мигъ—и улыбкою дѣтскою милою
Снова, глядишь, расцвѣло!
Снова порхаешь ты птичкой болтливою
Между печальныхъ подругъ
И оживляешь бесѣдой шутливою
Ихъ затуманенный кругъ...

А, между тѣмъ, въ мою душу сомнѣніе
Черной змѣею ползетъ:

Слава о тяжкомъ крестѣ и терпѣніи
Вслѣдъ за тобою идетъ.
Вонъ, позади тебя, тёрномъ повитая,
Молодость грустно стоитъ,
Сны золотые, до срока убитые
Злобой неправдъ и обидъ.
А впереди—о, какая глубокая
Тьма неразсвѣтныхъ ночей!
Жизнь догоритъ, какъ свѣча одинокая,
Жизнь далеко отъ друзей!

Что же смѣешься ты, плача достойная?
Чаша еще-ль не полна?
Тише!.. Веселость твоя безпокойная
Мнѣ, какъ рыданье, страшна!

Разставаніе.

Никогда я не забуду,
Какъ навѣки мы прощались!

Кони борзые, продрогнувъ,
У воротъ меня заждались.
Въ часъ бѣды неотвратимой
Я былъ веселъ и отваженъ;
Взоръ твой грустный, безнадежный
Чудно-нѣженъ былъ и влаженъ.
Ахъ! впервые видѣлъ слезы
У тебя я на рѣсницѣ
И въ душѣ благоговѣйно
Схоронилъ ихъ, какъ въ гробницѣ.
. . . . . .
Величаво разстилалась
Неба звѣзднаго картина;
Въ даль безвѣстную тянулась
Снѣгомъ крытая равнина.
Руки милыя сжимая,
Содрогаясь и блѣднѣя,
Говорилъ съ улыбкой ясной
Рѣчи бодрыя тебѣ я.
А отъ муки у обоихъ
Грудь на части разрывалась,

И въ послѣднемъ поцѣлуѣ
Вся любовь твоя сказалась!

Мигъ—и бѣшенная тройка
Понеслась неудержимо...
Я еще разъ что-то крикнулъ —
Ты стояла, недвижима.

Поѣздка кругомъ Байкала.

Зеленѣлъ Байкалъ сердитый,
Клокоталъ гремучій валъ;
По бокамъ висѣли грозно
Цѣпи горъ и кручи скалъ.

Утопая въ вихряхъ снѣжныхъ,
Тройка мчалась день и ночь...
Вдаль отъ родины желанной
И отъ счастья съ милой прочь!

Пурга злилась, бушевала,
И рыдала, и кляла,—
Заметая слѣдъ дорожный,
Все назадъ меня звала!

Чѣмъ темнѣй и безотраднѣй
На душѣ росла печаль,
Тѣмъ яснѣе и привѣтнѣй
Прошлыхъ дней свѣтлѣла даль.

И свѣтлѣла, и смѣялась
И вернуть сулила вновь
Неудавшуюся юность
И убитую любовь...

Но, съ стихіей буйной споря,
Тройка мчала день и ночь
Вдаль отъ молодости свѣтлой
И отъ счастья съ милой прочь.

Грохоталъ Байкалъ сердито,
Зеленѣлъ кипучій валъ...
Впереди громадой темной
Возвышались груды скалъ!

Декабрь.

1889.

* * *

Когда съ душой, страданьемъ охлажденной,
И съ убѣленной скорбью головой
Глядитъ старикъ, какъ зритель утомленный,
На трепетъ жизни молодой
И, видя ночь на небесахъ отчизны,
Не вѣритъ въ свѣтъ и правды торжество,—
Нѣтъ у меня ни рѣчи укоризны,
Ни утѣшенiй для него!

Но если съ грустью никнетъ головою
Живая юность, лишь расцвѣсть успѣвъ,—
Смѣхъ, горькiй смѣхъ во мнѣ звучитъ порою,
Кипя, встаетъ правдивый гнѣвъ.
— О вы, пѣвцы, уставшiе до срока
Пѣть о слезахъ родимой стороны,
И вы, бойцы безъ страха и упрека,
Свой мечъ вложившiе въ ножны!
Скажите: гдѣ, съ какимъ врагомъ вы бились,
Стремясь впередъ сквозь вьюгу и туманъ?

Какихъ побѣдъ трофеями покрылись,
Гдѣ кровь и язвы вашихъ ранъ?
Смиряли-ль вы со злобой безпощадной
Кипѣнье силъ и крови молодой
И ваше *я*, божка съ утробой жадной,
Убили-ль собственной рукой?
Когда безъ словъ, въ ужасный часъ разлуки,
Старуха-мать приникла къ вамъ въ слезахъ,
Вы, отстранивъ обвившія васъ руки,
Ушли-ль съ безуміемъ въ очахъ?
А сонъ любви,—тотъ свѣтлый и стыдливый
Блаженства сонъ,—вамъ лишь на мигъ свѣтилъ?
И поцѣлуй вашъ первый торопливый,
Увы, послѣднимъ ли онъ былъ?
На вольный крестъ, во имя идеала,
Въ глухомъ краю, среди чужихъ снѣговъ,
Вы шли, друзья, поникнувши устало?..

. . . . . .

И гнетъ иной—креста еще страшнѣе—
Всю вашу жизнь несли-ль вы на себѣ,—
Сознанья стыдъ, что лучше и полнѣе
Могли отдаться вы борьбѣ?

* * *

Смолкъ честный голосъ убѣжденья,
Забылась Муза мрачнымъ сномъ;
Позоръ и мерзость запустѣнья
На мѣстѣ нѣкогда святомъ!

Все, все, что свѣтлаго кипѣло
У пылкой юности въ крови,
Исканье правды, жажда дѣла,
Порывы чистые любви,
Живыя слезы о народѣ,
Стремленій лучшихъ гордый пылъ,
Мечты о братствѣ, о свободѣ—
Все ледъ иронiи покрылъ!
Бойцамъ за правду—укоризны,
Хвалы предателямъ звучатъ;
Уноситъ смерть врага отчизны—
Цвѣты на гробъ ему летятъ!
Разгулъ и пляска карнавала...
Затерты славныя стези,
Потушенъ факелъ идеала,
И знамя свѣтлое въ грязи!..

* * *

На зарѣ нашихъ дней, ясныхъ солнечныхъ дней
Люди насъ разлучили,—
И гранитами горъ, и снѣгами степей,
Какъ глухою стѣной, раздѣлили!

Нашей свѣтлой любви каждый нѣжный побѣгъ
Умертвили съ насмѣшкой холодной
И сказали: «Забудьте другъ друга навѣкъ,
Увядайте въ пустынѣ безплодной!»

. . . . . .

Быть въ могилѣ живымъ, полнымъ силъ молодыхъ,
И въ мечту о свиданьи не вѣрить...
О, способны ли вы этихъ словъ роковыхъ
Все значенье, весь ужасъ измѣрить?
Ни коварству, ни злобѣ бездушныхъ звѣрей
Не придумать свирѣпѣе мученья...
Пробудитесь же, братья, заплачьте скорѣй—
Еще слово возможно прощенья!

Нѣтъ, вы слѣпы, вы глухи...

* * *

Часа свиданья дождавшись, въ ночной нелюдимой тиши,
Съ трепетомъ въ сердцѣ вхожу я въ тайникъ заповѣдный души.
Долго и жадно гляжу, какъ безумный, на этотъ бездушный,
Блѣдный рисунокъ, и мнится мнѣ,—тѣнью воздушной,
Словно съ туманной вершины, ты сходишь, живая, ко мнѣ.
Годы скитаній, горя, страданій въ дальней чужой сторонѣ
Той красотой на тебѣ просіяли духовной,
Что̀ и въ сердцахъ загрубѣлыхъ, покорныхъ мірской суетѣ,
Пошлую жалость мертвитъ о погибшей земной красотѣ...
Какъ онъ незлобенъ и тихъ, этотъ обликъ худой и безкровный!
Что за святая печаль въ этихъ кротко-лучистыхъ очахъ,
Строгая дума въ очерченныхъ гордо устахъ!
Милая, добрая, чистая! Мнѣ-ль, кто на свѣтѣ бѣднѣе
Самаго бѣднаго нищаго,—сердцемъ великимъ твоимъ
Мнѣ ли по-царски владѣть? Я... и тобою любимъ!
О, поддержи же меня безконечной твоею любовью,

Будь мнѣ примѣромъ живымъ, воплощенною совѣстью будь!
Дай мнѣ отвагу и силу—съ душой, истекающей кровью,
Муки Тантàла терпѣть, горестный выдержать путь!

Взоръ твой лучистый глядитъ и струитъ теплоту и сіянье.
Грусти въ немъ нѣтъ уже; шепчутъ уста въ малодушьи упрекъ,
Благословляютъ на крестъ, на разлуку, страданье!
Горькія думы, какъ тѣни, бѣгутъ; страхъ и чуждъ, и далекъ.
Черная туча умчалась... На сердцѣ свѣтлѣе и тише...
Гордой отваги полна, грудь поднимается выше.
Чувствую душу я чище въ себѣ, безкорыстнѣй, добрѣй...
Мнѣ не страшны̀ ни года, ни угрозы людей!

1890.

Изъ глуши.

Ни дружеской руки, ни любящаго взгляда...
Чѣмъ вѣру поддержать, чѣмъ горе усладить?
У жалкихъ паріевъ не отнята отрада
Отчизны видѣть свѣтъ, родимый воздухъ пить!
Все отнято у насъ... Убиты до расцвѣта
Любви и счастья сны... Средь холода и тьмы,
Съ душою, полною тепла, добра и свѣта,
Не грѣя, не свѣтя, въ глуши угаснемъ мы.
Угаснемъ безъ слѣда, въ тоскѣ невыразимой,
Въ порывахъ ярости, безсильныхъ, какъ мечта...
. . . . . .

— Путь скорби и креста, а послѣ—мракъ забвенья?..
Не можетъ быть! Есть судъ правдивый въ небесахъ:
Когда и жизнь и смерть—одной лишь цѣпи звенья,
Когда въ вѣкахъ живетъ и нашъ бездушный прахъ,
Когда сухой листокъ не упадетъ безплодно,
И вѣтеръ не вздохнетъ, чтобъ не оставить слѣдъ,—
О, если такъ, друзья,—скорбямъ души свободной
Забвенья также нѣтъ, безслѣдной смерти нѣтъ!

Какъ грозный океанъ, волнуясь съ плескомъ мѣрнымъ,
Родъ человѣческій сквозь сумракъ золъ и бѣдъ
Путемъ медлительнымъ, но неуклонно-вѣрнымъ
Идетъ, за шагомъ шагъ, впередъ, гдѣ брежжетъ свѣтъ.
Тамъ вѣчный день встаетъ! Тамъ—ни вражды, ни муки,
Свободный, лучшій міръ... Еще рабы страстей,
Все-жъ лучше мы отцовъ, и такъ же наши внуки
Достойнѣй будутъ насъ названія людей.
Я знаю: на костяхъ погибшихъ поколѣній
Любви и счастія прекрасный цвѣтъ взойдетъ;
Кровь жаркая бойцовъ и слезы ихъ мученій
Лишь почву умягчатъ, чтобъ дать роскошный плодъ.
Изъ груды ихъ крестовъ создастся рядъ ступеней,
Ведущихъ родъ людской къ высокимъ небесамъ:
Свершится дивный сонъ—и свѣтлыхъ райскихъ сѣней
Достигнетъ человѣкъ и богомъ станетъ самъ!

О, какъ горитъ звѣзда невѣдомаго счастья,
Какъ даль грядущаго красна и широка!
Что̀ значатъ передъ ней—весь этотъ мракъ ненастья,
Всѣхъ этихъ мукъ и слезъ безумные вѣка?

* * *

Я также пѣть бы могъ
Заката пышный блескъ,
Луны сребристый рогъ,
Волны дремотной плескъ.
Я также бы нашелъ
И нужный складъ, и слогъ,
Ко мнѣ-бъ не хуже шелъ
Дешевый вашъ вѣнокъ!

Но взоръ прозрѣвшій мой
Въ испугѣ увидалъ—
Въ печали край родной,
Въ позорѣ идеалъ.
И рай надеждъ моихъ
Развѣянъ, какъ миражъ...
Вотъ отчего мой стихъ
Такъ непохожъ на вашъ!

* * *

Нѣтъ, еще мало страдалъ я во имя свободы и свѣта,
Я недостоинъ, о братья, святого названья поэта!

Истинно Божій пѣвецъ, одаренный любовью,
Скорбью рожденный людской и крещенный изгнаньемъ,
Каждую пѣснь покупаетъ страданьемъ,
Славу же—кровью!..

* * *

Если честно вы храните
Идеалы юныхъ лѣтъ,
Если весело стоите
Подъ грозой утратъ и бѣдъ;

Если каждый мигъ готовы
За свою отчизну-мать
И вѣнецъ принять терновый,
И всю сердца кровь отдать,—

Ни вражды, ни раздѣленій
Я межъ васъ не признаю,
Братскій даръ благословеній
Всѣмъ равно отъ сердца шлю.

Въ дни томленья на чужбинѣ,
Въ ночь бѣды въ краю родномъ
Будьте преданы святынѣ,
Ясны духомъ и челомъ!

Юность.

Не съ горделивой усмѣшкой презрѣнья
Съ юностью вашей прощайтесь, друзья,—
Съ этой прекрасной зарей бытія,
Съ этой блаженной порой опьяненья,
Траты слѣпой драгоцѣнныхъ даровъ,
Дерзкой борьбы и съ людьми, и съ богами,
Горькихъ ошибокъ, ребяческихъ сновъ,
Славныхъ побѣдъ и вѣнчанья цвѣтами!
Все, что̀ живого подъ солнцемъ цвѣтетъ,
Къ свѣту и радости взоръ устремляя,
Движется ею одною впередъ...
—Благословенна ты, юность святая!

Пусть мудрецы съ охлажденнымъ умомъ
Трезвому опыту васъ поучаютъ,
Небо миражемъ пустымъ называютъ,
Грёзы о крыльяхъ—несбыточнымъ сномъ.
Въ слѣдъ безпокойной Икаровой тѣни
Смѣло, о братья, отважно впередъ,
Выше, все выше! Не бойтесь паденій
Съ ясныхъ небесныхъ высотъ!

Слава побѣды лишь храбрымъ дается,
Срама не знаетъ погибшій въ борьбѣ...
— Юность, тебѣ наша пѣсня поется:
Вѣчная слава тебѣ!

Прощаніе.

Промчалась молодость—и нѣтъ отъ ней слѣда!
Однѣхъ ошибокъ рядъ, да позднихъ сожалѣній...
А какъ томилась грудь желаніемъ труда,
Какимъ избыткомъ силъ и свѣтлыхъ вдохновеній!
О, кто-жъ виновенъ въ томъ—ужели я одинъ?
Я честно жить хотѣлъ: на жертвенникъ священный
Любви къ родной странѣ, какъ сынъ и гражданинъ,
Я лучшіе дары сложилъ рукой смиренной—
Свободу, молодость и пѣсенъ чистый жаръ...
И если иногда, въ унынь малодушномъ,
Не какъ герой встрѣчалъ губительный ударъ,
Иль самолюбія бывалъ рабомъ послушнымъ,
То чаще жертвой былъ... Я ощупью впередъ,
Сквозь бурный вихрь и мракъ, шелъ къ цѣли благородной;
Себѣ я самъ былъ вождь, совѣтникъ и оплотъ,
Мнѣ совѣсть лишь была звѣздою путеводной.
. . . . . .

Историкъ будущій! Къ тебѣ взываю я:
Коль посреди именъ, отмѣченныхъ несчастьемъ,

Ты вспомнишь и мое,—о, пусть рука твоя
Мой образъ начертитъ съ холоднымъ безпристрастьемъ.
Не нужно лавровъ мнѣ, не нужно пышныхъ розъ—
Пусть ихъ возьмутъ бойцы, не знавшіе сомнѣнья:
Великихъ ради мукъ, обидъ и тайныхъ слезъ
Винамъ моимъ молю пощады и забвенья!

* * *

Да! въ мірѣ живыхъ намъ свиданія нѣтъ...
Любя, негодуя, скорбя, проклиная,
Стремлюсь я къ тебѣ, о моя дорогая,
Какъ узникъ на вольный и радостный свѣтъ!
Напрасны проклятья, напрасны моленья:
Отчаянья-ль голосъ, судьбы ли самой—
«Проститесь,—гремитъ, точно звонъ погребенья,—
Со всякой надеждой, со всякой мечтой!»

Но, другъ мой! страданье—стезя идеала:
Блаженъ, кто съ нея до конца не сойдетъ!
Судьба насъ невидимой цѣпью сковала,
Которой ничто никогда не порветъ.
И если года не обвѣютъ молчаньемъ
Хоть доли терзавшихъ намъ душу обидъ,
То рядомъ съ моимъ незабытымъ названьемъ
Стократной хвалою твое прозвучитъ!
Грядущихъ временъ обездоленнымъ братьямъ
Любовь наша будетъ примѣромъ сіять,
А память о нашихъ печаляхъ . . . . . .
. . . . . .

* * *

Давно предузналъ я твой жребій, голубка моя дорогая!
Какъ племя родное, росла ты, ни ласки, ни счастья не зная,
И, въ бурю отъ пальмы родимой оторванный вихремъ листокъ,
Умчалъ тебя въ край неизвѣстный взыгравшій мятежно потокъ.

Въ весеннее нѣжное утро тебя повстрѣчалъ на пути я;
И только глаза твои встрѣтилъ, и думы прочелъ въ нихъ родныя,—
Какъ въ книгѣ открытой, судьбу твою всю увидалъ,
И втайнѣ тебя я несчастной, навѣки несчастной назвалъ!
Недолго небесные громы и бури земныя молчали:
Какъ коршуновъ хищная стая, какъ волки, враги набѣжали
И сыпали въ гнѣвѣ свирѣпомъ удары вражды на тебя;
Друзья помогали ихъ злобѣ—разили, любя!
А то, что въ сочившейся кровью душѣ оставалось живого,
Сама ты, сама, какъ палачъ, убивала сурово...

И жду я давно безъ проклятій, безъ горькой на сердцѣ
слезы,
Съ застывшей душой ожидаю удара послѣдней грозы!

Да, грянетъ она надо мною, ужасная вѣсть эта, гря-
нетъ,
Опустится молотъ тяжелый, раздавитъ мнѣ душу...
И станетъ
Все ясно безумцу... И, слезы въ груди притая,
Смѣяться я громко начну: «Ты свободна, голубка моя!
Свободна! Отнынѣ ни люди, ни боги невластны
надъ нами,
Надъ нашей любовью безсмертной—вѣдь боги отнынѣ
мы сами!
Мгновенья и годы, о другъ мой, предъ вѣчностью—
звукъ лишь одинъ,
И скоро я встрѣчусь съ тобою въ сіяньи эдемскихъ
равнинъ...»

* * *

Все глубже сонъ и мракъ на небесахъ отчизны,
Все тягостнѣй кошмаръ предательствъ и утратъ;
Замолкли голоса бойцовъ безъ укоризны,
Нахальнѣй и смѣлѣй постыдный кличъ: «Назадъ!»

Но, чѣмъ виднѣй позоръ и чѣмъ слабѣй мерцанье
Когда-то яркихъ звѣздъ, намъ озарявшихъ путь,
Тѣмъ пламеннѣй кипитъ въ душѣ негодованье,
Сильнѣй волнуется измученная грудь!
Бѣги, мечта любви, мечта о примиреньи,
Прочь пѣсни рабскія унынья и тоски!
Я весь—огонь и мечъ, я весь—порывъ отмщенья,
И гнѣва я пѣвецъ до гробовой доски!
И пусть враждебный вихрь измѣны и сомнѣній,
Какъ буря налетѣвъ, все зданіе смететъ
Усилій и трудовъ минувшихъ поколѣній,
Пусть сномъ еще мрачнѣй родимый край заснетъ,—
Того, что темный міръ сіяньемъ озаряло,
Что̀ въ жизнь влагало смыслъ, грозѣ не истребить,
И на развалинахъ святого идеала,
Какъ прежде, буду я и вѣрить, и любить!

* * *

Снова въ душѣ загораются
Слезы, гроза и смятеніе,
Снова встаютъ—улыбаются
Счастья былого видѣнія!..

Въ ужасахъ доли скитальческой,
Въ дальнихъ снѣгахъ угасающій,
Образъ твой блѣдный страдальческій
Снится мнѣ—бодрый, сіяющій...

Снится мнѣ: цѣпи порвалися!
Къ другу спѣшишь ты, веселая,—
Косы вкругъ плечъ разметалися,
Черныя косы, тяжелыя.

Взоръ загорѣлся плѣнительно...
Голосъ серебряный чудится...
Вѣрить хочу я мучительно—
Грёза блаженная сбудется!

Сбудется, вѣрь мнѣ, желанная!
Слишкомъ ужъ хочется счастія,
Слишкомъ томитъ неустанная
Жажда любви и участія...

Мы на пиру мірозданія
Были докучные зрители,
Зноемъ и нѣгой лобзанія
Сéрдца еще не насытили!

Общимъ судомъ не развязаны
Нами вопросы несмѣтные,
Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны
Думы завѣтныя!..

* * *

Нашъ полдень билъ—и изъ всего,
Чѣмъ юность вольная плѣнялась,
Чѣмъ сердце радостно цвѣло,
Одна надежда намъ осталась:
Что, мертвыхъ, насъ не разлучатъ!

Умолкнетъ злость за дверью гроба:
И въ свѣтлый рай, и въ мрачный адъ,
Мой другъ, войти должны мы оба,
Рука съ рукой соединясь!
Предстанемъ мы на судъ правдивый,
Чтобы враговъ совѣтъ кичливый
Затрепеталъ при видѣ насъ...

И вѣрь: награда будетъ намъ!..
. . . . . .

22 октября.

*
* *

Ты немного опять, но, любя, написала,
Подаривши меня задушевнымъ словцомъ,—
И ревнивое сердце мое задрожало,
Точно арфа, задѣтая грустнымъ пѣвцомъ...
Не того я боюсь, что подъ игомъ страданій
Ты поклонишься волѣ царящаго зла:
Я боюсь—въ эти долгіе годы скитаній
Вмѣстѣ съ горемъ и новыхъ друзей ты нашла!
Я боюсь, что къ былому страданью и счастью,
Къ дорогимъ мертвецамъ ты остыла душой...
На яву и во снѣ съ чародѣйною властью,
Какъ живые, витаютъ они надо мной!

Ахъ! не разъ мое сердце опять откликалось
На привѣтъ обольщающій новыхъ друзей:
Мигъ одинъ—и со стономъ душа закрывалась,
И краснѣлъ я постыдной измѣны своей!
На руины былого гляжу я уныло,
И во тьмѣ ты одна мнѣ горишь, какъ звѣзда...
То, что́ молодость скорбью святою крестила,
Только то́ я люблю, и люблю навсегда!

---

* * *

Терпѣнье, кроткое терпѣнье!—
Пройдетъ вражда, исчезнетъ кровь,
Какъ сонъ, какъ тяжкое видѣнье...
У гроба встрѣтимся мы вновь.

До насъ, любя, несчастны были:
Семь лучшихъ жизни лѣтъ губя,
Іаковъ ждалъ своей Рахили...
Я—трижды семь прожду тебя!

И буду скотъ пасти Лавану,
И буду слугъ его рабомъ;
Іаковъ новый, не устану
Всю ночь бороться съ Божествомъ.

Но прозвучитъ труба разсвѣта:
Услышатъ внуки нашу быль,
И вдохновишь ты мысль поэта,
Моя любовь, моя Рахиль!

* * *

Мнѣ снилось сегодня—въ безвѣстномъ краю,
Въ слезахъ, я родимую видѣлъ свою.

— «Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дождусь ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ.
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ,
. . . . . .
Все слышу знакомую поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь»!

— О, матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой...
Три были бы жизни даны мнѣ въ удѣлъ—
Всѣ отдалъ бы я, и къ тебѣ полетѣлъ!
Но душу живую посмѣю-ль продать?
Могла ли-бъ меня ты за сына признать?..

И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

Къ родинѣ.

(Изъ ирландскихъ пѣсенъ О'Коннора).

За что́ любить тебя? Какая ты намъ мать,
Когда и мачиха безчеловѣчно-злая
Не станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
Какъ ты дѣтей своихъ казнишь, не уставая?
Любя, дала-ль ты намъ одинъ хоть красный день?
На нашъ весенній путь, раскинутый широ́ко,
Ты навела̀ съ утра зловѣщей тучи тѣнь,
По каплѣ кровь изъ насъ всю выпила до срока!
Какъ врагъ, губила насъ, какъ яростный тиранъ!
Во мракѣ безъ зари живыми погребала,
Гнала̀ на край земли, въ снѣга безлюдныхъ странъ,
Во цвѣтѣ силы—убивала...
Мечты великія безъ жалости губя,
Ты, какъ преступниковъ, позоромъ насъ клеймила,
Ты злобой душу намъ, какъ ядомъ, напоила...
Какая-жъ мать ты намъ? За что любить тебя?

За что́—не знаю я, но каждое дыханье,
Мой каждый помыселъ, всѣ силы бытія—
Тебѣ посвящены, тебѣ до издыханья!
Любовь моя и жизнь—твои, о мать моя!
И, чтобъ еще хоть разъ твой горизонтъ обширный

Мой глазъ увидѣть могъ, твой сѣрый небосводъ,
Сосновый боръ вдали, сверканье рѣчки мирной,
И нивы скудныя, и кроткій твой народъ,
За то, чтобъ день одинъ могъ снова подышать я
Свободою полей и воздухомъ лѣсовъ,—
Я крестъ поднять бы радъ безъ стона и проклятья,
Тягчайшій изъ твоихъ безчисленныхъ крестовъ!
Въ палящій зной, въ пескѣ сыпучемъ по колѣни,
Съ котомкой нищаго брести глухимъ путемъ,
Послѣднимъ сномъ заснуть подъ сломаннымъ плетнемъ
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній!..

Батракъ.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ утопая,
По узкой межѣ, сквозь рѣдѣющій мракъ,
Въ убогой сермягѣ, кряхтя и вздыхая,
Проходитъ свободный батракъ.
Названье и дѣло еще не бывали,
Казалось, отъ вѣка въ разладѣ такомъ!
Еще не свѣтилось подобной печали
Во взорѣ разумномъ людскомъ!
Тотъ годъ былъ тяжелый: по всходамъ промчался
Серебряный бичъ многоводныхъ дождей,
И пахарь лишь плевелъ безплодныхъ дождался
Съ заплаканной нивы своей.
За подати выгнанъ, какъ звѣрь нелюдимый,
Изъ хаты, онъ брата кругомъ не нашелъ;
Завѣтную горсть лишь землицы родимой
Въ платокъ завязалъ—и пошелъ!..
Свирѣль заиграла надъ синей рѣкою,
Румяное солнце встаетъ изъ-за горъ...
Свободный батракъ! Что-жъ ты сталъ и полою
Кафтана рѣсницы отеръ?

Свободный... Ужъ въ ясли сегодня скотинѣ
Не нужно душистаго сѣна бросать;
Изъ края родного ты воленъ отнынѣ,
Куда загадаешь, бѣжать.
Свободный... Ты тягости въ мірѣ не знаешь,—
Коса развѣ та, что звенитъ за спиной,
Отрепье, которымъ скелетъ прикрываешь,
Да боль отъ тревоги глухой!
Свободный... Малютку послѣдняго—сына,
Въ слезахъ, на кладбище весною ты снесъ,
И съ жалобнымъ визгомъ остался близъ тына
Лежать издыхающій песъ...
Свободный... Вѣдь можешь сидѣть ты бездумно,
Идти, не жалѣя пораненныхъ ногъ,
Рыдать безъ конца, иль смѣяться безумно,
Пѣть пѣсни... Суди тебя Богъ!
Замерзнуть ты можешь, покончить съ собою,
О камни дорожные черепъ разбить...
Заря будетъ снова смѣняться зарею—
Зарѣ для тебя ужъ не быть!
Назадъ оглянулся ты съ горечью новой:
Опишутъ тамъ каждую тряпку въ избѣ,
Убогое поле, лѣсокъ верескóвый...
Коса лишь осталась тебѣ!
Иди же косить!—Хоть издохни безъ хлѣба,
Хоть силу и волю въ конецъ изведи,
Но подать—священная заповѣдь неба,
Ея не нарушь ты, иди!

Чего жъ онъ стоитъ, онъ, свободный, какъ птица?
Живи, коли хочешь, не хочешь—умри,

Въ рѣкѣ утопись, иль изсохни какъ спица,
Трудясь отъ зари до зари!
И горстью хоть волосы рви онъ—не встрѣтитъ
Ни въ комъ состраданья живого бѣднякъ.
Хоть мертвымъ пади—и никто не замѣтитъ...
Свободный онъ, вольный батракъ!

Изъ смутныхъ дней.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Глубокая бездна въ началѣ вѣковъ раздѣлила
На жертвъ и тирановъ собратьевъ-людей.
Безбрежна она, какъ просторъ неоглядныхъ морей,
Страшна, какъ отверстая рана, темна, какъ могила.
Кровавое мщенье работой мечей и костровъ
Напрасно стремилось наполнить ее до краевъ:
Вѣка протекаютъ, а дна ея все не измѣрить!
Любовь ужъ прощать устаетъ и надежда крылатая
вѣрить!

Волною бурливой людская горячая кровь
Струится въ нее непрерывно... Летятъ преступленья...
Порокъ, добродѣтель, измѣна, любовь,
И скрежетъ проклятій и слезы мученья...
Все тщетно, все гибнетъ въ пучинѣ безъ дна,
И пропасть все такъ же темна и страшна!

Сердца исполиновъ, умовъ безкорыстнѣйшихъ силы,
Движенья народовъ, народовъ могилы,—
Все въ ней исчезаетъ, какъ въ морѣ потокъ:
Отъ берега берегъ все такъ же далекъ!
Боецъ въ нее лозунгъ бросаетъ мятежный,

Мыслитель спокойный—законъ неизбѣжный,
Бѣднякъ—свою скорбь и кровавый свой потъ,
Герой—свою славу, труды свои—геній,
Исторія—смѣну и право явленій;
Самъ Богъ, возмутясь, свои громы беретъ
И мечетъ въ ту бездну: она все зіяетъ—
Высокое небо безъ словъ упрекаетъ!

О, ужасъ! О, горе! Погибнетъ ли трудъ?
Ужель этимъ зернамъ безъ счета и мѣры
Плода не увидѣть? Ужель не взойдутъ
Желанные всходы надежды и вѣры,
Что̀ братскую пищу народамъ дадутъ?
Спѣши, о, спѣши, золотое свѣтило!
Надъ безднами горя людского и зла
Взойди, облеченное славой и силой,—
Тобой вѣдь однимъ побѣждается мгла!

1891.

Человѣкъ.

I.

«Пусть ты—созданья перлъ, могучій царь творенья:
Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Ужель ты возмечталъ въ безумномъ ослѣпленьи,
Что я раба твоя, а ты—властитель мой?
«Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня позналъ,
Что дерзко заглянулъ въ мое святыхъ святая
И свой тамъ начерталъ законъ и идеалъ?
«Глупецъ! Я захочу—и, пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты твоихъ смирнѣйшихъ псовъ;
Я землю потрясу—и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ-городовъ.
«Я вышлю грозный моръ съ его сестрой—войною,
Цвѣтущія поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну полдень тьмою—
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски!
«Повѣрь: мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ скорбей. Я знаю лишь числа́
Безжалостный законъ; ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага для меня подъ солнцемъ нѣтъ, ни зла!

«Живи-жъ, какъ все живетъ: минутною волною
Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ»!

2.

Такъ въ вихрѣ, въ молніи, въ грозѣ стихій Природа
Гремитъ, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.
Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ «свобода!»
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая,
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви мятежа изъ напряженныхъ рукъ.
И гордо говоритъ:
— «Кто-бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенный,
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
«Казни меня, бичуй—пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь.
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Лишь трупъ холодный мой ты въ цѣпи закуешь!
«Слѣпа ты и мертва въ красѣ твоей суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Листы я вырву зла, скажу: погибни, тьма!
«Скажу: зажгись, разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынѣ,
Гдѣ потъ я засѣвалъ кроваваго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!»

Сестрѣ.

Печально прошла твоя жизнь моя бѣдная!..
Какъ осень холодная, хмурая, блѣдная,
Безъ радостей дружбы, безъ свѣта любви
Мелькнули всѣ лучшіе годы твои.
Природа, какъ дочь неродную, постылую,
Тебя красотой обдѣлила и силою;
Сокровища-жъ сердца—что̀ радости въ нихъ?
Кто перлы считаетъ въ пучинахъ морскихъ?

Въ себѣ ты родникъ отыскала терпѣнія,
Въ душѣ твоей жившаго свѣтлаго генія,
Струившаго волны аккордовъ святыхъ
Изъ блѣдныхъ и немощныхъ пальцевъ твоихъ.
И мертвыя струны подъ чудными звуками
Дрожали живыми слезами и муками,
Тоскуя, надѣясь, мечтая, любя,
И свой лучезарный былъ міръ у тебя!

Но темная сила, пощады не знавшая,
Проклятьемъ на всей твоей жизни лежавшая,
Дорогу и въ этотъ лазурный эдемъ
Тебѣ заградила на вѣкъ и совсѣмъ:
Изсохли, упали, какъ плети ненужныя,

До срока, до времени руки недужныя,
И гибель, конечная гибель грозой
Нависла надъ жизнью твоей дорогой.

Закрылся рояль, и затихли рыданія,
Уснули мечты... Ни мольбы, ни роптанія...
А какъ твое сердце дрожало въ тиши,
Какъ плакали нѣжныя струны души
Да очи твои молодыя безвинныя,
Какъ слезы ихъ ночи лишь видѣли длинныя,—
Кто знаетъ объ этомъ? Упавшей во тьму
Звѣзды не найти никогда никому!

И въ эту-то ночь своей жизни безбрежную
Всю душу свою милосердную, нѣжную,
Со всѣми дарами любви и тепла,
Чужому несчастію ты отдала.
И къ скорбному брату, бойцу недобитому,
При жизни въ глухую могилу зарытому,
Въ юдоль безысходныхъ сомнѣній и мукъ,
Какъ ангелъ небесный, явилась ты вдругъ.

Явилась, какъ чудная вѣсть утѣшенія,
Любви безъ конца, упованья, терпѣнія,—
И гдѣ та любовница въ мірѣ, та мать,
Къ которымъ бы могъ я тебя приравнять?
Награды-ль себѣ ты просила, родимая?
Ахъ! даже и пѣснь моя, тайно хранимая
Твоей незнакомой съ корыстью рукой,
Мой другъ, не тебѣ отзывалась—другой!..

Теперь, когда дни воротились ненастные,
И ты далекò, мое солнышко ясное,
И некому выплакать горечь обидъ,
И такъ я безсиленъ, такъ всѣми забытъ;
Теперь, когда, правду извѣдавъ жестокую,
Страшась за дорогу твою одинокую,
Послѣднюю кровь я отдать бы готовъ,
Лишь былъ бы твой жребій не столько суровъ,—

Въ часы трудовые и въ полночь угрюмую
Черты дорогія зову я и думаю:
—О, слава! нѣтъ правды въ рѣшеньяхъ твоихъ,
Ты только красивыхъ цѣлуешь и злыхъ.
Но если бы я былъ судьей надъ вселенною,
Тебя я короной вѣнчалъ бы нетлѣнною,
Тебя-бъ на вершины безсмертья вознесъ,
О сердце прекрасное, полное слезъ!..

---

* * *

Во мракѣ былого, въ грядущихъ вѣкахъ
Ищу я, подъ гнетомъ тоски, утѣшенья;
Но трудно парить и орлу въ облакахъ,
Хоть онъ и рожденъ для паренья!

И онъ, быстрокрылый, порой устаетъ
Отважныя дѣлать усилья
И сходитъ на землю съ эфирныхъ высотъ,
Слагая могучія крылья...

— Ахъ! жаждетъ теперь же усталая грудь
Согрѣться подъ кровомъ родимымъ,—
Рыдая, прижаться къ колѣнямъ любимымъ,
Отъ странствій въ далекихъ краяхъ отдохнуть!

* * *

Муки брата смягчая въ чужой сторонѣ,
Ты мнѣ пишешь, дитя, въ утѣшенье:
Тотъ украдкой слезу уронилъ обо мнѣ,
Тотъ свое изъявилъ сожалѣнье.
И обрывки давно позабытыхъ именъ
Изъ тумана годовъ выплываютъ,
Оживая, какъ смутный, болѣзненный сонъ,
И въ груди моей желчь поднимаютъ...

Это тѣ, что̀ когда-то спасенья руки
Мнѣ въ бѣдѣ протянуть не желали
. . . . . .
А теперь, когда палъ безразсудный боецъ,
Нарушавшій гармонію спячки,—
Почему не потѣшить довольныхъ сердецъ,
Не швырнуть ему барской подачки?..
Имъ дешевая слава дороже всего—
Что̀ имъ слезы правдивыхъ мученій?
— Ахъ, оставьте меня вы страдать одного,
Не хочу я ничьихъ утѣшеній!

Забытый мертвецъ.

Мнѣ снилось—окончились годы
Тяжелой и долгой разлуки:
Къ тебѣ я примчался, какъ вѣтеръ,
Простерши дрожащія руки!
Какъ въ старые годы, толпою
Подруги тебя окружали;
Какъ свѣжія, пышныя розы,
Румянцемъ и счастьемъ сіяли.
Все, все было то же, что прежде,
Ни въ чемъ никакой перемѣны, —
И тѣ же веселыя лица,
И тѣ же уютныя стѣны...
Но только что я показался —
Смолкъ говоръ бесѣды открытой,
Какъ будто въ кругу беззаботномъ
Явился мертвецъ позабытый!
И шепотъ пронесся смущенья,
Движенье мелькнуло испуга...
Тогда лишь отчетливо-ясно
Увидѣлъ я милаго друга.
Какъ мраморъ бѣла, неподвижна,
Сидѣла ты, грустно-нѣмая,
Скрестивъ исхудалыя руки,
Душою далёко витая.

Застывшія очи казались
Полны безконечной печали...
И вдругъ изумленье и радость,
Какъ буря, по нимъ пробѣжали!
Безжизненно-блѣдныя щеки
Внезапнымъ огнемъ озарились,
Навстрѣчу объятіямъ жаднымъ
Поспѣшно объятья раскрылись.
Минута блаженства... И съ крикомъ
Назадъ ты скорѣй отшатнулась,
Какъ будто въ устахъ моихъ жало
Шипящей змѣи шевельнулось!
Упали безсильныя руки
Подъ гнетомъ тоски безпредѣльной;
Какъ снѣгомъ, покрылись ланиты
Опять бѣлизною смертельной.
Души моей холодъ обиды
Струей леденящей коснулся...
Померкла безумная радость...
И снова къ тебѣ я рванулся!
И, складки одежды цѣлуя,
Колѣни твои обнимая,
Шепталъ, задыхаясь, волнуясь:
«Я... я, дорогая, родная!
Все понялъ я чуткой любовью:
Меня ты погибшимъ считала,
По мнѣ, какъ по мертвомъ, поминки
Живыми слезами справляла.
И годы промчались... Не знаю,
Какія страданья,—нужда ли,
Порывъ ли минутный участья —
Съ немилымъ тебя повѣнчали.

Была ты глубоко несчастна
Въ союзѣ любви подневольной
И память усопшаго друга
Хранила въ душѣ богомольно.
Но гробъ растворился... Открой же
Слезами залитыя очи:
Румяное утро прогнало
Кошмары и призраки ночи!
Дитя дорогое, очнися
Отъ грёзы безумной и дикой!
Мы право на счастье земное
Купили цѣною великой.»

Но тщетно тебя заклиналъ я:
Какъ тѣнь, ты изъ рукъ ускользала...
«Нѣтъ, нѣтъ, никогда до могилы!»—
Устами безъ жизни шептала...

* * *

Есть эпохи печалей, вѣка есть и годы,
О которыхъ историкъ, скорбя, говоритъ.
Мракъ угрюмѣй, душнѣй въ эти ночи невзгоды,
Но терновый вѣнецъ величавѣй горитъ!
Не о васъ я скорблю, зóву чести послушныхъ,
Въ битвѣ съ ложью рѣшившихся жизнь положить:
Я печалюсь о насъ, о друзьяхъ малодушныхъ,
На руинахъ святыхъ остающихся жить.
Ахъ! все помнить, все видѣть,—такъ явственно видѣть
Все, что, гордые, вы не хотѣли снести,
Безконечно любить, горячо ненавидѣть
И не чувствовать силы за вами идти—
Есть ли пытка страшнѣе?.

1892.

* * *

Дороже райскихъ благъ, всего, друзья, что̀ есть
Для васъ святого во вселенной,
Сокровищъ больше всѣхъ цѣните вашу честь,
Души алмазъ неоцѣненный!
Блюдите этотъ кладъ, какъ дѣвушка свой стыдъ,
Отъ юныхъ дней и до могилы,
И пусть ни злато васъ собою не прельститъ,
Ни поцѣлуй и смѣхъ Далилы!
Ни слезы матери, ни дряхлый вѣкъ отца,
Ни видъ уже готовой плахи
Пусть вашей гордости не сломятъ до конца
Постыдной мыслію о страхѣ!
Не вѣрьте разуму, когда онъ скажетъ вамъ,
Что не измѣна—ходъ лукавый,
Что можно смыть съ души вины случайной срамъ
Годами подвиговъ и славы.
Не вѣрьте: слабости то шепчетъ духъ больной,
Прикрывшись логики личиной...

Бойцу прилично быть не робкою женой,
А чуждымъ трепета мужчиной!

И если побѣдитъ сомнѣнья горькій часъ,
И роковое зло свершится,—
О, знайте: нѣтъ людей, навѣкъ несчастнѣй васъ,
И лучше-бъ въ міръ вамъ не родиться!..
Никто, ничто печаль души не усыпитъ—
Она растетъ, растетъ съ годами...
Довольный врагъ вамъ жизнь, свободу возвратитъ,
Осыплетъ золотомъ, дарами.
Свобода будетъ васъ душить, какъ сводъ тюрьмы,
Червонцы руки жечь вамъ станутъ;
Друзья... О, скорбь! о, стыдъ!—друзья, какъ отъ чумы,
Отъ васъ испуганно отпрянутъ.
Потупитъ взоръ отецъ; мать, дорогая мать,
Родникъ прощенья безконечный,
Грустя о васъ, очей не будетъ осушать...
Міръ облечется въ трауръ вѣчный!

Но пусть простятъ друзья, иль пусть молчитъ пока
Легенда вашего позора:
Коснется-ль вашихъ рукъ товарища рука—
Вы стыдъ почувствуете вора.
Во взглядѣ любящемъ прочтете вы укоръ,
Въ бесѣдѣ дружбы—подозрѣнье...
Все кто-то будетъ вамъ шептать: «Позоръ! позоръ!
Презрѣнье, вѣчное презрѣнье!»

Чрезъ много, много лѣтъ, когда, попавъ опять
Въ водоворотъ борьбы кипучей,

Найдете счастье вы, какое можетъ дать
Бойцу вѣнецъ его колючій,
Не разъ, какъ божій громъ съ безоблачныхъ небесъ,
Какъ адскій духъ средь кущей рая,
Мелькнетъ забытый сонъ... И солнца свѣтъ исчезъ,
И сердце сжала боль тупая!..
. . . . . .

* * *

Забвенье—вашъ удѣлъ, безумные вѣка!..
Когда отжившій міръ народы перестроютъ,—
Не все исчезнетъ зло, не замолчитъ тоска,
И язвы новыхъ ранъ заноютъ.

Гдѣ свѣтъ сплошной горѣлъ, увидимъ бездну тьмы;
Побѣду возгласивъ, узнаемъ гнѣвъ безсилья
И снова разбивать о душный сводъ тюрьмы
Мы будемъ трепетныя крылья!

Но и въ унынии зломъ, въ ночи безъ маяка,
Ни разумъ мудреца, ни пылкій духъ поэта,
Мечтая и скорбя о дняхъ любви и свѣта,
Не обратятся къ вамъ, проклятые вѣка!

Идеалъ.

Онъ свѣтитъ, какъ маякъ надъ бездною морскою,
Суля намъ тихій рай за далью непогодъ.
Онъ говоритъ душѣ, истерзанной тоскою:
«Впередъ! Безъ отдыха впередъ!»

Но кто онъ, дивный вождь? Сквозь этотъ мракъ ненастный
Куда стремится онъ? Кто, дерзкій, хоть во снѣ
Черты его видалъ?.. Плѣнительно-прекрасны—
И по̀лны ужаса онѣ!
Чему еще вчера молились съ умиленьемъ—
Сегодня стало прахъ, разсѣялось, какъ сонъ;
И то, что въ этотъ мигъ зовется преступленьемъ,—
Святыня завтра и законъ!
Свобода, разумъ, честь, любовь, отчизна, вѣра...
Нѣтъ о̀бразамъ твоимъ и именамъ числа.
Ты зажигалъ костры, ты двигалъ изувѣра,
Ты вдохновлялъ бойца на славныя дѣла!
Какъ жаждалъ міръ тебя!.. Ты созидалъ кладбища,
Ты посылалъ на смерть невинныхъ и святыхъ—

И все остался чистъ... Какъ воздухъ, солнце, пища,
Какъ радость бытія, ты нуженъ для живыхъ!

Падетъ, падетъ вѣнецъ съ святыни беззаконной,
Предъ свѣточемъ ума померкнутъ ложь и зло,
И изъ развалинъ ты, какъ фениксъ возрожденный,
Поднимешь свѣтлое чело!

* * *

Въ безмолвіи-ль по̀лночи,
Въ тревогѣ ли дня,
Во снѣ, за работою,
Вездѣ близъ меня,
Какъ призракъ блуждающій,
Покоя не знающій,
Мелькаетъ, грустя,
Лицо твое кроткое,
Лицо твое блѣдное,
Дитя мое милое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!

Все снится мнѣ мертвая
Изгнанья страна:
Холодная, бѣлая
Снѣговъ пелена
И ты, въ нихъ зарытая,
Былинка забытая...
Какъ-будто грустя,
Вокругъ тебя шепчется
Тайга неизслѣдная:
«Дитя беззащитное,

Дитя мое бѣдное,
Больное дитя!»

Чѣмъ другу несчастному
Помочь я могу?
Шепчу лишь безсильныя
Угрозы врагу,
Да съ тайною мукою,
Какъ няня, баюкаю,
Ласкаю, грустя,
Видѣніе нѣжное,
Видѣніе блѣдное:
— Дитя мое сирое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!..

* * *

Были черные дни, страха полные дни,
Какъ могила, зловѣщія ночи...
И твою даже волю погнули они,
Оросили твои даже очи!
Не уснувъ, не одинъ ты встрѣчала разсвѣтъ,
Потихоньку въ слезахъ облегчая
Боль неправыхъ обидъ и колючихъ клеветъ,—
И не зналъ я объ этомъ, родная!
Я не могъ тебя грудью своей заслонить,
Защитить тебя кровью своею,
Показать, какъ умѣю я нѣжно любить,
Какъ ласкать и голубить умѣю.
Другъ твой не былъ съ тобою... Чужая рука
Мой цвѣтокъ дорогой охраняла,
И, какъ сердце змѣей обвивала тоска,—
Не со мной ты ее раздѣляла!..

На всю жизнь.

I.

Не ужасы борьбы и злобнаго гоненья
Проклятіемъ легли на наше поколѣнье,
Но то, что, знамя взявъ разсвѣта и любви,
Всѣ, всѣ грѣхи отцовъ носили мы въ крови!
Обиднѣе всего, что, слуги идеала,
Надъ голосомъ страстей мы возвышались мало,
Чтобъ ни одинъ глупецъ не могъ насъ упрекнуть
За пройденный во тьмѣ многострадальный путь;
Чтобъ въ эту ночь грѣха, позора и печали
Мы надъ пустыней зла, какъ свѣточи, сіяли—
Живой уликою тупымъ клеветникамъ,
Примѣромъ вѣрности свободѣ и друзьямъ;
Чтобъ нашъ обѣтъ любви передъ порочнымъ свѣтомъ
До гробовой доски былъ вѣрности обѣтомъ,
И наши имена въ дали вѣковъ зажглись
Безсмертьемъ Пенелопъ, Леандровъ, Элоизъ!

Но жизнь-завистница величія не сноситъ—
Всѣ свѣтлыя мечты безъ сожалѣнья коситъ...
И слышу я кругомъ: «Чему дивится онъ,
Мечтательный слѣпецъ? Таковъ судьбы законъ».

2.

— Мой другъ, далекій другъ, чей образъ незабвенный
Дороже счастья мнѣ и всѣхъ даровъ вселенной,
Чью ласку помню я, какъ лучшихъ лѣтъ мечту,
Безъ чьей улыбки рай за рай я не сочту,
Любовь души моей! Мнѣ каждый день разлуки
Приноситъ новый адъ невыразимой муки...
По-долгу-ль отъ тебя нѣтъ вѣсти дорогой,
Ужъ страхъ меня томитъ, что я забытъ тобой;
Придутъ ли, наконецъ, плѣнительныя строки,
Я, жалостью объятъ, забывши всѣ упреки,
Какъ мертвую, готовъ оплакивать тебя,
Безумной клятвою связавшую себя!
О, для чего? Зачѣмъ? За что въ порѣ расцвѣта
Должна угаснуть ты, восторгомъ не согрѣта?
Весталка бѣдная, къ чему огонь блюсти,
Когда алтарь разбитъ и брошенъ при пути?
Смотри, какъ крестъ тяжелъ... Смотри, измѣны всюду...
Пускай же я одинъ живой гробницей буду,
Обѣты юныхъ дней до сѣдины храня:
На то пѣвецъ я твой, на то мечтатель я!
Ахъ! не возьму я всѣхъ сокровищъ наслажденья
За старыя мечты и старыя мученья,—
Пусть ихъ ребячество ребенокъ осмѣетъ,
Романтикомъ меня отжившимъ назоветъ!

Странникъ.

I.

Изъ странствій далекихъ и долгихъ
Во снѣ я вернулся домой,
И только что на берегъ вышелъ—
Былъ вѣстью сраженъ роковой:
Моя дорогая подруга
Давно ужъ была за другимъ...

Всю ночь на утесѣ прибрежномъ
Сидѣлъ я, тоскою томимъ.
Вверху было тихо и грустно:
Какъ-будто надъ гробомъ большимъ,
Мерцая, тамъ двигались свѣчи,
Клубился таинственный дымъ...
Внизу же бурливыя волны,
Смирясь, начинали шептать:
«Ахъ, бѣдный, обманутый странникъ,
Покинемъ отчизну опять!»
И было себя мнѣ такъ жалко,
Такъ слабъ и несчастенъ я былъ...
И громко кричалъ я и плакалъ,
А вѣтеръ мой стонъ разносилъ!

Заря ужъ взошла золотая,
Окрасилась кровью волна,
Когда утомленную душу
Опять обняла тишина.
Ревнивое, темное чувство
Куда-то ушло со стыдомъ,
Наполнилась грудь умиленьемъ,
И свѣтомъ зажглась, и тепломъ.
Змѣя оторвалась отъ сердца,—
Любить захотѣлось, прощать,
Увидѣть *ее*, преклониться,
«Прости» ей безъ гнѣва сказать!

II.

Вхожу нерѣшительно въ залу—
Со вкусомъ она убрана.
Услышишь, какъ сердце трепещетъ,—
Такая вездѣ тишина!
За праздно раскрытою книгой
(Я вижу лишь мелькомъ—романъ)
Сидитъ элегантная дама,
Небрежно склонясь на диванъ.
Глаза наши встрѣтились... Жаркой,
Предательской крови волна
Лицо залила мнѣ... Ужели?!

— Но нѣтъ: не она, не она!—
Холодная свѣтская маска,
Усталый, безжизненный взоръ...
У милой же былъ онъ, я помню,
Глубокъ, точно пропасти горъ!

Раскланявшись чинно и съ сердцемъ
Безумнымъ успѣвъ совладать,
Вопросъ задаю я учтивый:
Могу ли NN увидать?
— «Увидѣть NN?!»—Да... хоть, впрочемъ,
Такъ прежде звалась она...—«А!
Въ счастливые старые годы?..
Я замужемъ нынче... Тогда...
И горя, и радостей много,
Monsieur, вы напомнили мнѣ!
Простите съ кѣмъ честь я имѣю?..»

Какое-то имя, вполнѣ
Случайно пришедшее въ мысли,
Поспѣшно назвалъ я; сказалъ,
Что долго блуждалъ по чужбинѣ,
Что тамъ, между прочимъ, встрѣчалъ
Лицо, о которомъ, быть можетъ,
Еще не забыли друзья...
(А самъ про себя размышляю:
Ужели же память моя
Такъ зло надо мною смѣется?
Она... Нѣтъ, совсѣмъ не она!)
Она поднимается съ мѣста,
Взволнована, страшно блѣдна.
— «Какъ! вы его знали? Скажите...
И близко?.. Но гдѣ же онъ самъ?»
— Сударыня! тихо въ отвѣтъ я:
Увы, онъ давно уже тамъ
(И руку приподнялъ я къ небу)...

Молчаніе, вздохъ—и потомъ

Беззвучныя, кроткія слезы...
— «Себя не виню я ни въ чемъ,
Monsieur... Я ждала его тщетно
Не мѣсяцъ одинъ или годъ;
Но знаете—тягость разлуки,
Оковы житейскихъ заботъ,
Отчаянье... жажда забвенья...
Потомъ этотъ ужасъ—молва
О смерти его на чужбинѣ...
Я еле осталась жива!
Конечно, прекрасно въ романахъ
Читать о любви безъ конца,
О вѣрности вѣчной; мы въ школѣ
Твердили «Любовь мертвеца».
Но это поэзія! Въ жизни
Она быстролетна, какъ сонъ.»

Тутъ вставилъ и я торопливо,
Что это природы законъ.

Тогда, улыбнувшись печально,
Къ другому она перешла:
Что мужъ ея—малый честнѣйшій,
Въ свои погруженный дѣла;
Что небомъ дана ей отрада,—
Любви ихъ единственный плодъ,—
Прелестная дочка; что скромный
Они получаютъ доходъ
(Провинціи, впрочемъ, приличный),
Свой домикъ имѣютъ и садъ,
Изъ собственныхъ вишень варенье
У нихъ превосходно варятъ.

И, только что счелъ я умѣстнымъ,
Взявъ шляпу, отвѣсить поклонъ—
— «Какъ можно! вскричала,—безъ чаю?
Нѣтъ, нѣтъ, извините... Pardon!»
И скрылась тотчасъ за дверями,
Распущеннымъ шлейфомъ шурша.
А я... Я остался во мракѣ,
Рыданья едва заглуша...

III.

Вдругъ... Въ сумракѣ ночи безбрежной
Блеснувшій, какъ молнія, свѣтъ!—
Дверь скрипнула тихо—и крошка
Шести или менѣе лѣтъ,
Съ глазами испуганной серны,
Съ бутонами рдѣющихъ щекъ
Подъ рамою локоновъ черныхъ,
Несмѣло взошла на порогъ.
Взошла, поглядѣла... И съ крикомъ,
Бывающимъ только во снѣ,
Съ мучительнымъ крикомъ блаженства
Упала на шею ко мнѣ!
Мы мигомъ другъ друга узнали
(Глаза изощряетъ любовь)...
И оба мы плакали горько,
Смѣялись и плакали вновь.
Спѣшилъ и въ уста я и въ очи
Малютку мою цѣловать,
Спѣшилъ, задыхаясь, волнуясь,
Про все ей, про все разсказать.
Она все росла, измѣнялась,

На мать походя все сильнѣй,
И, съ образомъ милымъ мѣшаясь,
Душѣ становилась роднѣй.
Я всѣ ей печали былого,
Всѣ раны свои обнажилъ,
И лишь одного все боялся,
Что главное что-то забылъ...
И снова спѣшилъ, озираясь...
А голосъ, межъ тѣмъ, дорогой
Мнѣ на ухо пѣлъ, не смолкая:
«Теперь до могилы ты мой!
Ничто насъ теперь не разрознитъ
Ни горъ снѣговые хребты,
Ни волны, ни бури, ни цѣпи,
Ни жало людской клеветы!»

И пѣлъ онъ, такъ душу лаская,
Такъ чудно и нѣжно звеня,
Какъ-будто изъ свѣтлаго рая
Былъ посланъ утѣшить меня!

Еще изъ Чезаре Никколини.

(Изъ итальянскихъ тюремныхъ мелодій 1830—1840 годовъ).

I.

НА СТРАЖѢ ИТАЛІИ.

Братъ, замученный братъ!
Пусть несчастливы мы,
Пусть гнетутъ и томятъ
Стѣны душной тюрьмы;
Пусть—не слуги добру—
Въ нелюдимой глуши,
Какъ свѣча на вѣтру,
Гаснутъ силы души...

Нѣтъ! не даромъ горимъ
Мы, свѣтя въ темноту:
На почетномъ стоимъ
Мы, товарищъ, посту.
Передъ сильнымъ врагомъ
Не склоняясь въ пыли,
Точно кладъ, стережемъ
Честь родимой земли!

II.

ВЪ РАБОЧЕМЪ ДОМѢ.

I.

Тѣ годы ужаса, когда во тьмѣ неволи,
Одинъ въ глухихъ стѣнахъ, я гордо изнывалъ,
А каждый вздохъ иль стонъ невыносимой боли
Подъ сводомъ каменнымъ безплодно замиралъ;
Когда часы и дни безцвѣтные, больные
Докучливо ползли, питая мрачный сплинъ,
Межъ тѣмъ какъ вдалекѣ куранты крѣпостные
Не уставали пѣть: «Страдай, страдай одинъ!»—
О, эти годы сна и тяжкаго томленья,
Лишеній горькихъ дни все ярче и свѣтлѣй
Рисуются душѣ во мракѣ отдаленья,
Я ихъ вернуть бы радъ, какъ дорогихъ друзей!
И пусть бы я погибъ... Пусть у меня до срока
Сгорѣли-бъ мозгъ и грудь въ горячечномъ огнѣ,
Зато-бъ осталась честь! Ни одного упрека
Никто и никогда не высказалъ бы мнѣ!

А здѣсь, гдѣ каждый день—пучина униженья,
Гдѣ каждый часъ встаетъ мучительный вопросъ:
«Жизнь, эта жизнь раба—не верхъ ли преступленья?
Возможно-ль, честно-ль жить подъ остріемъ угрозъ?»—
Ахъ! здѣсь отрады нѣтъ... Здѣсь даже мирный геній
Забвенія и сна печаленъ и суровъ:
Какія бездны зла, какой родникъ мученій

У этихъ каторжныхъ, безчеловѣчныхъ сновъ!..
Въ нихъ все—позоръ, иль смерть: то, въ поискахъ могилы,
На дно глубокихъ шахтъ кидаюсь я стремглавъ,
То принимаю ядъ, то открываю жилы,
Тоскующихъ друзей вокругъ себя собравъ.
Кошмары безъ конца... Я слышу клокотанье
Въ груди самоубійцъ, не вынесшихъ цѣпей...
Проснусь—и душитъ грудь кипучее рыданье,
И влага жгучихъ слезъ струится изъ очей!

2.

Ни застѣнковъ, ни криковъ, ни слезъ,
Ни костра, ни ужасныхъ колесъ...
Люди мягче, гуманнѣе стали,
И чтобъ вытянуть жилы изъ насъ
Безъ невольныхъ брезгливыхъ гримасъ,
Утонченныя пытки сыскали.

И сказали, глумясь надъ врагомъ:
«Будь отнынѣ безгласнымъ рабомъ
Ты, глашатай непризнанный вѣка!
Позабудь образованность, честь,
Все, что въ мірѣ высокаго есть,
И вѣнецъ, и права человѣка!

«Будь рабочимъ скотомъ! Трепещи,
Унижайся, работай, молчи,
Избѣгая неравнаго спора:
Не почетный и славный конецъ
Ты найдешь въ немъ, отважный боецъ,—
Выпьешь горькую чашу позора.»

Безсердеченъ судьбы приговоръ:
Или смерть, или вѣчный позоръ!..
Безъ названія скорбь, безъ исхода.
А въ душѣ еще силы кипятъ,
И, хоть гроба темнѣй казематъ,
Все ей снятся борьба и свобода!

— О, потомки! въ тотъ радостный день,
Какъ послѣдняя скроется тѣнь,
И, разсѣявши чары заклятья,
Поразивши могучее зло,
Вы украсите лавромъ чело
И рабовъ заключите въ объятья,—

Упиваясь своимъ торжествомъ,
Не глумитесь надъ павшимъ врагомъ,
Той же казнью его не казните;
Но, какъ лучшій эдема цвѣтокъ,
Какъ безсмертія тайный залогъ,
Человѣка достоинство чтите!

III.

Потомство узнаетъ, потомство услышитъ
Про вашу неправду, про нашу печаль.
Оно заклеймитъ васъ, оно насъ запишетъ
Въ кровавую славы скрижаль!
Оно изумится тому, какъ жестоки
И холодны были людскія сердца,
Какъ нагло толпою побиты пророки,
Задушены пѣсни пѣвца!
Оно содрогнется, узнавъ, какъ томили

Тебя въ чужедальнихъ снѣгахъ,
Какъ нашу любовь, милый другъ, умертвили
Во мракѣ разлуки, въ цѣпяхъ!

И юность правдивая, вспыхнувши грозно,
Отвагой святой закипитъ:
«Зачѣмъ, о! зачѣмъ родились мы такъ поздно
Для мщенія страшныхъ обидъ?»
Падетъ безошибочно мечъ приговора—
Тираны въ гробахъ затрепещутъ своихъ!..
Поставятъ къ столбу роковому позора
Въ тотъ день не тирановъ однихъ,
Но также и васъ, малодушные братья,
Которые мимо распятыхъ идутъ—
И громкаго, страстнаго слова проклятья
Насилью въ лицо не швырнутъ!..

1893.

* * *

Цвѣтъ жизни сорванъ!..
Въ сердцѣ мракъ нѣмой,
И муза рѣдкой гостьей стала.
И нѣтъ души, которая-бъ со мной
Однимъ біеньемъ трепетала!
Ахъ! есть, была... Но лучшіе года,—
Тотъ «праздникъ, розами увитый»,—
Пройдутъ, какъ блѣдный сонъ, безъ счастья, безъ слѣда,
Въ разлукѣ, холодомъ облитой!

И тайный страхъ мою сжимаетъ грудь:
«Что̀ если съ новыми друзьями
Средь новыхъ бурь пройдённый вмѣстѣ путь
Положитъ бездну между нами?
«Что, если вновь съ волненьемъ молодымъ
Сойдемся мы къ порѣ заката—
И сердцу сердце скажется чужимъ,
Увы, родное столь когда-то?

«Что, если?..»
— Нѣтъ! прочь дума, демонъ злой!
Довольно безъ тебя страданья,
Не отнимай у сломленныхъ грозой
Послѣдней искры упованья!

Кузнецы.

Мѣхъ гудитъ и дышетъ шумно,
Близъ горнà кромѣшный адъ;
Въ пляскѣ бѣшено-безумной
Милліоны искръ летятъ.
Скачутъ огненныя стрѣлы,
Спѣетъ варъ,—и блескъ, и шумъ...
Плавны, быстры и умѣлы
Взмахи молота: дзинъ! бумъ!

Вотъ кузнецъ. Онъ весь—забота,
Черенъ, страшенъ, будто гномъ;
Щеки, мокрыя отъ пота,
Краснымъ свѣтятся огнемъ.
Ломитъ спинушку больную,
Очи жжетъ, мутится умъ;
Но кормилицу мірскую—
Соху онъ куетъ: дзинъ! бумъ!

Крѣпче, ноженьки, держите,
Не катись, слеза, изъ глазъ!
Духи мрака, кровь сосите,
Но блесни и свѣтлый часъ.
Чу! какъ будто ада звуки...
Грохотъ, пламя, лязгъ и шумъ...

А натруженныя руки
Ходятъ весело: дзинъ! бумъ!

Такъ и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро въ дни невзгоды
У горна́ борьбы святой!
Пусть грохочетъ непогода:
Молотъ вашихъ мышцъ и думъ
Счастье выкуетъ народа,
Волю-долю... Дзинъ-дзинъ! бумъ!

Учителю.

(С. С. А--ди.)

Вдали сиротѣя, подъ гнетомъ страданій,
Ты рукъ не слагаешь, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ, колебаній
Одинъ не поникшій могучей душой!

Какіе столпы вкругъ тебя упадали,
Какіе герои бросали свой щитъ,
Какія картины стыда и печали
Твое наболѣвшее сердце хранитъ!

Но бодро ты свѣточъ держалъ идеала,
И путь нашъ, окутанный въ холодъ и мракъ,
Твоя величавая мысль озаряла,
Ученій твоихъ путеводный маякъ.

Въ залитую кровью борьбу роковую
Мы, гордость свою, не пускали тебя,
Но всѣ возлюбившіе землю родную
Твоими дѣтьми признавали себя.

И сколько отважныхъ, бойцовъ безъ упрека,
Въ слезахъ проводилъ ты, какъ нѣжная мать,

Въ тотъ путь неизвѣстный, далёко-далёко...
И многихъ ли принялъ въ объятья опять?

Какъ старое дерево, вѣтви теряя,
Стоишь ты недвижно, титанъ-инвалидъ,
Послѣдній изъ славныхъ, о комъ помышляя,
Душа молодая восторгомъ дрожитъ!

Подъ солнцемъ отчизны, во мракѣ чужбины
. . . . . .
Намъ свѣтятъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучемъ!

* * *

Есть ужасныя мгновенья!
Робкій умъ пытая,
Демонъ скорби и сомнѣнья
Шепчетъ, не смолкая:

«Правда, солнышко сквозь слезы
Глянетъ послѣ ночи,
Но пока-то стихнутъ грозы—
Роса выѣстъ очи!»

* * *

Кошмары, стоны... Царство муки!
. . . . . .
И стыдъ, и горечь пораженья,
Ошибки, злобный хоръ клеветъ...
О, злая доля поколѣнья,
Для казни посланнаго въ свѣтъ!

О, неужель прошли безслѣдно
Твоя любовь и правый гнѣвъ,—
Какъ сонъ прошли, отчизны бѣдной
Не озаривъ и не согрѣвъ?
Всѣ эти жертвы, скорби, муки,
Вся эта боль живыхъ утратъ—
Ужели сгибло все?.. И внуки
Твоихъ обидъ не отомстятъ?..

О долѣ свѣтлой и широкой
Мечтало ты для всѣхъ людей—
И какъ оскорблено жестоко
Въ мечтѣ завѣтнѣйшей своей!
Огромный міръ казался тѣсенъ,
А міромъ сталъ—угрюмый сводъ...

Скажи-жъ: гдѣ звуки мощныхъ пѣсенъ,
Въ которыхъ скорбь твоя живетъ?
Иль не придетъ онъ, чудный геній,
Несчастьемъ избранный пѣвецъ,
Который для твоихъ мученій
Сплететъ безсмертія вѣнецъ?..

* * *

Онъ будетъ строгъ, потомства судъ!..
Чья жизнь бѣжитъ, какъ легкій сонъ,
Чей мертвый слухъ не потрясутъ
Ни кличъ добра, ни братьевъ стонъ;
Кто празднымъ вымысломъ зоветъ
Слова: отчизна, братство, честь,—
Утѣшьтесь, страждущіе,—тотъ
Въ вѣкахъ себѣ готовитъ месть!

Онъ будетъ правъ, потомства судъ:
Отъ злыхъ онъ добрыхъ отличитъ,
Оцѣнитъ каждый свѣтлый трудъ,
И вѣсъ, и горечь всѣхъ обидъ,
И жертву каждую зачтетъ,
И слезы всѣ и каждый стонъ...
Придетъ онъ, правый судъ, придетъ—
И гнѣвъ, и милость будетъ онъ!

* * *

День ли, ночь ли—тьмой равно объяты
Для меня и небо и земля:
Въ этомъ мірѣ больше не моя ты,
Навсегда тобой покинутъ я!

Звуки пѣсенъ въ сердцѣ замолчали,
Замеръ умъ въ безжизненной тиши;
Всѣ пути-дороженьки запали
Безъ тебя, звѣзда моей души!

Передъ этой скорбью, о родная,
Что́ разлука? Что̀ и смерти часъ?
Хоть бы зналъ я, кровью истекая,
Что виновенъ кто-нибудь изъ насъ!

1894—1895.

Молитва.

Какъ тяжкій сонъ, минула ночь разлуки—
Еще темно, но чую солнце я.
Грозой вдали, смолкаютъ въ сердцѣ муки...
Немного дней—и ты моя, моя!
Со мной навѣкъ!.. Бѣгите жъ, тѣни ночи!
Что медлите? Ужъ властно занялась
Заря во мглѣ... Пора! откройте очи,
Несчастные,—награды близокъ часъ.

Чу, голосъ злой:
«Не вѣрь, не вѣрь, безумный,
Что сжалилась судьба и надъ тобой,
Что зло и мракъ промчались бурей шумной,
И начатъ вновь пиръ жизни молодой!
«Что́ сгибло разъ—тому ужъ нѣтъ возврата;
Не вѣрь, чтобъ дважды молодость цвѣла...
Цвѣтокъ могилъ—нарядный блескъ заката,
Не принесетъ онъ свѣта и тепла!
«Не вѣрь! Твой день—лишь новыхъ бѣдъ начало,
Разувѣреній, слезъ, скорбей, обидъ...

Кого весна не розами вѣнчала,
Тому зима улыбокъ не даритъ!»

— Прочь, демоны, прочь, коршуны сомнѣнья!
Какъ милости, молю я у судьбы
Не вѣчности безъ чернаго мгновенья—
Лишь отдыха, минуты безъ борьбы.
О, неужель предвѣчными судьбами
Лишь мы одни обречены скорбямъ,
И не дано изсохшими устами
На мигъ прильнуть къ завѣтной чашѣ намъ?..

Гимнъ любви.

Подъ хохотъ злорадный могучаго зла,
Подъ стонъ непогоды мятежной,
Какъ ландышъ укромный, любовь расцвѣла
Въ душѣ боязливой и нѣжной.
Лазурныя грёзы ея стерегли
Не добрыя феи и гномы,
Но стаи шакаловъ, бродившихъ вдали,
И злобно роптавшіе громы.
Преграды со всѣхъ поднимались сторонъ,
Какъ сказочныхъ странъ великаны,—
Различіе вѣры, враждебность племенъ,
Людскихъ предразсудковъ туманы.
Всѣ призраки ада, всѣ духи скорбей
Тѣснились къ ея изголовью;
Но бодрствовалъ ангелъ-хранитель надъ ней
Съ небесной своею любовью!

И пытки самой не страшилась любовь!..
Судьба тогда злѣй ополчилась
. . . . . .
. . . . . .
Томленье разлуки, людская вражда,
При жизни весь ужасъ могилы...

Безъ вѣсти живой за годами года,
Убившіе лучшія силы...

Ахъ! часто я чуднаго демона клялъ,
Который такъ долго и жадно
Изъ сердца всю лучшую кровь выпивалъ,
Томилъ и терзалъ безпощадно.
И звалъ я отжившею ложью любовь,
Въ грядущее мысль устремляя;
Но гнѣвъ укрощался—и славилъ я вновь
Ее, какъ посланницу рая.
И свято я вѣрю, мой другъ: побѣдить
Любовь и могила невластна!
Вѣкамъ она будетъ далекимъ свѣтить,
Какъ грёза эдема, прекрасна!

* * *

Въ долины тѣнь съ вершинъ сползаетъ,—
И, точно лань, заслышавъ рогъ,
На западъ дальній убѣгаетъ
Румяный, свѣтлый жизни богъ.
Бѣжитъ... и скрылся за горами!
Но отъ востока злобный врагъ
Ужъ вѣетъ черными крылами ..
Кто одолѣетъ—свѣтъ, иль мракъ?

О! тотъ восторгъ, тотъ трепетъ бурный,
Какимъ полны сердца людей,
Когда восходитъ день лазурный,
Порукой намъ, что свѣтъ сильнѣй!

Въ странѣ сопокъ.

(Изъ картинокъ забайкальской природы и жизни).

I.

О, наконецъ, ты родная, со мной!..

Горы да горы... Подъ снѣгомъ поляны...
Море холмовъ подъ волшебной луной...
Другъ мой! не волны-ли то́ великаны,
Волнъ заколдованныхъ сонмъ ледяной?
Мы среди нихъ затерялись, родная,
Будто челнокъ въ безконечности водъ.
Въ мірѣ душа не узнаетъ живая,
Если волна этотъ челнъ захлеснетъ!
Мѣсяцъ, исполненный грусти и лѣни,
Тихо дорогой лазурной плыветъ...
Гдѣ эти краски природа беретъ,
Эти воздушные тоны и тѣни?
Какъ прихотливо по синимъ горамъ
Сумракъ змѣится! Какъ гребни блистаютъ!
Что же дрожишь ты? Зачѣмъ улетаютъ
Думы больныя къ далекимъ полямъ?

Небо глядитъ величаво, безстрастно,
Дикой сіяетъ земля красотой...

Прелести нѣтъ въ ней знакомой, родной,—
Смотришь, дивишься—а сердце безгласно!
Тихо, такъ тихо, что робость беретъ:
Съ родины дальней ни вздоха, ни звука...
Вырвись и наша сердечная мука
Крикомъ иль стономъ—онъ здѣсь и умретъ!

II.

Бѣлый снѣгъ, холодный снѣгъ кругомъ,
Да лазурь, да тишина нѣмая...
Ледянымъ серебрянымъ крыломъ
Вѣетъ ночь, надъ міромъ пролетая.
И чѣмъ выше мѣсяцъ въ небесахъ,
Тѣмъ страннѣй, причудливѣй картина;
Вонъ за льдиной, будто, встала льдина,
Вонъ—корабль, затертый въ ихъ стѣнахъ!
Смерть кругомъ... Остановилось время,
Давитъ мысль пространство безъ конца...
Мы съ тобой—два позабытыхъ всѣми
Въ океанѣ холода пловца!

III.

— Здравствуй, забытый рудникъ!—
Тамъ, гдѣ вчера привидѣнья бродили,
Нетопыри боязливые жили,
Горя и злобы не слышался крикъ,—
Вновь замигала свѣча трудовая.
Снова гранитное сердце горы
Гложутъ, какъ черви, стальные буры,
Молотъ сурово звучитъ, не смолкая,
Лязгаютъ звенья тяжелыхъ цѣпей...

Кто здѣсь томился въ минувшіе годы?
Вы ли, святые страдальцы свободы,
Темныя-ль жертвы нужды и страстей?
Крестъ былъ одинъ—и, собратъ по мученьямъ,
Васъ я одною семьей признаю:
Братскій привѣтъ одинаково шлю
Вашимъ бездомнымъ замученнымъ тѣнямъ!
Нѣтъ, не безслѣдно въ могилѣ живой
Вы, надрываясь, мозолили руки:
Васъ уже нѣтъ, но живутъ ваши муки,
Тайно витаютъ вокругъ надо мной...

Бѣдные призраки, скорбныя тѣни,
Вамъ я великую клятву даю—
Вылить въ завѣтную пѣсню мою
Всѣ ваши слезы, и вздохи и пени!..

IV.

Какъ плѣнники, весь день въ стѣнахъ мы провели!
Къ обмерзлому стеклу приникнувъ головою,
Ты смотришь, какъ дитя, на блѣдный трупъ земли,
Обвитый сумерекъ холодной пеленою.
Въ затишьи мертвенномъ, какъ-будто, бѣлый рой
Огромныхъ бабочекъ летитъ съ небесъ, пестрѣя,
Кружится, падаетъ... И вся земля, бѣлѣя,
Печальнымъ саваномъ легла передъ тобой!
Ужъ сопокъ не видать за сѣткою туманной,
Лишь ближняя порой мелькаетъ въ облакахъ,
Неясный обликъ свой мѣняя безпрестанно,
Какъ великанъ-мертвецъ, стоящій на часахъ.
Глазъ желтый мѣсяца, какъ око привидѣнья,

Блеснулъ въ молочной мглѣ—и въ тотъ же мигъ исчезъ.
Безъ звука, безъ конца, не зная утомленья,
Клоками бѣлыми снѣгъ валится съ небесъ.
Неспѣшно сыплется, какъ изъ мѣшка съ дырою!
И въ страхѣ шепчешь ты, подъ гнетомъ думъ больныхъ:
«Ужъ не засыпать ли онъ хочетъ насъ съ тобою,
Въ странѣ изгнанія похоронивъ живыхъ?»

V.

Семьею крестовъ дорогихъ заселенная,
Знакомая сопочка ярко блеститъ,
Волшебной луной озаренная...
Туда наша дума летитъ!
Здѣсь черствые люди живутъ, безучастные:
Не знаетъ, не спроситъ никто,
Какія сердца тамъ зарыты прекрасныя,
Убитыя кѣмъ и за что́...
— О, другъ мой, уйдемъ! Въ этомъ краѣ забвенія
И мертвымъ вѣдь холодно спать.
Богъ правды ужель намъ не дастъ утѣшенія
Въ родимой землѣ почивать?..

VI.

Горемыкой покинутымъ,
Далёко́ отъ друзей,
Въ краѣ, Богомъ отринутомъ,
Въ мірѣ тьмы и цѣпей,
Подъ снѣгами холодными
Ты лежишь, какъ живой,
Лишь волками голодными
Навѣщаемъ порой.

Въ эту ночь одинокую
Грезишь ты, бѣдный другъ,
Про отчизну далекую,
Про лазурный свой югъ!

VII.

Внизу, въ котловинѣ угрюмой – селенье.
Пустыня вокругъ. Замыкая просторъ,
Какъ-будто на стражѣ, стоятъ въ отдаленьи
Вершины уныло темнѣющихъ горъ.

Здѣсь, въ этой глуши чужедальней, почило
Кипучее сердце поэта... Уста
Тревожныя смолкли...
Но гдѣ же могила?
Лишь высятся два одинокихъ креста
Надъ чуждой намъ былью кровавой: печаленъ
Нерусской ихъ надписи смыслъ и звучитъ
Упрекомъ судьбѣ горделивымъ... Поваленъ
Грозою, ихъ третій товарищъ лежитъ.
А русской далекой могилы забыто
И самое мѣсто—ужъ спорятъ о немъ.
Природа къ погибшимъ добрѣе: покрыта
Вся горка живыхъ незабудокъ ковромъ;
Въ безбрежномъ, лазурью сверкающемъ полѣ
Незримое пѣнье весь день разлито—
О жизни, о счастьи, о солнцѣ, о волѣ,
О всемъ, что любилъ онъ и вѣрилъ во что...

Сажусь на поваленный крестъ и къ былому
Мечтой улетаю... —«О, духъ дорогой!

. . . . . .

Ты слышишь ли окликъ привѣтственный мой?
Увы, не посолъ и не гость добровольный,
Не съ доброю вѣстью пришелъ я къ тебѣ
. . . . . »

И, чудо! лишь смолкъ я—витающій геній
Поэта съ лазурной пропѣлъ вышины:
«Усилья отбиты двухъ-трехъ поколѣній—
Ну, что же? Иль три въ океанѣ волны?..
«За днемъ опускается ночь, но смѣниться
Зарею она неизбѣжно должна;
Волна за волною безплодно промчится—
Побѣдная все-таки грянетъ волна!
«Пускай же сгущаются мракъ и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поетъ,—
Вѣрь въ молодость! Вѣрь въ ея силу и счастье,
Зови ее пѣсней отважной впередъ!»

Таинственный кончилъ пѣвецъ, но звучали
Аккорды любви и надежды во мнѣ.
Увѣреннымъ взоромъ, безъ прежней печали,
Смотрѣлъ я на западъ, пылавшій въ огнѣ.
Съ востока ужъ мрачныя тучи сползали,
Въ долинѣ все было уныло, мертво̀,
А тамъ было солнце... Туда улетали
Два братскія сердца—мое и *его*!..

VIII.

О, пасынокъ природы нелюбимый,
Несчастья край!—Ни голубыхъ озеръ,
Ни темныхъ рощъ... Пустынный, нелюдимый,

Грядами горъ стѣсненный кругозоръ.
Спѣша, иду на голую вершину,
Въ надеждѣ тамъ родной сыскать просторъ—
Открытый видъ на мирную долину,
Иль на густой, въ коронѣ снѣжной, боръ.
Забвенья мигъ... И вотъ мечтою смѣлой
Въ больной душѣ роскошный созданъ пиръ:
Не тамъ ли, тамъ, за этой гранью бѣлой,
Лежитъ и онъ, отчизны свѣтлый міръ?
Вотъ верхъ скалы... О, тише, сердце, тише!
Поднялся я—и слезы чуть сдержалъ:
Рядъ новыхъ горъ, еще мрачнѣй и выше,
Къ отчизнѣ путь сурово преграждалъ!..
Спускалась ночь; кричала гдѣ-то птица;
Валился снѣгъ на свѣжій волчій слѣдъ...
Мечтатель, стой! Прочна твоя темница—
На родину пути отсюда нѣтъ!

IX.

Странныя, неясныя, полныя печали,
Подъ луной туманною тѣни сопокъ встали.
Надъ хребтами снѣжными я лечу мечтою...
Вотъ лощина мрачная съ мрачною тюрьмою.
На тѣни огромные, словно духи ада,
Часовые зоркіе ходятъ вдоль фасада.
Ружья тихо брякаютъ, мѣренъ шагъ унылый...
За стѣной гранитною тишина могилы!.

. . . . . .

Въ эти ночи ясныя тихъ ли сонъ вашъ, братья?
Снится-ль мать вамъ, родина, братскія объятья?
Снится-ль, что невидимо, подъ луною бѣлой,

Здѣсь, какъ духъ отверженный, я брожу несмѣло?
Тяжко спятъ колодники... Слышенъ звонъ кандальный,
Чей-то скрежетъ яростный, чей-то вздохъ печальный...
Ноги крѣпко скованы, головы обриты—
Божество поругано, счастья сны убиты!..

Ночь глядитъ, залитая серебромъ морознымъ,
Сопокъ рядъ чернѣется въ отдаленьи грозномъ.

X.

(Памяти Ѳ. М. Достоевскаго).

Весь вечеръ слушалъ я, охваченъ дрожью гнѣвной,
До глубины души взволнованъ, потрясенъ
Бесѣдой дикой ихъ и темнотой душевной,
И тщетно силился прервать гнетущій сонъ!
Кровь, сцены грабежа—и хохотъ безсердечный...
Напрасно въ глубь себя замкнуться я хочу,
Васъ, тѣни милыя, вашъ обликъ человѣчный
Съ болѣзненной тоской вездѣ кругомъ ищу,
Ищу, зову, молю... Увы! лишь на мгновенье,
Со взоромъ, полнымъ слезъ, блеснете вдалекѣ—
И скроетесь тотчасъ въ испугѣ и смятеньи...
И я опять одинъ мечусь въ бреду, въ тоскѣ!

— О, злобный фарсъ судьбы!.. Какъ жадною мечтою
Я рвался въ вышину къ лазурнымъ небесамъ,
Какъ міръ хотѣлъ обнять восторженной душою—
И вотъ товарищъ я злодѣямъ и ворамъ!
Мой міръ сталъ міръ убійцъ... Громами обличенья
Перерождать сердца мнѣ дара не дано;
Искать луча небесъ на глубинѣ паденья—
Хвалы достойный трудъ, но... онъ свершенъ давно!

Умри жъ, безумный вопль! Мечты борьбы, усните!
Въ мученьяхъ пытки злой хотя бы честь сберечь...

О, радость! Ночь близка... Ужъ путаются нити
Разбившихся бесѣдъ, лѣнивѣй льется рѣчь.
И ангелъ сна прошелъ надъ мрачною тюрьмою:
Какъ трупы, полегли колодники кругомъ.
Тускнѣетъ лампы свѣтъ... И, споря съ тишиною,
Ударилъ барабанъ, знакомый, мѣрный громъ.
Мнѣ онъ не вѣстникъ сна! Таинственный и властный,
Онъ говоритъ: «Воспрянь! желанный мигъ насталъ.
Они идутъ къ тебѣ, друзья поры прекрасной,
Которыхъ жаждалъ ты и такъ безумно звалъ.
«Ты слышишь—легкій шумъ раздался въ отдаленьи?
То шелестъ крыльевъ ихъ. Смотри: изъ всѣхъ угловъ,
Со всѣхъ сторонъ глядятъ заплаканныя тѣни
Знакомцевъ дорогихъ. . Ты слышишь нѣжный зовъ?
«—Очнись, страдалецъ нашъ! Лови часы свободы!
Стряхни сомнѣній гнетъ, ты нами не забытъ.
Ты такъ же дорогъ намъ и въ эту ночь невзгоды.
Подъ властью мелочныхъ гоненій и обидъ.
«—Гордись! къ тебѣ пятна позора не пристало!
Склонись на нашу грудь, на любящую грудь,
Повѣдай намъ всю боль души твоей усталой,
Такъ страстно рвущейся отъ странствій отдохнуть.
«—О, потерпи, родной! желанный отдыхъ скоро:
Ужъ виденъ мирный кровъ и кипарисовъ тѣнь.
Страданью есть конецъ, а правдѣ нѣтъ позора!
Что́ ночь, когда за ней сіяетъ вѣчный день?..»

XI.

Сегодня нашъ рудникъ весь потонулъ въ цвѣтахъ!
Толпа колодниковъ, обритыхъ и въ цѣпяхъ,
Вперивъ еще разъ въ даль тоскующіе взоры,
Вздыхая и кряхтя, въ свои вползаетъ норы.
Безрадостный пріютъ неволи и труда!
Съ обледенѣлыхъ стѣнъ ручьемъ бѣжитъ вода;
Спускаясь въ полутьмѣ, о мокрыя ступени
Скользитъ нога... Склонись по-рабски на колѣни
И въ каменную грудь безсмысленно стучи!
А сердце гордое безропотно молчи!..

На вольный божій свѣтъ онъ вышелъ изъ могилы,
Отъ холода дрожа, озлобленный, унылый,
И ненавистнымъ все нашелъ опять вокругъ—
Всей этой красоты бездушной ликованье,
Природы наглый блескъ передъ лицомъ страданья,
И ароматный лѣсъ, и горъ зеленыхъ кругъ...

Но вдругъ—тамъ, въ вышинѣ, въ лазури чистой утра,—
Невольно взоръ маня причудливой игрой,
Съ каймой изъ золота обломокъ перламутра,
Отъ юга облачко промчалось съ быстротой.
И въ душу брызнулъ свѣтъ поэзіи забытой,
И сердце мертвое мгновенно расцвѣло!
— О, что тебя въ нашъ край суровый занесло,
Чудесный гость весны? Порывъ ли бурь сердитый,
Или бродячій нравъ? Изъ Ганга-ль свѣтлыхъ водъ,
Изъ темныхъ ли пучинъ ты вышло океана?
Отчизну знойную, гдѣ рай земной цвѣтетъ,

Скажи, успѣло-ль ты забыть въ странѣ тумана?
Но вотъ нахмурился твой лучезарный ликъ,
Ты дрогнуло и въ высь испуганно вспорхнуло!
Огонь цвѣтовъ померкъ... Еще блаженный мигъ—
И утра дивное видѣнье потонуло.
Не ужаснулось ли ты вида нашихъ мукъ,
Свирѣпости людской, безумья и позора?
Въ мысль не пришло-ль тебѣ, что отъ бездушныхъ рукъ
Не скроешься и ты, любимица простора?..

— Прости, краса небесъ! Минутный гость, прости!
Спасибо и за то: волшебный сонъ свободы
Ты пробудилъ во мнѣ... Счастливаго пути
Въ счастливую страну, гдѣ ясенъ пиръ природы!
О, побывай и тамъ, въ краю весны моей,
Гдѣ милая моя печально увядаетъ,
Гдѣ въ зелени садовъ рокочетъ соловей
Про счастье и любовь, и синій Днѣстръ сверкаетъ.
Шепни ей съ вѣтеркомъ, который мчитъ тебя,
Что прошлое отнять у насъ безсильны годы,
Что все я вѣренъ ей, что все я жду, любя:
Затворы упадутъ—и грянетъ вѣсть свободы!

XII.

Какъ странникъ, во-время среди пути глухого
Изъ снѣга вырытый заботливой рукой,
Моя душа оттаиваетъ снова
Для счастья и любви былой.
Дивясь еще, гляжу на снѣговыя горы,
Стѣною ставшія кругомъ моей тюрьмы,
Гдѣ столько черныхъ дней безъ дружбы и опоры

Я прозябалъ одинъ, средь холода и тьмы.
Оконченъ злой кошмаръ... О, милая, родная!
Ты на яву со мной? Гранитамъ и снѣгамъ
Вновь не разрознить насъ? Ликуя иль страдая,
Все, все раздѣлимъ мы отнынѣ пополамъ!
Взгляни, мой другъ, взгляни: какъ чудно озарилась
Морозной ночи даль! Какъ мертвая луна
Внезапно расцвѣла,—и, словно, воротилась
Погибшей юности блаженная весна!
Ты слышишь, какъ вокругъ звучитъ призывъ: «Воскресни!»
Какъ сердце у тебя ликуетъ и поетъ,
Какъ у меня въ груди вновь пробудились пѣсни,
Что̀ славили тебя и свѣтлый нашъ восходъ?..

1896—1897.

На родномъ рубежѣ.

Едва вступилъ я въ свѣжій мракъ долины,
Гдѣ темный боръ въ затишьи полдня спалъ,
Встревожились могучія вершины—
По соснамъ шумъ невнятный пробѣжалъ.
И былъ ли то отчизны зовъ привѣтный,
Укоръ ли въ чемъ, иль только вѣтра стонъ,
Меня восторгъ наполнилъ беззавѣтный,
Далекихъ лѣтъ возсталъ прекрасный сонъ!
И все, чѣмъ грудь въ разлукѣ наболѣла,—
Волна надеждъ, проклятій, жалобъ, слезъ,
Все, что навѣкъ, казалось, догорѣло,
И какъ струна, въ тиши оборвалось,—
Въ нѣмой душѣ все зазвучало снова:
Къ корнямъ стволовъ-гигантовъ я припалъ
И, не таясь отъ полдня голубого,
Сѣдой ихъ мохъ со страстью цѣловалъ.
— «Привѣтъ тебѣ, о лѣсъ широкошумный,
Привѣтъ тебѣ, рубежъ полей родныхъ!
Свершился сонъ несбыточно-безумный:

Отчизна-мать, я вновь у ногъ твоихъ!
«Возьми-жъ меня—всего, со всею кровью,
Всѣмъ пыломъ думъ и волею моей!
Пока дышу, клянусь я пѣть съ любовью
Твою лишь скорбь и скорбь твоихъ друзей!
«Томясь вдали, въ краю чужомъ, угрюмомъ,
Въ любви къ тебѣ мой стихъ я закалялъ...»

И лѣсъ, въ отвѣтъ, съ печально-кроткимъ шумомъ
Мой путь дождемъ колючимъ осыпалъ.

Въ деревнѣ.

Какъ въ сказкѣ, я живу... Чуть утро зарумянитъ
Верхи сосновыхъ рощъ, и въ окна солнце взглянетъ,
Меня ужъ будитъ рогъ призывный пастуха.
О, я поклясться-бъ могъ, не побоясь грѣха,
Что въ жизни не слыхалъ такихъ я звуковъ странныхъ—
Изъ дѣтскихъ грёзъ они и сновъ благоуханныхъ!
И долго чудный рогъ не устаетъ звучать.
Но мнѣ, лѣнивцу, глазъ не хочется разжать:
Мнѣ снится, что колдунъ, завидѣвъ станъ враждебный,
Съ угрозою летитъ, трубя въ свой рогъ волшебный...

Мой день еще великъ, и много въ немъ чудесъ.
Вхожу ли въ полдень я въ пышнокудрявый лѣсъ,
Дивитъ меня его торжественная дума—
За мигомъ тишины волна глухого шума.
А подъ вечеръ—какъ свѣжъ березъ ожившихъ листъ!
Какихъ тутъ звуковъ хоръ, веселый трескъ и свистъ!
Протяжно вдалекѣ кукушка прокричала,
Проплакалъ ястребокъ, телѣга простучала...
И вотъ по прòсѣкѣ, наѣзженнымъ путемъ,
Труситъ себѣ рысцой съ понурымъ мужичкомъ
Нехитрая на видъ, мохнатая клячонка.
Замедленъ ходъ колесъ; кургузая шляпенка
Съ затылка падаетъ въ почтеніи нѣмомъ

(Родной, забытый видъ, онъ кажется мнѣ сномъ!).
Немудрый разговоръ: «Куда, да кто? откуда?»

И самъ себѣ кажусь я чѣмъ-то вродѣ чуда,
Скиталецъ сумрачный, отверженецъ людской,
Обнявшій вновь порогъ отчизны дорогой,
Готовый вновь мечтать о близкомъ царствѣ свѣта,
Печальной родинѣ слагая гимнъ привѣта...

* * *

Поэтовъ нѣтъ... Не стало свѣтлыхъ пѣсенъ,
Будившихъ міръ, какъ предразсвѣтный звонъ!
Какъ горизонтъ невыносимо-тѣсенъ,
И какъ унылъ тягучій жизни сонъ!
И гражданъ нѣтъ... Потоки благородныхъ,
Красивыхъ словъ, но... лишь безплодныхъ словъ:
Въ ненастный день не больше волнъ холодныхъ
Рокочетъ у скалистыхъ береговъ!

А между тѣмъ—все такъ же небо сине,
Душисты рощи, радужны цвѣты;
Въ пучинахъ звѣздъ, въ толпѣ людской, въ пустынѣ
Все столько же безсмертной красоты.
И такъ же скорбь безмѣрна, скорбь людская...
. . . . . .

* * *

Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ,
И звучныя пѣсни допѣты!
Зловѣще молчанье, и сумракъ глубокъ...
— О, геній поэзіи, гдѣ ты?
Гдѣ голосъ твой прежній, что юность зажечь
Умѣлъ вдохновеньемъ и страстью,—
Свободная, смѣлая, честная рѣчь
Съ ея обаяньемъ и властью?
Ужели навѣкъ ты отъ насъ отвратилъ
Свой ликъ лучезарно-прекрасный,
И свѣтъ твой не утра предвѣстникомъ былъ,
А ночи тревожно-ненастной?

Нѣтъ, нѣтъ! эти тучи безсилья и сна
Промчатся надъ родиной бѣдной,
И снова придешь ты, какъ жизни весна,
Въ сіяніи власти побѣдной...
И пѣсня, поникшая грустно челомъ,
Какъ птица въ предчувствіи бури,
Очнется внезапно, ударитъ крыломъ—
И гордо взовьется къ лазури!

* * *

Долга, упорна ночь! Угрюмое сомнѣнье
Растетъ въ душѣ моей давно:
Онъ будетъ, красный день, но наше поколѣнье
Его увидѣть не должно!

Такъ старый Моисей, одинъ, вдали отъ стана
И шума воинскихъ тревогъ,
Скорбя, глядѣлъ съ горы въ далину Ханаана,
Войти въ которую не могъ.

Поздняя радость.

(Посвящается В. Н. Ф.).

Лѣсъ увядаетъ, и падаетъ
Листьевъ шумливый потокъ.
Поздняя радость не радуетъ:
Вотъ, ароматный цвѣтокъ
Выглянулъ... Счастьемъ сіяющій,
Синій смѣется глазокъ...
Грустно гигантъ умирающій
Смотритъ на блѣдный цвѣтокъ!

Поздняя радость не радуетъ—
Тайный лишь будитъ укоръ.
Годы промчались—и падаетъ
Тяжкій тюремный затворъ.
Свѣта потокъ ослѣпительный
Вспыхнулъ на мрачныхъ стѣнахъ,
Воздухъ ворвался живительный...
Узникъ выходитъ, въ слезахъ.

Что́ ему солнце веселое,
Краски и запахъ цвѣтовъ?

Сброшены цѣпи тяжелыя—
Сбросишь ли тяжесть годовъ?
Скроешь ли волосы бѣлые,
Силу воротишь ли вновь?
Сгибли товарищи смѣлые,
Юность, отвага, любовь!

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

	стран.
Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя	29
Батракъ	200
Битва жизни	29
Борьба окончена—побѣда за тобой	80
Буря	107
Были черные дни	224
«Бѣлка, бѣлка!..» крикъ раздался	11
Бѣлый снѣгъ, холодный снѣгъ кругомъ	255
Вдали сиротѣя, подъ гнетомъ страданій	242
Веселый лучъ	148
Весенняя сказка	7
Весь вечеръ слушалъ я	261
Внизу, въ котловинѣ угрюмой	258
Возмущеніе любви	76
Во мракѣ былого	210
Вотъ и кончился день	6
Все было тихо надъ рѣкою	41
Все, все простить бы вамъ	141
Все глубже сонъ и мракъ	191
Вы говорите: не нужна	137
Въ безмолвіи полночи	222
Въ брилліантовой коронѣ	7

СТРАН.

Въ день черный юности кичливой 126
Въ деревнѣ 268
Въ дни когда была ночь молчаливая 158
Въ дни радости свѣтлой 124
Въ долины тѣнь съ вершинъ сползаетъ 253
Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ утопая . . . 200
Въ кругу друзей, учениковъ 151
Въ минуты радости и горя 110
Въ морѣ 114
Въ осенній грустный день 145
Въ полдень іюльскій горячій 63
Въ предсмертный часъ 25
Въ рабочемъ домѣ 234
Въ странѣ сопокъ 254
Въ театрѣ 35
Въ темномъ морѣ, въ часъ ночной 138
Въ тѣ дни восторженности юной 128
Въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ кипучихъ 119
Въ часъ веселья и шумной забавы 32
Въ черный день 126
Въ эти дни больного озлобленья 51
Въ эти свѣтлые дни 75
Въ этомъ городѣ страшномъ 122

Гимнъ любви 251
Глубокая бездна въ началѣ вѣковъ 203
Голосъ 128
Голуби 159
Горемыкой покинутымъ 257

Давно предузналъ я твой жребій 189
Да! въ мірѣ живыхъ намъ свиданія нѣтъ . . . 188
Данаиды 21
Два посвященія 3
День-ли, ночь-ли—тьмой равно объяты 248
Дни настали слезъ и гнѣва 136
Долга, упорна ночь 272

СТРАН.

Долго борьба наша длилась 78
Дороже райскихъ благъ 216
До утра, въ томленьи страсти 142
Другу юности. 156
Другъ мой, добрый мой другъ 135

Едва вступилъ я въ свѣжій мракъ долины . . 266
Если честно вы храните 183
Если, чувствуя вѣры священное пламя 56
Есть ужасныя мгновенья 244
Есть эпохи печалей 215
Еще изъ Чезаре Никколини 233

Журавли 145

Забвенье вашъ удѣлъ, безумные вѣка 219
Забытый другъ 132
Забытый мертвецъ 212
Забытый міръ: надъ каждою могилой 38
За все, за все,—за гордый пылъ 121
Затерявшійся крикъ 22
Затерянныя стихотворенія Лермонтова 96
За что любить тебя? 198
Звѣздное небо, нѣмое, чудесное 5
Здравствуй, забытый рудникъ 255
Здравствуйте, бодрые мыслью и духомъ 43
Зеленѣлъ Байкалъ сердитый 171

Идеалъ 220
Изъ былого 58
Изъ глуши 179
Изъ смутныхъ дней 203
Изъ странствій далекихъ и долгихъ 227
Изъ Сюлли-Прюдома 21
Изъ Чезаре Никколини 159

Какъ въ сказкѣ, я живу 268

СТРАН.

Какъ плѣнники, весь день мы провели 256
Какъ странникъ, во́-время среди пути глухого . 264
Какъ страстный горячечный бредъ 58
Какъ тяжкій сонъ, минула ночь разлуки . . . 249
Когда, ледяное молчанье храня 132
Когда съ душой, страданьемъ охлажденной . . 173
Корабль 18
Кошмары, стоны, царство муки 245
Куда же мчимся мы съ такою быстротою . . . 27
Кузнецы 240
Купальская ночь 142
Къ портрету 75
Къ родинѣ 198
Къ свѣту 27

Лазурны, ласковы и знойны 18
Лежу, какъ трупъ безжизненный 130
Ловля бѣлки 11
Лѣсъ увядаетъ—и падаетъ 273

Мечъ и лира 63
Мнѣ снилось—окончились годы 212
Мнѣ снилось сегодня 197
Мнѣ снилось, что ты умерла 83
Молитва 136
Молитва 249
Муки брата смягчая въ чужой сторонѣ 211
Мѣхъ гудитъ и дышетъ шумно 240

На башнѣ 22
На всю жизнь 225
Надъ могилой друга 54
Надъ рощей пальмъ 49
Надъ рѣкою 41
На зарѣ нашихъ дней 176
Наканунѣ 153
На стражѣ Италіи 233

СТРАН.

На родномъ рубежѣ 266
Нашъ полдень билъ 196
Не за каждымъ всплескомъ моря 114
Не морская-ль то краса-царевна 102
Не плачу я 54
Не плачь, сестра моя 165
Не поминай, что ты меня сгубила 140
Не пора ли отдохнуть, о братья 57
Не счастье я тебѣ принесъ 109
Не съ горделивой усмѣшкой презрѣнья 184
Не ужасы борьбы и злобнаго гоненья 225
Ни въ чемъ очарованья нѣтъ 46
Ни дружеской руки, ни любящаго взгляда . . 179
Никогда я не забуду 169
Но... если все это сонъ 81
Ночь сошла лазурно-ясная 16
Нѣжно-ль лепечетъ дитя 117
Нѣтъ, еще мало страдалъ я 182

Обдѣленные 38
Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ 271
Обрядъ окончился позорный 160
Одолѣли думы мрачныя 48
О, если-бъ я владѣлъ стихомъ 20
О, наконецъ, ты, родная, со мной 254
Оно дрожитъ въ рукахъ моихъ 112
Онъ будетъ строгъ, потомства судъ 247
Онъ свѣтитъ, какъ маякъ надъ бездною морскою 220
О, пасынокъ природы нелюбимый 259
Орлица 125
О, сердце! пора привыкать 53
Отъ рожденья, видно, тѣнь проклятья 81
Оттого моя арфа безмолвна виситъ 164

Падающая звѣзда 5
Передъ отѣздомъ 165
Печально прошла твоя жизнь, моя бѣдная . . 207

СТРАН.

Письмо 112
Пловцы 57
Подъ вой волковъ лѣсной пустыни 153
Подъ снѣгомъ 14
Подъ хохотъ злорадный могучаго зла 251
Поздняя радость 273
По лазури, чуть бѣлѣя 88
Портретъ 167
Потомство узнаетъ, потомство услышитъ . . . 236
Поѣздка кругомъ Байкала 171
Поэтовъ нѣтъ! не стало свѣтлыхъ пѣсенъ . . . 270
Поэтъ 117
Примчалась буря 107
Проводы 122
Промчалась молодость 186
Проснись, дитя мое, проснись 89
Прощай, мой другъ! Я бодръ 166
Прощаніе 186
Пусть ты созданья перлъ 205
Пѣсня 162

Равнина мертвая подъ снѣжной пеленой . . . 14
Разбитая ваза 24
Разставаніе 169
Разсѣянъ мракъ 55
Раны 23
Руки горестно сжавъ 80
Рѣшеніе 51
Рѣшетки, бойницы . . . . . .

Сбылись мои страшные сны 76
Сегодня нашъ рудникъ весь потонулъ въ цвѣтахъ 263
Семьею крестовъ дорогихъ 257
Сестрѣ 158
Сестрѣ 207
Сила жизни 138
Сказочный городъ 90

СТРАН.

Сколько разъ надо мной пролеталъ 106
Смолкъ честный голосъ убѣжденья 175
Снова въ душѣ загораются 192
Сны узника 161
Сократъ 151
Страдай одинъ 155
Странная дѣвушка 167
Странникъ 227
Странныя, неясныя, полныя печали 260
Страсть налетѣла, какъ бурный порывъ 77
Съ тоскующей улыбкой, долгимъ взоромъ . . . 93
Съ трескомъ сводъ небесный 86
Съ тѣхъ поръ, какъ помнимъ жизнь 156

Тайны поэта 115
Такъ знай же: въ тюрьмѣ я 85
Терпѣнье, кроткое терпѣнье 196
Товарищи, братья, друзья 118
Тревога 16
Тревогу ударило сердце больное 82
Ты дивилась, я помню, мой другъ 115
Ты знавалъ этотъ городъ тумановъ 87
Ты немного опять, но, любя, написала 195

Успокоеніе 34
Учителю 242

Фантазія 102

Цвѣтъ жизни сорванъ 238

Часа свиданья дождавшись 177
Человѣкъ 205
Что я скажу? 130

Шумъ нетерпѣнья—и струны послушныя. . . . 35

СТРАН.

Эти пѣсни гирляндою розъ 3
Эфемернымъ блистая нарядомъ 61
Эфирной толпою тѣ свѣтлые дни пролетали . . 77

Юность 184
Юношѣ 56

Я воленъ и гордъ 84
Я пою для тѣхъ, чьи души юны 3
Яркія звѣзды горятъ надъ землей 34
Ярко небо странъ далекихъ 150
Я также пѣть бы могъ 181
Я такъ люблю тебя 95
Я твой, земля 44
Я твой смѣхъ безпечный, рѣзвый 50

КОНЕЦЪ I-ГО ТОМА.

469044
LR
Y1566st
Yakubovich, Petr Filippovich
Стихотворенія ...
Т.1 (5.,изд.)
[Title transliterated: Stikhotvoreniya]

DATE. | NAME OF BORROWER

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET